

Андреев А.Н.

**ПСИХИКА И СОЗНАНИЕ:
ДВА ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ**

Книга 1

КАПЛИ ОКЕАНА

Минск 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
РАЗДЕЛ 1 ФЕНОМЕН ПСИХОИДЕОЛОГИИ.....	4
РАЗДЕЛ 2 ФИЛОСОФИЯ МЫШЛЕНИЯ	36
РАЗДЕЛ 3 НАТУРА И КУЛЬТУРА.....	76
РАЗДЕЛ 4 О ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСТВА, ИСКУССТВА, ЭСТЕТИКИ.....	101
РАЗДЕЛ 5 ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ.....	119
РАЗДЕЛ 6 ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИУМА.....	145
РАЗДЕЛ 7 АФОРИЗМЫ И СУЖДЕНИЯ (из книги «Эти коварные доводы разума»)	173

Одно только благо – знание, и одно только зло – невежество.

Сократ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Афоризмы, максимы, лапидарные этюды и тому подобные чеканные формулы мудрости, по моему глубокому убеждению, самодостаточны только тогда, когда у их авторов есть целостное представление о мире, человеке и его системе ценностей. В противном случае даже самые блестящие афоризмы лишь относительно содержательны, ибо они всегда нуждаются в определенном комментарии, который должен не исказить, а углублять их смысл, для афоризмов необходим самый общий смысловой контекст, проще говоря, философская система, в рамках которой краткое чеканное суждение начинает сверкать бездонной глубиной: за каплей становится ошутим океан. Каплю какого океана, например, представляет собой умозаключение Сократа, вынесенное в эпиграф книги?

На мой взгляд, она из того вечного океана, из которого выплеснулись и предлагаемые читателю капли–этюды. Океан родился не сегодня и не вчера, он был всегда, но распознать его, конечно, дано тем, для кого сократово «знание» (то есть умение мыслить, ведущее к мудрости) есть начало начал в культуре.

Вот почему вначале я был озабочен принципами организации универсума («океаном»), а теперь, мне кажется, могу позволить себе оттачивать некоторые мысли («капли»), которые в идеале могли бы стать каплями сверкающими. Очевидно, что каждая такая капля, в свою очередь, помогает яснее осознать глобальную целостность «океана», но большому счету, предлагаемая книга этюдов – своеобразное приложение к первым двум работам, написанным одновременно с этой (имеются в виду монографии «Целостный анализ литературного произведения», Минск, 1995 и «Культурология. Личность и культура», Минск, 1998).

Возможно, «капля океана» – особая разновидность философской эссеистики. Перетекание капли в океан и обратно является вопросом не только усердия и необходимой ясности мысли, но уже отчасти и вопросом стиливой, эстетической выразительности. Чтобы капля засверкала гранями совершенства, необходимо совпадение множества условий, которые ближе всего определяются понятием талант. Можно ли требовать этого от автора?

Во всяком случае, подобные вещи никогда еще не были в его власти. Он может лишь очень этого желать. Но получится ли, засверкает ли капля – об этом судить читателю. Капли безмерные и сверкающие – это установка, а не самооценка творческой продукции.

1995, 1998

РАЗДЕЛ 1

ФЕНОМЕН ПСИХОИДЕОЛОГИИ

Человек – велик.

Человек – комичен.

Человек – трагичен.

Велик – благодаря разуму, который выделяет и отделяет человека из природы. Человек становится венцом творящей природы, ибо только ему дано с помощью сознания познать ее законы.

Комичен – вследствие своей фатальной подвластности природе, реализующей свое царственное воздействие на человека с помощью психического, чувственно-эмоционального (внесознательного) управления, базирующегося на инстинктивных программах.

Трагичен – потому что вынужден носить в себе создавшие его непримиримые начала: величие и комичность, вынужден примирять два разрывающих его полюса, несмотря на то, что не в силах сделать это.

Человек – целостен: велик, комичен и трагичен одновременно. Но по-разному. Разница заключается, в том, хватает ли у него величия (способности осознать), чтобы разглядеть свою реальную силу и слабость, или он мистифицирует, комически искажает столь же реальную зависимость от «сверхъестественных» «сил зла». Видеть свою комическую изнанку, осознать себя как часть природы – тоже один из признаков величия. Быть нерассуждающим рабом природы, смиренно подчиняться тобой же со страху выдуманному богам и смирение это лицемерно ставить себе же в заслугу – вот высшая степень комизма.

Соответственно, трагизм, духовное родовое пятно личности, также приобретает величественный или комический оттенок.

Психологическое приспособление к действительности – легко и приятно во всех отношениях; интеллектуальное же приспособление – крайне тяжело.

Искусство, мораль, религия, политическая идеология (особенно в сниженном варианте массовой культуры) – все это способы психологического приспособления к реальности. Человек толпы (массовый человек) почти не желает напрягаться по поводу интеллектуального освоения мира. В конце концов, это его право; спрос же на альтернативные психологические технологии рождает обильные предложения. Что хотят,

чего ждут – то и получают. Все это примитивное в духовном отношении житье-бытье не устраивает только тех, кто пытается всерьез приспособиться интеллектуально, у кого возникли иные потребности, другой спрос. (Подстрахуемся от неоправданной категоричности: у форм общественного сознания, специализирующихся на внесознательном приспособлении, существуют разные уровни, в том числе и высшие, философские, которые тяготеют к собственно интеллектуальным; было бы некорректным распространять на них в полной мере характеристики, приложимые к чисто психологическому освоению жизни.)

Претендуя на интеллектуальное приспособление к реальности, отметим, что психологическая референтность обстоятельствам необходима не в меньшей степени. Проблема в том, что сплошь и рядом психологическое приспособление **подменяет** собой интеллектуальное. Поэтому мы живем в искаженном мире – искаженном, так сказать, ради жизни на Земле, но тем не менее искаженном. Видеть это людям с высокоразвитым интеллектом порой бывает по-настоящему тяжело. Весь скепсис мудрых порожден, с одной стороны, осознанием катастрофической краткости бытия, а с другой – осознанием того факта, что повальная нацеленность почти исключительно на психологическое приспособление (иначе говоря, прирожденная умственная неполноценность) делает «исправление», «улучшение» людей делом безнадежным.

Весь оптимизм мудрых, по сути, заключается в одном: в понимании того, что заведенный порядок вещей вполне естественен. Люди не виноваты в том, что они такие. И никто не виноват. Настоящая, следовательно, созерцательная, мудрость способна со многим примирить.

Думаю, именно в разности психологического и интеллектуального подходов заключен великий смысл всем известной формулы: горе от ума. Умный человек живет в каком-то зазеркалье. Он все время оказывается в положении мальчика, ясно видящего, что король-то гол, но в отличие от сказки, в жизни ему никто не поверит, сколько бы он ни кричал. Более того, умный – это ведь и есть самый настоящий сумасшедший с точки зрения здравого смысла – т.е. смысла, обслуживающего потребности психологического приспособления. Поэтому последовательная нейтрализация умного – объявление его дураком, идиотом, неполноценным. Этот ход многократно апробирован в истории мировой культуры.

Общественное сознание надежно защищено от проникновения «вируса» мудрости. Умных просят не беспокоиться: в их услугах серьезно никто не нуждается.

Все было бы терпимо, если бы действительные дураки не были естественной средой обитания, агрессивно отторгающей умников. Поэтому действительно мудрые вынуждены, интеллектуально приспособившись, становиться немножко дураками – ради жизни, ради того, чтобы их сложнее было различить в толпе...

Идеология базируется на том, что справедливое, истинное, верное в одном отношении «правило» распространяется на все иные отношения, что влечет за собой колоссальные искажения комплекса иных отношений. Идеологический по определению значит: верный в одном отношении и неверный в другом.

У человека склада идеологического как бы есть моральное право настаивать на истинности на самом деле далеких от истины взглядов. Идеолог убежден в правильности своего метода: по части судить о целом, по себе – о других; его метод – элементарная аналогия.

Сказать идеологу, что он нечестен, лукав – только раззадорить его и придать ему уверенности в своей правоте: по примитивной логике «от противного». Назвать его глупцом (что соответствует действительности) – нажать худшего врага.

В том-то и дело, что он и честен, и справедлив, и хочет как лучше. Но недостаток ума теоретического, неспособность к ответственному мышлению превращают замечательного по своим моральным качествам человека в монстра – в отношении тех, кого он считает глупыми, недалекими, не умеющими распознавать собственное счастье.

Гуманно нейтрализовать идеолога можно только одним способом: привить такую идеологию, которая бы допускала иные идеологии. Живи сам – но дай жить, идеологически дышать другим. Тем же, кто озабочен исследованием всех возможных отношений субъекта и объекта следует выработать внеидеологическое мышление – т.е. мышление научное, не подотчетное стихии психических тайфунов, выведенное за рамки человеческих интересов и потребностей.

Служить истине – часто означает перестать служить человеку. Вот почему тот, кто становится умным, отдаляется от людей. Идеология сразу же стала формой защиты жизни, потому следует иметь в виду, что, разоблачая идеологии, ты покушаешься на жизнь.

Человеку умному остается один выход: понять, что неразумная жизнь повенчана с идиотизмом идеологий, и не препятствовать этому союзу, осознавая, что истина несовместима с идеологией – и в то же время последняя всегда в какой-то степени соответствует первой, хотя бы уже тем, что защищает жизнь.

Идеологи ощущают свою относительную глубинную, космическую правоту; мудрецы осознают свою тотальную, вселенскую правоту и ощущают нечто вроде добровольно принятой на себя вины перед неразумными идеологами.

Если все сказанное мной просто, то сложности в этом мире не более, чем в отношениях истины и идеологии.

Существует реальность психическая (субъективная) и объективная. Психика осуществляет модельное перенесение внешнего (объективного) во внутреннее. При этом психика искажает реальность в угоду потребностям.

Сложность проблемы заключается в том, что мы вынуждены считаться и с психической, и с действительной реальностью. Нормальная психика вполне обоснованно требует защиты, поскольку она не может длительное время оставаться беззащитной: это губительное для нее состояние. И самый большой фокус, который преподносит нам психика, состоит в следующем: защита психики есть одновременно манипуляция ею. Что имеется в виду?

Психика не может защищать сама себя. Ей требуется пища, основа. Напомню: психика может только приспосабливаться (в том числе – и к самой себе). Перестраивать, перетасовывать же компоненты реальности, устраняя источник дискомфорта, психика не в состоянии: это выше ее возможностей.

Итак, есть два пути: либо приспосабливать реальность под себя, либо приспосабливаться к реальности. Поскольку психика всецело заиклена на второй альтернативе, ей как системе приспособления необходима «защита», т.е. способность охмурять себя иллюзиями до такой степени, что выдуманная реальность, в которой хорошо, комфортно и бесппроблемно, становится реальнее настоящей, невыдуманной. Если психическую защитную призму убрать, разоблачить лежащий в основе ее механизма простой, но эффективный трюк, то весь сверхсложный информационный комплекс под названием человек может рухнуть под напором настоящих, часто неразрешимых проблем. Хочешь жить – защищайся, обманывай себя (или вырабатывай систему иной, интеллектуальной защиты; но эта тема требует отдельного разговора).

Исторически сформировалось несколько способов эффективной психологической самообороны на индивидуальном и социальном уровнях.

Поскольку психика (душа) зависима и от тела, и от сознания (мыслительной инстанции), защитой психики могут служить оба источника. Лучшая защита психики – здоровое тело (отсюда: в здоровом теле – здоровый дух, в данном контексте – душа). Но защитой психики может быть также и то, что разрушает тело, например, всевозможные наркотики. Лучшая пища для психики – дружба и любовь.

Вот наиболее действенные способы самообороны психики на индивидуальном уровне (по Фрейду):

- замещение;
- оборачивание (переворачивание);
- сублимация.

Вероятно, можно обнаружить и иные способы. Мне важно указать на сам

принцип защиты.

Что касается уровня социально-психического, то здесь безраздельно царствует великое триединство:

- мифотворчество;
- религия;
- искусство.

Раз уж психика требует (не может не требовать) защиты, и раз уж защита по сути своей является мошеннической манипуляцией, следовательно, мы обречены кормить себя «сказками». Надо дружить с психикой, надо идти ей на уступки – во имя нормальности, во имя приемлемой жизни.

Так тому и быть.

Существует множество степеней психологической защиты человека от гносеологической бездны, от ужаса познания. Вот механизм одной из них: человек в упор «не видит» гигантских, способных подавить его вершин духа. Он замечает только те пики, которые соответствуют его лилипутским представлениям о высоте.

В принципе, только покорение ближайшей вершины открывает вид на следующую. Высота – манит, порождая гносеологическую эйфорию. Побывавшие на Джомолунгме Духа свидетельствуют: там нет ни ужаса, ни восторга; обыкновенная трагедия становится уделом истинных лидеров и чемпионов.

Но этому никто не верит: это превышает возможности воображения жизнерадостных лилипутов.

Чтобы избежать роковых искажений при восприятии реальности, надо уметь время от времени укрываться от гнета реальности.

По-самому большому философскому счету «отключаться» от жизни можно только посредством воображения, в мечтах и иллюзиях, в мире идеальном, чему способствует психическая эйфория, достигаемая употреблением наркотиков. Вот почему человечество и наркомания – неразделимые понятия. Формой нарко-психологической зависимости может выступать культ семьи, спорта, религиозно-политических и идеологических воззрений, собаководство, любая деятельность активность – все, что угодно. Чем бы ни тешиться, лишь бы поддерживать желание жить.

Самым благородным и «конструктивным» способом наркотизации, понимаемой как стимуляцию наиболее эффективного ухода от реальности,

следует признать творчество. И художественное, и научное творчество – это искусное замещение реальности, требующее фантастических умственно-душевных затрат, создание иной, хочется сказать, сверхреальности, как вызов реальности обычной. Художественные модели позволяют существу, брошенному в жизнь, творить реальность более совершенную, более его устраивающую и тем самым преодолевать ужас жизни; умозрительное научное расчленение модели реальности – это, что ни говори, тоже бегство от действительности.

Хочешь вести здоровое и нормальное существование – ищи свой вариант защиты от жизни.

Интеллект – это очень жесткая по отношению к человеку вещь. Однако только он способен дать беспристрастную и объективную оценку реальности.

Психика – инструмент приспособления (главный, конечно, инструмент жизни). Но ведь даже по меркам не слишком высокой нравственности, не говоря уже о нравственности высшего порядка, *сам принцип приспособления подл.* Поэтому и человек – подл.

Надо же видеть, что честным и справедливым может быть только сориентированный на истину интеллект. Психика же всегда даст субъективную, т.е. искаженную картину действительности и заставит человека хитрить и подличать, поскольку именно психика беспринципно «разворачивает» реальность нужной стороной, представляя объективную данность такой, какой она соответствует потребностям, но не самой себе. Суть принципа приспособления крайне проста: вижу не то, что есть, а то, что мне выгодно видеть.

Вот почему наиболее выигрышным отношением к человеку со стороны другого человека является любовь; это возвышает и того, кто любит, и того, кого любят, ибо любить – значит понимать и прощать психические слабости своих близких, да и несовершенство «себя любимого». Иначе говоря, любовь блестяще реализует принцип приспособления. Уважать же человека очень трудно, поскольку уважения достойны те, кто осознает свои психические слабости именно как слабости, честно признавая изъяны собственной моральной природы и создавая тем самым предпосылки для того, чтобы в известной мере презирать себя. Уважение – многокомпонентное и весьма интеллектуальное чувство, в очень значительной степени включающее в себя критерии разума. Людей, которых нельзя не уважать, крайне мало. В указанном смысле извечный вопрос пьяного русского «ты меня уважаешь» следует признать изысканно и экзистенциально точным – как претензию на призвание реальных достоинств.

Я прекрасно понимаю тех кристально честных (и перед собой, и перед истиной) и искренних людей, которые приходят к абсолютно верному (в границах их космоса) заключению: без высших сил – существование мира немыслимо. Невозможно. Мир рухнет. У него не будет опоры. И они становятся фанатиками веры из чистых побуждений, служа лучшему, что есть в человеке.

Они изумительно тонко и глубоко прочувствовали: их родной, свойственный им *идеологизированный тип сознания* иначе существовать не может. И им кажется, что они безоговорочно правы; они и рады бы допустить другое мнение, но оно настолько противоречит всему их жизненному опыту, что невозможно заставить себя серьезно с ним считаться. Они абсолютизируют свой тип сознания и полагают, не без оснований, что все люди таковы, да еще сила традиций, мощь авторитетов, всеобщее невежество...

Проблема заключается в том, что существует и иной – рациональный – тип сознания. И эти два типа сознания буквально думают и говорят на разных языках. Поскольку для «идеолога» язык «мыслителя» непонятен, его все равно что и нет. Носитель же рационального сознания способен понять куцую идеологическую логику, но не способен разъяснить своему оппоненту природу его заблуждения. Связь получается односторонняя, а закономерность общения вырисовывается следующая: чем более честен, искренен, образован и на свой лад умен идеолог – тем меньше возможности для продуктивного диалога между ним и мыслителем. Приходится констатировать: наличествуют разные духовные породы людей. И очень большой вопрос: все ли способны подниматься вверх по эволюционной лестнице сознания? Пока что мыслители безнадежно одиноки.

Хозяин жизни – идеолог. Не будем спешить объявлять эту ненормальную с точки зрения мыслителя ситуацию абсурдной. Ситуация «горе от ума» – уже банальна. И в ней есть свой смысл, своя «сермяжная» правда.

Возможно, дело обстоит таким образом, что люди, не сбиваясь в крепкое «стадо», попросту не выживут. А непременным условием эффективного стадообразного существования является наличие объединительной идеологии. Природа и социум ставят предел, во-первых, количеству личностей-мыслителей, а во-вторых, «качеству» личностей в стаде: они должны настолько нуждаться в общественном организме (в т.ч. духовно-идеологически), чтобы сама оппозиция «личность – стадо» не возникала в их сознании. Будьте личностями – но в рамках идеологии. Тогда худо-бедно будут стада и пастыри, будет жизнь. Альтернативный вариант мать-природа, очевидно, не слишком жалуется.

Так стоит ли всерьез развенчивать порочность идеологии, если идеологическая восприимчивость «личностей» и «стада» служит условием выживания?

Если бескомпромиссные поиски истины (а значит, нападки на жизнь) и допустимы, то только потому, что «высоколобых» все равно никто не слышит. Бескомпромиссность поисков истины общество готово приветствовать в той мере, в какой совмещаются понятия «истина» и «жизнь». Там, где начинается угроза жизни – кончается истина. Это означает: истина обречена иметь идеологический облик. Вот почему структурный баланс между мыслителями и идеологами отражен в счастливой пропорции: «один» – «все остальные».

ИДЕОЛОГИЯ И СМИ

Проблема идеологической ангажированности СМИ всегда стояла чрезвычайно остро. Нынешний этап демократизации общества, характеризующийся относительно высокой (а в отечественной контексте – беспрецедентной) степенью свободы в получении и трактовке информации, в неожиданной плоскости обозначил проблему *объективности* освещения событий.

Взаимоотношения, взаимообусловленность «субстанций» *журналист* и *идеология* имеют множество аспектов: нравственный, политический, экономический, психологический и др. Нас будет интересовать не столько вопрос качества идеологий, сколько вопрос: возможно ли в принципиальном плане развести понятия СМИ и идеология? Если да (нет), то почему? Каковы, наконец, следствия теоретически осмысленного «положения вещей»?

Мировоззрение, достигшее степени идеологического, представляет собой достаточно высокий уровень сознания. Под идеологией, как правило, понимают определенным образом организованную систему взглядов на мир, в основе которой – конкретная система культурных ценностей. Идеологии есть не что иное, как мировоззренческие попытки свести бесконечное многообразие мира к нескольким основополагающим принципам, увидеть самое главное: идейно и психологически организующее начало.

Почему человеку вообще свойственно подобное стремление духовно самоотождествиться – это особый вопрос, которого мы не будем сейчас касаться. Отнесемся как к данности: сколько-нибудь духовно развитый человек, заявляющий о себе как о личности, всегда организует, упорядочивает, идейно подчиняет мир. Он не может иначе. Он вынужден занимать определенную идейную позицию, придерживаться «точки зрения». Такого уровня и качества сознание выступает именно инструментом

идеологического (однозначного) приспособления к многомерной (неоднозначной) реальности. Невозможно обладать сознанием и при этом быть вне идеологии, наличие одного влечет за собой появление другого.

Теперь отметим следующие фундаментальные особенности идеологии.

Во-первых, идеология подразумевает не просто *понимание*, основанное на абстрактно-логическом способе анализа отношений, но активную эмоциональную *оценку* соответствующего «понимания». Иначе говоря, в идеологии преобладающим компонентом является эмоционально-психическое отношение к явлению.

Во-вторых, подобное идеологическое освоение мира требует особого культурного языка, который с наглядной убедительностью демонстрировал бы неоспоримые преимущества именно этой идеологической позиции. Таким языком в идеологии стал язык *символов* (или образов: не будем сейчас вдаваться в тонкости терминологии).

В-третьих, идеология и объективность – «две вещи несовместные», поскольку первая всегда есть попытка субъективного приспособления к реальности, идеология (см. во-первых и во-вторых) не ставит себе целью объективными способами познавать объективную реальность; это задача науки, задача совсем иного – теоретического – уровня мышления.

Легко заключить, что в функционировании СМИ нет ничего случайного. СМИ не могут себе позволить «роскоши» науки: всесторонне освещать и осмысливать факты. Сообщить что-то для человека всегда означало представить факт + точку зрения. Потребитель информации, соответственно, вместе с фактом впитывает отношение к нему (или вырабатывает контротношение: факт + иная точка зрения). Так или иначе, мы имеем дело с, так сказать, информацией к размышлению, с идеологизированным, а не собственно информативным подходом к событиям. Быть массовыми для средств информации означает быть идеологичными; стать же внеидеологичными означает перестать быть массовыми. Информация как таковая – либо миф, либо пустая абстракция. Выбор именно этой информации, а также форма (в самом широком смысле) ее подачи придают (не могут не придавать) факту идеологическую окраску.

Следовательно, журналистика была, есть и будет идеологически ангажированной, необъективной. Еще раз подчеркну: общественное сознание делегировало специфические полномочия в объективном (разноплановом, противоречивом, бесстрастном) отражении и познании универсума особым, специально для этого приспособленным формам: науке и философии.

Назвать журналистику необъективной вовсе не означает квалифицировать ее как деятельность недостойную или бессмысленную: такая оценка в свою очередь сильно идеологизирована. Важно указать на сильные и слабые стороны, на специфические функции СМИ как способа отражения мира, если угодно. Сила идеологии – именно в ее субъективности,

в том, что какие-то стороны отношений (но отнюдь не все, принципиально – *не все*) действительно увидены, осмыслены (т.е. поставлены в связь с другими) и талантливо, образно-символически отражены. В конце концов, только идеологии способны увлекать «массы», спланировать их, вовлекать в историю, делать творцами событий.

Слабость идеологии – опять же в ее субъективности, в неспособности увидеть противоречивую истину (а лишь тот ее краешек, который идеологам кажется всей «правдой»). Идеологи субъективно могут быть и честны, искренни, но это не делает их объективными.

В связи со всем вышесказанным выделю очень важное следствие идеологической деятельности. Поскольку идеология по определению отражает одну (в лучшем случае несколько) из сторон многомерных общественных явлений, пора открыто признать: нет идеологий правильных, «истинных» и неверных, ошибочных. Идеология по природе своей – из области веры, убежденности, кажимости и т.п.; она есть категория преимущественно психологическая. Вместе с тем и без подсказки науки очевидно, что существуют идеологии, культ которых несовместим не просто со здравым смыслом (тоже, между прочим, далекой от объективности инстанции), а со стратегией жизнедеятельности, бытия, существования человека как такового.

Выход видится в одном: в признании полной легальности, «естественности» идеологической пестроты, принципиальной противоречивости и полярности взглядов (источник чего – сама реальность, а не чьи-то идеологические козни) – с одной принципиальной оговоркой: человеконенавистнические идеологии должны быть исключены, изъяты из массового обращения. Подобное признание – тоже идеологическое приспособление к бесконечности идеологического космоса. Все чаще такую позицию называют идеологией плюрализма. Очевидно, это наиболее универсальная идеология, в рамках которой возможно существование и развитие инакомыслия, всех других идеологических течений.

Таким образом, идеологическая ангажированность – нравится нам это или не нравится – включается в комплекс профессиональных достоинств журналиста. Хороший журналист призван не столько понимать, объяснять и анализировать события и факты, сколько талантливо (т.е. тенденциозно) «отражать», представлять образные модели процессов и событий. Зависимость от социальных заказов различной природы (психологической, политической, религиозной, этнической и т.д.) – неизбежна для публичной профессии, которую иногда в порыве раздражения причисляют к «древним». Разумеется, нравственно-психологическая оценка тенденциозной деятельности всегда была и будет явно неоднозначной, однако это, что называется, издержки производства,

Анафемствуя по поводу СМИ, не следует упускать из виду, что они выступают прежде всего как рупор массовых настроений. И если уж на то

пошло – неча на зеркало пенять... (Справедливости ради заметим, что в порядке обратной связи – и создатель общественных настроений, т.е. тех же идеологий. В признании этого обстоятельства коренится традиция более почтительной трактовки значения той же «сомнительной» профессии: четвертая власть.)

В качестве фактора и транслятора массовых настроений СМИ служат незаменимым общественным институтом и механизмом регуляции духовной жизни конкретного общества на определенной стадии его развития, взятой в определенном культурном контексте.

Три компонента, три кита всякой *идеологии* (то есть иррационального по природе, несбалансированного, дисгармоничного, редуцированного до нескольких моментов бесконечного духовного космоса): вера, надежда, любовь.

Вера – не требующая доказательств, произвольно направленная в одну точку концентрация всех душевных сил и способностей. Тотальная мобилизация личности, феномен безраздельной преданности и фанатизма корнями уходят в «веро-подданическую» природу. Сила духа человека – в его вере. Психику можно настроить, закодировать, запрограммировать – но только на что-то одно. Хочешь, чтобы человек был сильным – дай ему одну истину.

Вера вскармливает и питает *надежду*. Надежда – это оборотная, неотделимая сторона веры, ее близнец. Разница между ними заключается в том, что вера живет надеждой, иначе говоря, надежда – форма существования и осуществления веры.

Любовь – своеобразный результат, итоговое завершение «процесса веры». Если есть вера – обязательно будут надежда и любовь.

Человек «веры» всецело подчинен идеологической триаде, он некритично идет на поводу у своей слабости: в этом его сила. У личности рационального типа вера, надежда и любовь также наличествуют в сложном духовно-информационном хозяйстве (в качестве нравственно-волевых составляющих), но являются лишь моментами последнего, с *иными* функциями и прерогативами. Это момент иррационального в рационально организованном духовном пространстве.

Как существо идеологическое человек не может обойтись без веры-надежды-любви. Как человек рациональный он знает им цену. Такая диалектика неведома идеологам, обожествляющим свои слабости.

Надо, наконец, раз и навсегда назвать вещи своими именами: религиозные вероучения, при всей их внешней развернутости в сторону умопостигаемости, целиком и полностью относятся к сфере психической. Феномен религии – *феномен психологический* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Словосочетание «религиозное сознание» может иметь только тот смысл, которым мы наделяем оксюморонные формулы типа «когнитивное чувство». В познании есть чувство (момент интуиции), а в религии – момент сознания. Однако в целом религия есть форма (способ) психического управления информацией. При чем здесь такие категории, как познание, объективность, сознание?

У психологических фокусов есть своя логика – логика чувств, логика психологического приспособления к реальности. Нет ничего более унижительного для мыслящей личности, чем идти на поводу у беспринципной психики, вынуждающей выдавать желаемое за действительное.

Естественный регулятор и ограничитель – инстинкт – у людей перестал выполнять свои простые, но жизненно важные функции. У людей нет запрета на внутривидовое уничтожение. Мы можем в одночасье истребить себя дотла.

С другой стороны, разумные программы «сверху», с высших этажей интеллекта так и не стали руководством к действию для абсолютного большинства.

Что же остается?

Остается идеологический регулятор, одновременно пугало и источник иллюзий. И прежде всего – религиозная вера. Она дает стержневую основу человеку, без которой тот не может существовать.

В силу безнадежного идиотизма людей устроиться на Земле по-иному не представляется возможным.

Главной составляющей религиозного вероучения является вера, которая порождает надежду. Есть вера – будет и надежда. А вот какую функцию в религиозной идеологии выполняет несомненно присутствующая там любовь?

Религия как служба смерти опирается на веру в потусторонние чудеса, вера же примиряет с идеей конечности земного существования. Но ведь примирение со смертью и успокоение, наступающее от сознания ее

неотвратимости, – противоестественны. Надо безгранично, до самозабвения верить в Того, Кто распоряжается твоей судьбой, надо представлять Его добрым, милостивым, милосердным. Надо расположить Его к себе, не дав повода оскорбить недоверием. Надо Его любить.

Вот где без любви не обойтись. Трудно верить в то, чего боишься. Психика приводит в действие свои глубинные адаптационные механизмы, и в результате человеку начинает казаться, что он действительно любит Того, Кто отнимает у него жизнь. Такая любовь (поистине – слепая), похищенная Небесами у несчастного человека, вынужденного обделять любовью себя и своих близких, может родиться только от неистребимого стремления жить, жить любой ценой, даже если для этого надо верить в благость смерти. Так механизм сублимации, высекая любовь, беззастенчиво эксплуатируется верованиями в «высших целях».

Таким образом, любовь в религии не главный, а побочный, декорирующий мотив, призванный максимализировать эффективность веры.

Почему издревле и так настойчиво советовали «не творить себе кумира»?

Потому что как только появляется объект для преклонения, обязательно возникнет и объект для ненависти (часто – в одном и том же лице). Вспомним в этой связи и классика психологии: от любви до ненависти один шаг.

Все это означает: ненависти не бывает без любви, и чем больше слепой любви – тем больше ненависти. Если хочешь избежать хвори черной ненависти, не твори себе кумира.

Есть ситуации, в которых ради выживания приходится, приспособившись, любить того, кого на самом деле ненавидишь и боишься. Жить – означает любить: иного выхода нет. Любовь и сверхпочтение, как ни странно, могут выступать формой скрытого, подавленного неприятия. Так многие «любили» (им так – казалось) Сталина, отца народов. Думаю, так «любят» бога-отца, многие – родителей, жены – тиранов-мужей. Словом, любой авторитет, не любить который в силу его чудовищной всепроникающей власти – страшно и смертельно опасно. Нет ничего странного в том, что при изменении ситуации, когда человек становится волен в чувствах, любовь и послушание оборачиваются ненавистью и бунтом.

От любви до ненависти – один шаг: это ум – о психике. Достойна

удивления беспредельная пластичность, лабильность психики, инструмента приспособления и выживания. Кого только, обхитрив самого себя, не полюбишь, если захочешь жить.

Хищность и беспринципность психики определяются ее жизненной функцией: обеспечить приспособление любой ценой. Само понятие цены (системы ценностей) устанавливается уже интеллектом. Вот и ум, покоритель психики, заслуживает в конце концов ее демонстративную чистую любовь. Не стоит обольщаться по поводу такой любви, поскольку цена ее хорошо известна.

Вот яркий пример удивительного парадокса, который многих должен был бы заставить задуматься. Мой друг рассказывал мне, что в день смерти Сталина, он, шестнадцатилетний пацан, ликовал, понимая очевидное: умер тиран, кровопийца. В этот же день многие интеллектуалы, писатели и академики, пребывали в безутешной скорби. Что же получается: мальчишка оказался умнее академиков? (Вспомним сходный эффект: только мальчик разглядел, что король – голый; для всех других высочайшая особа была обряжена в великолепное платье.)

Все объясняется иначе. Мальчишка доверился непосредственному, «бесцензурному» восприятию жуткой личности диктатора. Неспособность интеллектуальной элиты замечать очевидное коренилась в ее социальной закодированности, идеологической охмуренности. Парадокс высвечивает закономерность: когда первобытное, некультуренное сознание непредвзято оценивает явление, оно оказывается более точным в оценках, чем сознание отягощенное культурным опытом, тенденциозное – следовательно, подверженное автоцензуре. Идеологопоклонники, верующие способны не замечать очевидного, накладывая табу на те версии, которые не укладываются в рамки идеологического стереотипа, и мотивируя это «святой» по простоте формулой: «этого не может быть, потому что не может быть никогда» (об этом же, кстати, и сказка Андерсена). Обожествление «кремлевского старца» – из этой же серии, составляющей классику идеологизированного сознания.

Сознание должно всегда сохранять «первобытную» установку – основу объективности. Вера и объективность – несовместимые понятия. Вероятно, существует какая-то предрасположенность воспринимать вещи такими, каковы они на самом деле, сохраняя здравую устойчивость по отношению к психологическим искажениям. Есть и иная предрасположенность: видеть все в свете определенной идеологической установки, легко поддаваться «обращению в веру», быть образцовым зомби.

Человек не может жить без того, без чего он не может жить. Учитывая этот, банальный в своей истинности, постулат, следует снисходительно относиться к многочисленным душевным слабостям человека. Вера, надежда, любовь... Человек лицемерно заигрывает с самим собой. Потакание своим слабостям – условие выживания так называемого *homo sapiens*'а. С этим надо бы смириться.

Но как же отвратителен «слабый» человек! Ведь слабый в данном контексте вовсе не означает «беззащитный». Скорее, наоборот: в своей слабости человек черпает агрессивность, он норовит обернуть уязвимость могучим источником животворящей энергии. Люди выживают за счет слабости – вот в чем мы боимся признаться самим себе. Человек крепок верой, надеждой, любовью...

Слабый является слабым только с точки зрения «сильного», то есть умеющего смотреть правде в глаза. И сильный по праву сильного вынужден щадить слабого, оберегать его от смертельно опасных душевных травм, за что слабый расплачивается по-своему щедро: объявляет мыслящего (не желающего прибегать к защите психоидеологических химер) – слабоумным, дураком. Надо отдать должное последовательности слабых: отлаженный ими процесс выбраковки еще не давал серьезных сбоев: не такой как все – значит ненормальный, маргинал, мутант. Именно сильные максимально уязвимы перед агрессивностью слабых. Как всегда, битый небитого везет. Слабые, как и «братья наши меньшие» (собаки, обезьяны и т.д.) инстинктивно агрессивны. Они «правы» уж тем, что не понимают, не осознают. Сильные – все понимают, а потому в их исполнении «естественная» слабость будет уже с налетом имитации. Жизнь – для слабых; сильному же, чтобы выжить, надо не разучиться впадать в позорную слабость. Это очень сложно, если учесть, что ты, становясь слабым, не утрачиваешь при этом способности называть вещи своими именами. Иначе говоря, ты уже никогда не будешь по-настоящему слабым. Ты стал сильным. Ты – беззащитен...

Совершенен или несовершенен человек?

Бесконечно совершенен – в том смысле, что он может приспособиться и выжить практически в любой реальности (разумеется, диапазон понятия «любой» следует трактовать с поправкой на совместимость с природой человека).

Несовершенство (или, если угодно, в своем роде сверхсовершенство) человека ярко проявляется только в одном: он способен так познать себя. В

этом случае человек начинает иметь дело не с враждебной реальностью, требующей героических усилий по преодолению ее сопротивления, а с саморазрушительным началом.

Героический ответ на ситуацию – наиболее древний культурно-психологический поведенческий архетип. Человеческая (героическая) логика понятна: она является эффективной идеологической формой защиты. Потребность в героике породила человека идеологического. Постепенно человек осознает логику природы – и видит, что она бессмысленна с точки зрения самого совершенного творения природы.

Тут-то и выясняется, что быть героем хоть и трудно, но это детская трудность – для тех, кто сражается с воображаемыми врагами. Когда все «враги» побеждены, и человек остается один на один с собой, время борьбы вспоминается как сладкий сон. Человеку идеологическому на смену идет (но пока безуспешно) человек разумный.

Получается: человек совершенен как героическое, психоидеологическое существо. Но познав себя, он видит настоящую цену своему совершенству. Несовершенство человека проявилось в том, что он оказался способен увидеть себя без прикрас и чудес, способен перестать быть идеологически одурманенным. Пока шел за мечтой – морковкой, которую сам же перед собой и подвесил (но – не заметил этого) – море было по колено. Вполне по силам было искать и покорять страны обетованные, континенты, галактики и проч. Но если трюк с «морковкой» раскрыт, героические стимулы мгновенно выключаются; как следствие, резко ослабевает идеологическая воля к жизни.

Вот и вынужден человек держать баланс: не дать себе прозреть любой ценой. Но, очевидно, природа и об этом позаботилась (хотелось бы в это верить): человеку разумному никогда не удастся взять верх над «идеологом». Так что совершенства человека всегда будут заметнее его несовершенств.

Род человеческий, женственен по психологии, а потому требует идолов для поклонения и с восторгом творит кумиров. Дело в том, что поклоняются сильным и могущественным, а слабых и беззащитных жалеют. Приняв «позу подчинения», люди слагают бремя ответственности и обретают уверенность в том, что Кто-то, сильный, добрый и справедливый (то есть обладающий лучшими человеческими качествами в лучшей комбинации – самом большом дефиците среди людей), непременно защитит их. Некому поклоняться – нет и уверенности в праве на защиту.

Само «наличие» бога и нелепые культы в его честь свидетельствуют о том, насколько слабы и ничтожны люди. Видимо, тысячу раз правы психоаналитики относительно того, что алгоритм поведения человека чрезвычайно прост в основе своей: он опирается на присутствие (отсутствие)

отца. Психология патернализма – ключевой бессознательный импульс и механизм в духовной структуре массового, то есть невиняемого по отношению к мысли, человека.

Кто-то верит в Бога, кто-то в божественно истинную и ясную идеологию (как, например, марксисты – в *идею* построения общества), кто-то в народ как божественную инстанцию (кредо националистов).

Механизмы если не идентичны, то очень и очень схожи. Что религия, что идеология, что национализм – это состояния *психики*, души, тут нет логики эволюционирующего интеллекта, и всю силу свою душа черпает исключительно в области бессознательного.

Вот и выставляй верующим доводы разума: ты ему аргумент логики, он тебе – логику веры. Думаю, человечество, при всех существующих этнокультурных классификациях, следует разделить еще на два класса: на избравших путь разума или веры, на единицы и миллиарды.

Эффективность примитивных идеологий обусловлена тем, что они воздействуют на подсознание. Поэтому самый умный, обаянный, скажем, национальной или религиозной идеей, превращается в полного идиота. Интеллектуальная защита не срабатывает, если человек начинает потакать своей слабости вместо того, чтобы, критически отнестись к ней, выставить убогие уловки психики на обозрение бесстрастного интеллекта.

Индусы изумляют свет своим совершенством, достигаемым в искусстве медитации. Это чисто психологические манипуляции, на освоение которых уходят годы дотошного тренинга. Есть народы, которые достигают психологического отключения гораздо более простым, но не менее эффективным способом: им посчастливилось вовремя обнаружить, что горячительные напитки выступают потрясающим катализатором медитативных ощущений. Таким образом, «пьющие» нации научились радикально разгружать психику, не прибегая при этом ко всякого рода «философской» зауми, что позволило пьющим сохранить здравый и трезвый взгляд на вещи.

За здравость рассудка надо платить регулярным погружением в

алкогольно-наркотический транс, обладающий помимо всего прочего колоссальной терапевтической функцией. Разумеется, там, где алкоголь, – возникает и проблема меры. Однако разве у медиумов, решающих реальные проблемы способом не менее оригинальным: отстранением от них (проблема «исчезает», потому что ты научился не замечать ее) – разве у них все в порядке с чувством меры?

Пить, то есть облегчать невыносимое бремя реальности, в каком-то смысле даже предпочтительнее, чем обучаться безалкогольному искусству не замечать реальность. Хотя бы потому, что не избегнувшие греха чрезмерного пьянства вместе с тем жизнерадостны, ироничны, трагичны, глупы и в меру серьезны, что следует признать достаточно адекватным приспособлением к реальности.

Серьезный же фанатизм оскудняет палитру эмоций до приличествующих и дозволенных, редуцируя интеллектуально-психологическую карту личности до трагически бедного набора моментов. Если это не обкрадывание человека (вследствие «мудрого» отречения от действительности), то что это?

Пьющие, протрезвев, сказали бы, что медиумы вместе с водой выплескивают и ребенка. Вторые, скорее всего, прореагировали бы на это весьма хладнокровно, будучи убежденными, что проблема воды и ребенка по сравнению с возможным достижением вечного транса не стоит выеденного яйца.

Всякий сложный информационный комплекс требует управления *сверху*. Это означает: информация должна классифицироваться, располагаться одна относительно другой, вступать во взаимоотношения – словом, упорядочиваться.

Человек, будучи сверхсложно организованной информационной системой, всецело подчинен закону управления информацией: *сверху – вниз – через порядок*. Отсюда следует: человек есть то, что им управляет. Если наш внутренний мир выстраивается на принципах психологического (субъективно-приспособительного) типа управления, то личность и культура, ею порожденная, (включая сюда и высший мировоззренческий порядок) неизбежно будут «сработаны» под *потребности*, заданные природой.

Потребности оказываются важнее истинной реальности или (в варианте более лживом для страдающей от комплекса «научной неполноценности» психологизированной культуры): истиной может быть только то, что состоит на службе жизни, которой (жизни) чужда сама категория истины. Данный «закон жизни» противоречит позиции, гарантирующей абсолютную беспристрастность, независимость от потребностей, позиции, дающей возможность критически отнестись к самой жизни, и, следовательно,

потенциально угрожающей феномену жизни.

Если наш личностный космос подотчетен разуму, подчиняющему человека одновременно двум враждующим богам: категории «истины» и феномену «жизни», – то такой менталитет, выражающийся в соответствующих культурных формах, есть атрибут другого человека, в известном смысле нового человека.

Получается: человек, став *всем*, и природой, и антиприродой (натурой и культурой: внутренне противоречивым), обрек себя на вечное сражение с самим собой – и на уровне отдельной личности, и на уровне общества, и на уровне цивилизаций. Человек «психологический» воспринимает человека «рационального» как угрозу жизни – в этом все дело.

Вопрос, в сущности, прост (хотя, думается, сегодня разрешим только теоретически): захочет ли природный человек принять себя сверхприродного, пусть и выросшего из природы?

Хитрость чувствует, что ничего нет выше ума.

Хитрость как орудие психики, смутно ощущая свою неполноценность, нащупала-таки единственно эффективный способ ввести в заблуждение честное сознание: имитировать духовную активность, которая порождается, якобы, высшей мотивацией, а на деле предназначена для удовлетворения самых что ни на есть элементарных потребностей. Бесхитрость, вырабатываемая ежесекундным тренингом, который обеспечивает контроль ума над психической регуляцией, уже сознательно ранжирует мотивы, ориентируясь не на витальные потребности, лоббируемые психикой, а действительно на высшие, духовно-культурные потребности. Вот почему хитрость свойственна примитивным натурам; бесхитрость же честно отдает предпочтение нравственно оправданным мотивациям, так как является следствием работы сознания – освоения, упорядочивания, иерархизации духовного космоса.

Бесхитростного, в принципе, легко обмануть, поскольку он по себе уважительно судит о других, предполагая, что и другой искренне потрудился над обузданием неистовой хитрости. Боязнь оскорбить подозрением в хитрости порядочного человека – вот источник заблуждения «простаков».

Но в то же время бесхитрость, если под этим свойством понимать не досадный недостаток хитрости, а результат усилий по нейтрализации унижающей личность хитрости, в принципе обмануть невозможно, так как именно бесхитростный, т.е. умный, перехитривший хитрость, знает о хитрости все. Напротив, именно хитреца, для которого все вокруг такие же подлецы, как и он сам, достаточно просто обвести вокруг пальца, потому что мотивы его поступков всегда неизменны, его предсказуемость почти

абсолютна.

Хитроумная бестия – это уже inferнальный коктейль, дьявольский состав, которого всерьез следует опасаться, ибо многократно усиленная хитрость иногда способна действовать наперекор собственным интересам – но, в конечном счете, во имя собственных интересов.

От умных, надежно перешагнувших рубеж подчиненности инстинктам, угрозы существованию другого уже не исходит.

Воля к жизни – это не что иное, как максимальная психологическая мобилизация личности, концентрация усилий путем сосредоточения на «очевидных» в своей «истинности» идеологических миражах. Волей к жизни обладает человек-зомби, верящий (верующий) до фанатизма в свои идеи, какими бы далекими от истины они ни были. Степень воли к жизни пропорциональна степени идеологической невменяемости.

Воля к сомнению, расшатывающая идеологические бастионы, может пробить такие бреши «неверия», что человек утрачивает способность к идеологической мобилизации. В результате утрачивается воля к жизни. Ее место неизбежно занимает *воля к смерти* – где доминирует анализ, пафос объяснения, стремление отыскать причины и порожденные ими следствия, стремление «дойти до самой сути». Объяснять – значит убивать волю к жизни.

К счастью, любое аналитическое разрушение убивает только прежнюю веру, но не волю к жизни как таковую, а потому акт уничтожения чреват побочными результатами: замещением, параллельным конструированием нового, более совершенного вероучения.

От жизни до смерти (и наоборот) – один шаг. Воля к жизни диалектически содержит в себе волю к смерти. Более того: последняя часто выступает формой первой. Из сказанного ясно: нельзя жить, опираясь исключительно на волю к смерти. Невозможно позволить себе роскошь быть настолько умным. Горе уму. Жизнь непременно требует элемента воли к жизни. Хочешь жить – оставайся в чем-то нерассуждающим дураком. Это закон жизни.

ХУДОЖНИК И МЫСЛИТЕЛЬ

Полюса «художник» и «мыслитель», которые я выделяю, о которых столько говорю и которые как категории считаю ключом к духовной жизни

человека и общества, – осуществляют свое подчиняющееся незыблемым законам, и тем не менее неуправляемое бытие в аналогичной иерархично-хаотичной социальной среде. Коль скоро законы все же есть, поговорим о них.

Очевидно, что нет в природе и обществе «чистых» мыслителей-философов и художников. Есть бесконечный спектр личностей, у которых духовный баланс определяется всегда разным соотношением мыслительного и чувственно-психологического начал.

Известно, что человек приходит в мир с целым букетом врожденных способностей. Какие из них будут актуализированы и развиты, зависит от конкретных условий жизни, в которых приходится жить и выживать. Природа позаботилась о том, чтобы человек как вид мог выжить практически в любой известной природной и социальной среде.

Итак, человек всегда в той или иной степени и пропорции воплощает единство противоположностей: он один в двух лицах, будучи одновременно художником и мыслителем. Ясно, что каждый полюс в свою очередь представляет собой спектр. Тот же «художник» включает в себя типологическую бесконечность от почти чистого художника (мышление которого определяется едва ли не зоопсихологией) до почти мыслителя (для которого образы порой выполняют иллюстративную, то есть подчинительную функцию). Разумеется, логика спектра в полной мере может быть отнесена и к «мыслителю». Художник (или мыслитель) как субстанция – это океан с берегами от еще не полного тождества себе до чуть ли не своей противоположности.

В подобной ситуации разговор о норме (что есть «образцовый» художник?) – чрезвычайно тонкая материя, не терпящая ни малейшей вульгаризации, способной превратить понятие условной нормы в безусловный нормативный канон. Нормативная система же становится радикально оппозиционной «антинорме» – и витки противостояния обречены на вечный метафизический пат до тех пор, пока не будет диалектически проинтерпретировано само понятие нормы. В гуманистическое понятие «нормы» входит понятие цены, которую человек платит за художественные или философские достижения и прорывы. Чем более человек художник (или: чем менее он мыслитель) – тем более он психичен и психологичен: таков закон жизни духа. Художник живет и творит в сфере и атмосфере эмоционально-психологической, ведущей формой существования которой являются *образы*. Мир образов – звуковых, цветовых, пластических, словесных – вот подвижная культурная зона естественного обитания своеобразного медиума, каковым является всякая художественно одаренная личность.

Художник и мыслитель, будучи инструментом и способом творить культуру и жить в ней, являются вместе с тем *разными уровнями или степенями защиты человека духовного*. В экстремальных

мировоззренческих обстоятельствах, когда образно-модельного творческого потенциала уже явно недостаточно, чтобы справиться с постигшей субъект жизненной катастрофой (а, как правило, первотолчком духовной эволюции выступают именно жизненные катаклизмы), включаются компенсаторные резервные мыслительные мощности, и человек обретает интеллектуальную броню – гораздо более мощную защиту другого порядка и качества. Мироззрение личности становится куда более гибким, универсальным и, соответственно, куда более эффективно приспособляющим человека к критическим, пограничным состояниям. Такой мирозерцательный панцирь (идеологический по природе) становится труднопробиваемым и практически неуязвимым – до тех пор, пока интеллект не оказывается на острие единоначалия в пирамидальной структуре личности. Тут начинаются свои сложности – сложности мыслителя.

Мыслитель начинается там, где преодолевается порог психичности и психологичности, за которым только и можно осознать свои «допороговые» возможности. Мыслитель начинает понимать художника – вот гребень водораздела, рассекающий зыбкое духовное пространство личности. Чем более человек мыслитель – тем более дистанцируется он от собственных переживаний, стремясь постичь их первопричины. Он уже не столько живет, сколько разгадывает тайну жизни.

Далее возникает огромный рационалистический соблазн объявить человека мыслящего венцом творения, целью и смыслом природы и истории, и на этом закрыть вопрос о его «непостижимой» сущности, демистифицировав проблему загадочной души, и открыть аналитическую страницу истории человечества.

Проблема в том, что философ не «лучше» художника (сама постановка вопроса в подобной плоскости – свидетельство вульгарности, то есть недостаточной диалектичности подхода); он и «лучше» и «хуже» (смотря в каком отношении), он не может заменить художника и не может обойтись без него. Не существует такой выверенной шкалы, которая однозначно ориентировала бы нас на некий правильный, райский курс. Избрав одно достоинство – теряешь другое. Получив в чем-то бесспорные преимущества, осознав себя центром вселенной, человек получает в одном пакете с новообретенными дарами и многократно увеличенную в размерах ахиллесову пята. Вот наиболее очевидные плюсы-минусы.

Во-первых, научившись правильно оценивать реальную ситуацию, мыслитель лишается идеологической защиты, которая, будучи плохим способом познания, достаточно эффективно выполняет именно защитные функции.

Во-вторых, он лишает себя удовольствия разделять общество с единоверцами, поскольку становится слишком умным, чтобы быть под защитой глупости (классический эффект «горя от ума»).

В-третьих, усиление интеллекта, все более увеличивающего разрыв

между мыслителем и художником, чревато своего рода философским идиотизмом, т.е. презрением к жизни как таковой. Проще говоря – чревато гибелью.

В новой ситуации мы получаем не безмятежное и благодное состояние духа (его-то мы как раз оставляем за порогом – в обмен на право жить умом), а сплошной клубок противоречий, относительно разобраться в котором можно только посвященному (то есть мыслителю, кому ж еще?).

Если мы, убоявшись мудрости, от которой больше печали, нежели духовного комфорта, решимся предпочесть художественное «освоение жизни», то мы должны иметь в виду следующее. Художник подпитывается чувствами толпы, «своего народа» – и одаривает свой народ усовершенствованными и актуальными моделями тех же чувств и переживаний. Хочешь быть популярным – соответствуй духовному калибру аудитории; хочешь соответствовать веяниям времени – будь готов пафосно отречься от вчерашних иллюзий и вдохновенно разделять иллюзии дня сегодняшнего, готовя тем самым почвы пафосного отрицания последующим поколениям художников. Если мыслитель пытается смотреть на все с точки зрения вечности, то художник по природе своей стремится жить одним днем. («Жизнь коротка, искусство вечно» в таком случае становится парадоксом, смысл которого, впрочем, легко объяснить: вечным становится ведь именно то искусство, которое умеет жить одним днем или: пропуском в вечность служит умение остановить мгновение.) Способность к моральной пластичности и гибкости (вот она, фора чрезмерно психологичных натур, тяготеющих к артистизму) позволяет художнику без особых угрызений изымать из джентльменского набора негнувшийся моральный стержень, поэтому в нравственном плане художники очень часто оказываются если не грязелюбами, то, во всяком случае, беспринципными лицедеями, меняющими маску на заказ в зависимости от обстоятельств.

Можно упрекать их за это, а можно понять, что имитаторы по натуре (то есть художественно очень одаренные) не могут иначе. Хороший человек, человек с принципами – смерть художнику (говорю о законе, который имеет свои исключения, не отменяющие, конечно, сам закон).

Что предпочтительнее?

Вопрос риторичен в силу того, что невозможно отвергать ни одно, ни другое. Анализ примиряет крайности – но (подчеркнем) не размывает ни нравственных, ни собственно художественных критериев.

Мыслитель ближе всех достигает представления об истинном положении вещей. Но плата за это – паралич жизненных сил, отстраненность от жизни, непонимание, одиночество.

Что лучше?

Ясно, что и здесь мы имеем дело не с вопросом добра – зла в контексте очевидной альтернативы, как в сказке, продукте мифологического сознания, а с вопросом выбора того, без чего тебе не обойтись. Причем, выбора,

который часто в решающей степени не зависит от нас. Мы оказываемся заложниками и ситуации, и собственной одаренности как предрасположенности к тем или иным культурным колеям.

Духовная жизнь личности и общества пульсирует между двумя полюсами, сосредотачиваясь попеременно то на одном, то на другом. При этом она не утрачивает своей с разной степенью обозначенной доминанты, которая сказывается в том, на каких принципах организуется духовный мир, а не в сиюминутной активности того или иного полюса.

Так к чему же приводит непредвзятая экспертиза разума в плане предпочтения одной жизненной стратегии перед другой?

Прежде всего к самой экспертизе начинаешь относиться с опаской, ибо сражение разума с жизнью если и приведет к победе первого (то есть к смерти), то вряд ли вызовет особый восторг. Жить-то хочется. Сам же вердикт разума разочаровывающе прост: истина остается истиной, художник – художником, философ – философом, хороший человек – хорошим человеком, а невозможность (оставим, пожалуй, теоретическую возможность) соединения всех добродетелей без обязательного принесения в жертву некоторых из них – фатальной невозможностью. Человек остается человеком, жизнь – жизнью. Почти ничего нового. Но не так уж и мало: разум снимает как неразумную номинацию метафизиков «пальма абсолютного первенства в культуре».

Люди, воспитанные «при интеллекте», живущие под сенью разума, представляются «душам вожделеющим» (по Сократу) дикарями и варварами, тогда как в действительности все обстоит с точностью до наоборот.

Люди делятся на две культурные расы: на умных и всех остальных. «Души вожделеющие» жизнь готовы отдать за своих близких и родных – но они с места не сдвинутся и пальцем не шевельнут, чтобы вступить за истину. Умные же имеют глупость и близких своих судить по законам порядочности и всегда остаются верны истине – потому они обречены на одиночество. Он тебе друг, брат, сват – но истина дороже? Вот и будь с истиной. Ближние не простят.

Люди, формирующие принципы своей жизнедеятельности «от вожделения», то есть от бессознательных, инстинктивно-эгоистических программ, просто не в состоянии осилить природу менталитета порядочных «рационалистов» – душ рефлектирующих. Последние и не делают секрета из принципов обусловленности своего поведения, и готовы поделиться проклятым экзистенциальным грузом. Но...

Но «вожделеющим», судящим по себе, не дано, просто роковым образом не дано оценить близких своих, иноплеменников из другой расы. Случается,

что барьер, разделяющий «вожделирующих» и «рефлектирующих», бывает воздвигнут в одной семье. Более того: духовная пропасть чаще разделяет не континенты (хотя и континенты тоже), а именно близких. «Рефлектирующие» не ищут одиночества, они обречены на него. Если уж и считать такое одиночество знаком избранности – «рационалисты» тоже бывают не лишены слабости дешевого тщеславия – то в последнюю очередь. Прежде всего, такое одиночество – грубый крест судьбы, обрекающий умных на неуспех, некарьеру, неизвестность.

И все же последнее, что отдаст «умник», – свое одиночество.

Почему?

«Душам вожделирующим» этого не объяснишь...

Созидательна только психика. Ум сам по себе ничего не создаст. Интеллект творчески-созидательно продуктивен только как подчиняющаяся психике инстанция.

Все в мире создавалось и будет создаваться фанатиками, психоидеологически отоборизованными ратоборцами.

Природа не терпит пустоты, а космос любит равновесие (и в микро- и в макромасштабе, и в духовном, и в материальном отношении; это – интуитивно ощущаемая посылка, исходящая из диалектически сведенной в точку ноосферы). Фанатики, ангажированные более или менее, уравниваются аналитиками.

Нельзя отдать и культуру, и мир в одни руки. Умные аналитики в качестве организаторов духовно-культурного пространства опасны не менее фанатиков.

Так в каждой личности (и обществе, и цивилизации) сосуществуют творящее и разрушающее начала, жизнь и смерть. Философски жизнь без смерти и смерть без жизни – это абсурд. Они выступают условием существования друг друга. Смерть (анализ, порядок, распад) точно так же стоит на страже жизни, как жизнь (синтез, хаос, катастрофа от переизбытка витальности) – на страже смерти.

Эти абстрактные полюса мироздания – в каждом из нас в виде психики-созидателя и интеллекта-аналитика.

Понимать – это всего лишь понимать.

А жить – это всего лишь жить.

Божественен лишь редчайший сплав психики и интеллекта. Но божественное плохо стыкуется с земным...

Для того, чтобы любить или ненавидеть людей, – надо как минимум сравниваться с ними. Ненависть, как и любовь, – это непосредственное эмоциональное отношение, и, как всякая неуправляемая, стихийная психологическая реакция, она в определенном смысле является симптомом жизни.

Однако если человек культивирует «философскую психологию», то он становится неспособным к безотчетным и достаточно продолжительным «порывам души». Философская психология – это совершенно особая регуляция, где чувство изначально заражено гибельным по отношению к себе свойством: еще не набрав силу, оно уже «знает», что чувство пройдет. И живет такое чувство в режиме «интеллектуальной эмоции»: не «буря и натиск» его девиз, а «укрощение строптивого».

Философская психология в известной мере является результатом укрощенной жизни, управляемой психики. Ни ненависть, ни любовь в «чистом виде» не могут быть рождены в философской душе.

Пожалеть таких людей?

Но безотчетная, «дурная» жалость есть отношение людей, которым чужда философская психология и которые с точки зрения последней, сами заслуживают мудрой жалости.

Для интеллекта смерть – всего лишь неизбежный акт природного цикла, который должен вызвать разумное смирение в силу своей фатальной предопределенности. Проблемы смерти для интеллекта – нет.

Для психики смерть – это беспредельный ужас, тотальная истерика, отчаянное безальтернативное неприятие и протест. Для психики, которая и есть форма жизни, точнее, непосредственное бытие жизни, проблема смерти – неразрешима (поэтому и появилось иллюзорное, идеологическое разрешение: «смертию смерть поправ»).

Для человека смерть – это проблема разумного и неразумного отношения – проблема, придающая смысл жизни.

Идеологи изощряются в поисках все более совершенной защиты жизни, а не в поисках истины. Их истина – жизнь.

Мысль изощряется именно в постижении истины и потому нажила себе могущественного и непобедимого врага: идеологию.

Все на свете противоречиво. Мысль выступает условием совершенства

идеологий (новая истина порождает новую идеологию, которая приспособливается, адаптирует истину к жизни, не считаясь с искажениями), а идеологии в какой-то степени гуманизируют мысль.

Получается, что жизнь, породив себе защитницу-идеологию, породила и ее могильщика – сознание – в конечном счете для того, чтобы беспредельно совершенствовать защиту. Ничто так не стимулирует жизнь, как присутствие истины-смерти.

Свобода как таковая, как условный абсолют, положенный в основу реального отношения, проявляется в одном, а именно: свобода возможна только как свобода от иллюзий; все остальные отношения, составляющие комплекс свободы, есть несвободные аспекты свободы (ограничения рамками осознанной необходимости оставляют свободу только в границах несвободы).

Поэтизируется же всегда «абсолютный» компонент свободы, свобода отождествляется с психической свободой (так называемой волей), понимается как свобода не считаться с необходимостью, что является, по существу, самой заурядной иллюзией, т.е. грубой несвободой.

В основе поэтизируемого стремления к свободе всегда обнаруживается скрытая зависимость от капризов подсознания.

Над людьми тяготеет два проклятия, порожденных человеческим сознанием: проклятие идеологической одномерности и проклятие философско-рациональной многомерности. В первом случае человек мыкает горе от глупости (но это еще с полгоря), во втором человека постигает горе от ума (горе безысходное). «Идеолог» видит мир с одной стороны, он несомненно прав – и это дает ему силы, веру и надежду. «Философ» видит мир с разных сторон, он понимает, что не правы все, даже те, кто несомненно прав. Где уж тут взяться вере и надежде?

И тем не менее идеолог и философ не спешат разойтись. Они завороченно всматриваются друг в друга: первый в надежде, что философ сумеет объяснить всем раз и навсегда его несомненную правоту, второй – боится верить своим глазам, видя перед собой почти счастливого человека и втайне завидуя его способности жить скудоумными мифами.

Как ни кощунственно звучит, хочешь быть счастливым – будь в меру умным. Меру же всегда определяет социум, выбраковывающий дураков и умников с равной безжалостностью. Идеолог, тянущийся к философу,

полагая, что ум принесет еще больше счастья, окончательное счастье – вот идеал счастливец. Он (счастливец) почти избегает проклятия, находясь на пути от одного проклятия к другому.

Да продлится этот путь сколь можно дольше.

Люди, будьте счастливы.

Неужели действительно психология становится философией, по крайней мере, философией человека?

В значительной степени – безусловно. Правда, для этого необходим такой пустячок, как наличие концепции сознания. Только такая «вершинная» психология проясняет, а не запутывает человека.

... И дьявол в старости становится праведником.

Если это народная мудрость, то самое поразительное здесь то, что она народная. Глубина формулы неисчерпаема, и по этой причине достойна комментария.

Дьявол-праведник – уже не дьявол, а нечто себе противоположное. Самоидентификация он бывает лишь в молодости. Молодость и грехи, а также связанная с ними дьяволиада, – понятия близкородственные и естественно совмещающиеся. Формула, как всегда, только подметила и зафиксировала отношения качеств, но не объяснила их. (Кстати, вот предел народной «мудрости»: подметить и модельно отразить. Объяснить же «модель» не в силах никакая народная смекалка и сообразительность. Суть народной мудрости заключается в способности мифологического, отчасти художественного, *моделирующего* отражения. И ценит народ, в свою очередь, чудесников слова, звука, цвета, пластики – тех, кто черпает из кладезя народной мудрости. Вот почему искусство действительно принадлежит народу, да и то не всякое искусство.

Другая же сторона культурного подвига – способность к рефлектирующему, объясняющему сознанию – в принципе чужда народу, Это удел высококультурных одиночек, вышедших из народа и, к счастью, оторвавшихся от него.) Народ, обладающий скорее интуицией, чем умом, предложил великолепную по форме модель. Постараемся же культурно ее завершить: проанализировать, философски прокомментировать.

Если согласиться с тем, что праведник есть приверженец морали, почти с удовольствием исполняющий все ее предписания, то молодость, очевидно, не особо дружит с моралью, то и дело преступая ее заповеди. Почему же

молодость преступна?

Потому что мораль не в силах сдержать прущую из юных жизненную силу. Детородный возраст подчиняет индивида программе воспроизводства жизни, и никакие культурные ограничения, будь то даже самые высокие нравственные идеалы, не в состоянии (слава богу!) надежно блокировать напор стихии.

Все «зло» человека сосредоточено в инстинктах, в витальной базе, противостоящей ментальному завершению личности. Динамическое состояние «добра», как противоположного «злу», означает победу духа над плотью, одухотворение плоти, контроль над ней. Ясно, что в молодости духу труднее всего обуздать инстинкты. Но стоит ли так однозначно венчать молодость с несовершенством человека?

Во многом надуманная греховность человеческой природы, на деле означающая гарантию непрерывности жизни, является таковой лишь с точки зрения абсолютизированной духовности. К старости, когда человеку не составляет никакого труда пополнить ряды праведников (угасающую плоть, увя, и смирять не надо, она «облагораживается» в силу естественного хода вещей), дьявольское начало как бы «немотивированно» улетучивается. Дьявол «вдруг» становится праведником. Возникают сомнения: во-первых, был ли дьявол, а во-вторых, так ли уж почетно быть праведником?

Если принять тезисное объяснение дьяволиады, то ничего удивительного в эволюции князя тьмы нет. Поскольку ничто человеческое ему не чуждо, он просто обречен подобреть, если только не приписывать ему свойства носителя мистического, метафизического зла. С земным дьяволом все просто. Разве что один нюанс: дьявол вечен (дай бог ему здоровья) в силу вечности молодости. Пословицу следовало бы подкорректировать: если бы дьявол мог стареть, то и он к концу жизни превратился бы в праведника.

По большому счету, противоречия молодости – глупости (слушающей лишь голос чувств, хотений, желаний, влечений) и старости-мудрости (ориентированной на голос рассудка: на доводы разума, принципы объективности, целесообразности и т.д.) лежат в плоскости психики – сознания. Гнездо дьявола свито именно в психике, которая и является орудием козней «духа нечистого». Все «объяснения» подверженности злу преимущественно психогенны: нечистый попутал, охота путце неволи, чем черт не шутит, когда бог (добро) спит. Сконцентрированно: седина в бороду – бес в ребро.

Ум тогда лишь правильно видит мир (и способен объективно оценить человеческую природу), когда восприятие не искажается силой желаний. Активность психики, идущая от активности физиологической, витальной базы, стимулирует мышление, но одновременно заставляет его «ошибаться». И все ошибки – в пользу психики, которая служит инстинктам-потребностям, то есть «злу».

Молодость – психична и психологична. Процесс духовного становления –

это процесс угасания психической активности и обретения независимости ума, ценящего более всего ценности культуры, в том числе праведную мораль.

Вот почему в старости (и связанной с ней праведности) нет особой заслуги, как нет особого греха быть молодым. Неистово «воспитывать» молодежь в том смысле, что навязывать ей моральные стандарты «прозревших» старцев, могут только те, кто не помнит своей молодости. А те, кто помнит, осознают: молодость должна перебеситься. Ругать молодежь за то, что она не в состоянии смотреть на мир глазами благочинных ветеранов, так же бессмысленно, как и требовать прыти от уставших жить.

Получается, что секрет жизни – в дружбе и вражде психики и сознания. Так оно и есть.

БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ, ИБО ОНИ НЕ ДУМАЮТ

Способ существования так называемой фауны хорошо известен: съем – буду жить, умру – значит съедят меня. Там умер – значит пошел кому-то в пищу.

Это, так сказать, божий мир, устроенный просто и целесообразно в каком-то трогательном соответствии с неписаными, но нерушимыми законами мироздания. К законам этим нет претензий, однако люди давно уже стараются очеловечить прекрасно обходящийся и без человека мир, думая почему-то, что они его обожествляют.

Человеку удалось выделиться из фауны, но зверь из «того» мира, наш пращур, остался в нас навсегда: таковы законы генетики. И людьми мы становимся – что уж тут лукавить – вопреки природным законам, благодаря законам человеческим.

Сидящий в нас зверь, настолько часто выпирающий наружу, что мы его уже тоже считаем «за человека», командует: смотри, слушай, нюхай, иначе съедят. И нет людей, абсолютно лишенных этой звериной слабости. Кому не приходилось сталкиваться с ситуацией, когда вас буквально пожирают глазами (якобы из невинного, праздного любопытства), в то время как вы выходите из лифта, входите в подъезд, подходите к автобусной остановке, становитесь в очередь – словом, когда вы появляетесь на людях. Посмотрите (проявляя чисто исследовательский интерес), как привычно простреливают глазами коридор ваши высокообразованные коллеги, когда они выходят из служебных кабинетов (не из пещер), как едят глазами всех проходящих мимо стайки мило щебечущих профессоров и доцентов. Спрашивается: зачем это мышлению человеческому?

Мышлению, т.е. тому, что и делает человека больше, чем представитель фауны, – как раз и незачем, а вот телу на всякий случай надо: чтоб не съели. В джунглях непременно надо принять к сведению тот факт, что за тобой всегда кто-то может охотиться, даже когда добычу преследуешь ты сам.

Но почему-то точно так же поступают и высококультурные мужи в стенах университетов.

Вот наблюдения, сделанные учеными, анализировавшими поведение обезьян. Альфа-самец, т.е. вожак обезьяньего стада, так же хорошо узнаваем среди своих подчиненных, как и президент крупной фирмы. Он прилагает немалые усилия, чтобы быть самым заметным. Он держится очень прямо, чтобы казаться более высоким, говорит громким голосом и подолгу смотрит собеседнику в глаза не моргая, в то время как его подчиненные ходят с натянутыми улыбками, бегающим взглядом и вообще стараются съежиться, чтобы почтительно оттенить привилегированную и величественную фигуру лидера.

Ясно, что громкий «командирский» голос, пристальный взгляд – это методы насилия, психологического воздействия с целью покорения более слабых (что является, конечно, прелюдией к уничтожению). Все это – из области примитивной (хочется сказать «примативной») борьбы за жизненное пространство. Человек «орущий» и «пялящийся», т.е. достаточно типичная фигура начальника или оформившегося в качестве лидера, есть наиболее непосредственная проекция альфа-самца в мире «человеческих» отношений.

Чем меньше развит ум – тем больше шустрят глаза, нос, уши, руки. И хитрость успешно заменяет интеллект в отношениях человеческих. Так, например, психолог-практик цыганка без труда обведет вокруг пальца теоретика-психолога, будь он хоть трижды профессор. Вот из таких «говорящих сами за себя» картинок-ситуаций и вырастает миф о ненужности и бесполезности науки и образования. Обладатели завидных носов, ушей и бегающих глаз убеждены, что ученые – всего лишь неконкурентоспособные слабоумцы. Интеллект всегда неполноценен с точки зрения хитрости. Следовательно, чем ниже образование – тем выше ум. С таким всенародным принципом дальше Чечни не заберешься по лестнице общественного прогресса.

Вот и получается, что люди умные, а значит в разумных пределах нейтрализовавшие варварски прущий наружу скот, оказываются в вечных заложниках у скотолоудей, презирающих цивилизационные навыки как свидетельство слабости.

Кто сумел понять это, тот не может уже романтически любить своих соплеменников, да и людей вообще. Человек, облагороженный вуалькой негустого культурного флера, – ближайший родственник обезьяны, которая во многих отношениях оказывается лучше царя природы, потому что ей неизвестно, что значит поступать по-скотски, а что – по-человечески. Кем-то замечено, что индусы даже в самых заджунгленых деревнях не позволяют

себе ввинчиваться глазами в проходящего мимо чужестранца, несмотря на его экстремальную экзотическую привлекательность. Они чувствуют, что «есть глазами» означает не что иное, как «есть», съесть, лишать жизни. Нашим же родимым бабулям, занимающим снайперские позиции на скамейках у подъездов, в этом смысле далеко до индусов, поэтому, наверное, лагеря в недавнем прошлом и были переполнены их внуками, да и сегодня тюремные бараки не пустуют.

В принципе мышление «от глаз», от зоопсихологии – это бегство от ума, дезертирство с человеческого фронта в сторону альфа-самцов, ибо не думать – значит облегчать себе жизнь, значит «облегчаться». З. Фрейд давно уже подметил, что люди скрываются в неврозах как в защитном сооружении, из которого их непросто вытащить психоаналитику. Примерно таковы же механизмы и функции авторедукции в зоологию. Дегенерация – самый легкий способ избегания проблем человеческого существования.

Настоящее бремя – понимать, ибо от большой мудрости ничего, кроме печали, не рождается. Однако никому не уклониться от ответа на вопрос, кем же ему все-таки быть – ну, хотя бы в первую очередь: человеком или зверем?

Как бы то ни было, все же пока несомненным остается то, что род людской стремится к идеалам человеческим, и Бог как идеализированный человек все еще остается частичным регулятором жизнедеятельности многих людей.

РАЗДЕЛ 2

ФИЛОСОФИЯ МЫШЛЕНИЯ

Психика требует обмана.
Сознание требует правды.
Как быть?

Человек должен знать о своих психических слабостях. Раз психика требует миражей и не может без них нормально функционировать, специализируясь на их производстве, пусть она их и получает. Но сознанию, интеллекту, чтобы сохранить свою функциональную дееспособность, нужна только правда. Зачем унижать человеческое мышление скрещиванием его с психикой, приводящим в результате к подчинению психике?

Разум должен предоставлять человеку жесткую правду о самом себе. А уж как быть с этой правдой: замечать ее, не замечать, отвергать или культивировать – эту задачу пусть решает психика. Надо совмещать разные потребности, надо научиться жить и в режиме психического благоприствования, и в режиме надзора со стороны сознания. Человечество бесконечно запутывает простую, в сущности, проблему.

Религия и искусство всегда творят комплиментарный по отношению к человеку образ реальности. Психике нужна «приятная» реальность – и она ее получает. Нечего удивляться, что люди с восторгом откликаются на такую реальность. Было бы странно, если бы они вели себя как-то иначе. Миражи (замещение реальности) – это защита от реальности. Видимо, наиболее эффективная защита.

А что может предложить интеллект?

Поскольку психика живет по своим законам, то никакой интеллект не в силах удовлетворить жаждущую обмана психику, которая выражает потребности человека; и она блестяще несет свою службу. Интеллект во имя сохранения душевного здоровья может предпринять только одно: подсказать, как тоньше обмануть психику. Как показывает практика, реально доступен, возможно, единственный способ: чтобы не сойти с ума, надо локализовать или заблокировать те зоны психики, которые «в ужасе» от реальности. Лучше не трогать все «невыносимое» и духовно «переключаться» на иные заботы – и тогда время лечит. Тогда отпадает необходимость обращаться к религии, к великим обманам и мистификациям или к наркотикам (в самом широком смысле).

Если же постоянно муслировать «болевые очаги» – психике не останется ничего другого, как искать спасения в сотворении приемлемой реальности. В этом случае абсолютизация субъективного – неизбежна. На свет являются

сонмы богов, божков, идолов, предрассудков, вер, идеологий и т.п.

Правда обладает мощным терапевтическим потенциалом, если, приняв ее к сведению, научиться как бы не замечать ее. Надо обучиться искусству обманывать самого себя, понимая, что именно обманываешь себя. Вот, по существу, альтернативный путь сохранить душу, не теряя головы. Это и есть способ максимально свободно реализоваться в сфере духа, приспособившись к своей психической зависимости. Все прочее – грандиозный обман и недостойная манипуляция.

В режиме правдивого, неискаженного взгляда на себя способны существовать очень немногие. И если кто-то собрался пополнить их ряды, то лучше честно констатировать: он собрался примкнуть к компании полных изгоев.

Дозировка правды и неправды – вот кардинальная проблема существования (экзистенции, как сказали бы шаманы от науки). Любой здравомыслящий вынужден делать реверансы, льстить людям, манипулируя их и своим сознанием, поскольку иначе выжить нельзя. Проблема самообмана и обмана других – насущная жизненная проблема. Те, кто может и хочет, имеют право быть полноценными людьми и трезво судить зачумленное идеологией человечество.

Где-то здесь нащупывается смысловой предел философии.

Что тут еще можно добавить?..

Сознание произрастает из психики, конечно, но развивается само по себе, не смешиваясь с психикой ни при каких обстоятельствах. Станным образом сознание не наследует генетики психики, хотя, повторим, последняя имеет отношение к появлению первого.

Содержание психических процессов, безусловно, служит пищей уму: разная степень сложности душевных переживаний по-разному стимулирует ум. Но и только. Суверенность их субстанциональности – незыблема. Речь может идти о косвенном воздействии собственно психики на умственное развитие; для интеллекта в свою очередь исключена возможность непосредственного воздействия на психологические механизмы. У психики совершенно другие законы.

Правильнее всего было бы назвать принцип отношения душевно-психических и сознательных процессов «параллельным», имея в виду невозможность контактов двух сфер; однако взаимная стимуляция все же имеет место, поэтому пересечение, как ни парадоксально, не мешает их параллельности. Разум не может задать психическую программу, но, понимая логику души, можно отчасти направлять самопроизвольные потоки в нужное, «разумное» русло.

Два разных, чужеродных механизма создают и терзают человека, разные правды рвут не искушенные души и умы в клочья. Демоны души осуществляют свою бессознательную регуляцию, но лишить демонов власти можно только вместе с жизнью человека. Диалектическая логика, демон ума, просто все анализирует и объясняет; но культура, став второй натурой человека, стала и условием его нормального существования. Разные демоны перетягивают канат, напрягаются – живут. Натянутый канат – симптом духовного здоровья. Как только канат провисает или один из демонов-оппонентов переусердствовал и «победил» – начинаются беды человека, которые проявляются в сбое нормальных ритмов, перекосах и искажениях психических либо сознательных функций. Каждая из сторон, которые являются условием возникновения сферы духа, должна четко держать, «гнуть» свою линию, бороться за чистоту рядов. Прогресс изоляционистский – психики как психики и сознания как сознания – залог гармоничного, сбалансированного развития.

Еще раз: проблемы человека – это подмена субстанций как инстанций. Простой пример: обосновывать существование божие с помощью разума – все равно, что с помощью диалектической логики лечить душевнобольного. Подобное корректируется подобным.

Представление о смешанности, перемешанности антиподов, наделение их несвойственными качествами – мифическая и небезобидная манипуляция шаманов. Духовность человека – не бифштекс, где перемешаны ингредиенты, а многожды полифоническая палитра-симфония, исполняемая, на удивление, двумя солистами. Вот и пусть исполняют.

Мужайся, человек: ты столько сделал, чтобы запутать самого себя, что простота тебя оскорбляет. Человек – это сфинкс (по версии психики), загадка которого в том (по версии сознания), что отсутствие загадки представляется невероятным, невозможным исходом.

Можно сказать иначе: загадка человека в том, что разумное не влияет на неразумное, что доводы рассудка не кажутся убедительными душе, которая «не понимает» сама себя и не может понять языка того, кто понимает ее. Человек загадочен со стороны психики; разум может лишь предложить объяснение того, почему человек считается загадкой, но развеять загадку (т.е. вмешаться в психику) не может.

Комбинаций в рамках отношений «психика – сознание» образуется бесчисленное множество: вот этот мультиплицирующий эффект никак не возьмут в толк.

Ведь бесчисленное множество!

Да. Но в рамках биполярных отношений!

Просто или сложно?

Смотря в каком сегменте реальности проявляются эти взаимоотношения. Там, где психика и сознание сохраняют известную чистоту функций – там опор и дискуссий меньше всего; там, кажется, и проблемного поля не возникает. Но в тех сверхзапутанных культурных явлениях, где подмена и мультиплицирующее взаимоусиление, интерференция функций выдают гибриды, кентавры и симбиозы –

эксперты, сами подверженные психоэмоциональному и одновременно логическому воздействию собственной проклятой природы, начинают покачивать головами и разводить руками.

Можно ведь разумно, вполне научно обосновать фрагмент истины, а затем эмоционально, неразумно защищать свое открытие от непонимания, превратившись в рыцаря истины, то есть в человека, который далек в своих поступках от верной, истинной линии поведения, продиктованной пониманием.

Прав «исследователь» или «рыцарь»?

Просто их разделить или сложно?

Конечно, сложностей много. Разумеется, разноуровневый подход к многоуровневому же феномену – идеальная модель хаоса. Но в этом же хаосе – возможность космоса. Хаосмос, порождающий кентавров, налицо. Бесспорно, мы имеем дело с парадоксом парадоксов: ведь управлять психикой, непроницаемой инстанцией, можно, по существу, только средствами психики, а горний, самопроизводный разум открыт лишь аргументам интеллекта.

И все же находятся точки соприкосновения, возникает сцепка функций разных и автономных сфер. Отсюда – бесчисленные комбинации.

Хочу и надо – понятны уже ребенку.

Императивы ума и сердца – банальность для каждого человека.

Разницу между психикой и сознанием понимают уже немногие.

Суть интеллектуализированной психики или идеологического разума – целостных образований, запрограммированных на полифункциональность – роковым образом скрыта от немислителей. Эту суть невозможно объяснить тем, кто не готов ее воспринимать, кто не вышел за рамки двухходовой логики в границах хорошо известных ему отношений «души» и «разума». Мыслителей же – единицы.

Просто или сложно?

Самыми защищенными в культуре являются те сферы духовной деятельности человека, которые связаны с идеологией. Чем теснее связь – тем защищеннее идеологические рубежи.

Те же сферы духа, где ум научился различать мифологемы и разоблачать их, становятся опасно уязвимы с точки зрения общественного, насквозь идеологизированного сознания.

Наиболее беззащитна в культуре – философия.

Наиболее защищена – религия.

Это легко объяснить, но с этим невозможно согласиться человеку, устойчивому к идеологическим инфекциям. Идеологии выражают потребности – в этом и только в этом заключается их чудодейственная жизненная сила. Философия же видит сущность идеологии и вскрывает механизмы ее порождения и функционирования. Может ли идеолог-фанатик смириться с покусением на миражи, создаваемыми во имя жизни?

«Масса», «толпа» – это мировидение и терминология наивных романтиков, с энтузиазмом клеймивших духовную чернь». Им страшно было помыслить, что все человечество – это всего лишь толпа, способная существовать исключительно в идеологическом пространстве. Философию терпят до тех пор, пока она не оторвалась от идеологии, обслуживает идеологию, является формой идеологии. Идеология, поданная как «философия», – это высшая санкция культуры. Как только философия становится философией и противопоставляет себя идеологии – она превращается в занятие для чудаков-дураков-сумасшедших. Во вредное занятие. Тут уж нелепо рассчитывать на поддержку цивилизованного общества.

Становиться все более и более культурным – значит развивать сознание, абстрактно-логическое мышление. Ни самая утонченная религиозность, ни безмерно развитая художественная интуиция не продвигают человека в культурном смысле. Они не избавляют от темноты, а именно затемняют сознание. Прояснять сознание можно одним способом: учиться мыслить.

В комплекс жизненно важных потребностей входит и потребность в смерти. Гибель одного индивидуума – модель апокалипсиса. Возможно, ничто так не способствовало рождению философии, как потребность найти защиту от смерти. И нашли: в философии (религия – это иллюзорная победа над смертью, путем превращения ее в элемент вечной жизни, продолженной в иных мирах, чего, конечно, не существует).

Философии смерть оказалась не страшна. Почему?

Потому что философия – и это поняли уже древние греки – сама

подвергает все аналитическому расчленению, т.е. предает смерти же, не оставляя шансов подпитывать жизнь иллюзиями. Философия противопоставляет смерти не страх и стихийную жизненную силу (наивные способы «запугать», отодвинуть смерть и продолжить, спасти жизнь), а бесстрастное понимание, познание. То, что способно бояться, не вошло в состав философии, а если вошло, то такая «философия» превращается в метафору.

Анализ – антипод жизни, поэтому он же в известном смысле есть форма смерти. Вот почему заниматься всерьез философией и любить это – невозможно (случаи явной патологии я рассматриваю как аргумент в пользу данного тезиса). Можно заниматься историей философии, философскими аспектами различных сфер общественного сознания. Но «заниматься» философией как таковой (не трепаться, а жить, существовать в режиме мудрости) – не представляется возможным.

Возражений, разумеется, последует множество. Проблема, однако, в том, что часто выдаваемое за философию и философов на самом деле не является таковым. Практически всегда мы имеем дело с идеологией, подаваемой как философия. Феномен философии для массового сознания такой же миф, как и все остальное в поп-культуре.

Философов – единицы, и, как правило, им, оберегающим жизнь от философии, нечего сказать людям. Сказать можно разве что во имя истины; но во имя истины можно и помолчать. Результат – не меняется.

Тот же, кто активно рассуждает, одаривая людей новыми рецептами счастья, – либо идеолог-шарлатан, либо интеллектуальный молокосос. Он сражается со смертью. Он еще не понимает, что рецептов спасения, по большому счету, нет. Как нет, впрочем, и абсолютной смерти.

Любой гимн жизни – это гимн силам души, не рассуждающей витальной мощи, непобедимой стихии инстинктов. Молодость, весна, сила природы – становятся источниками глупостей, которые мы поэтизируем, всячески приветствуем, которым умиляемся. Поэтому «поэзия должна быть глуповата», искусство, религия – все то, что обслуживает потребность души – должно быть глуповато, ибо жизнь и глупость – две вещи нераздельные.

Жизнь зарождалась помимо интеллекта, развивалась не по его указке. И теперь, когда ум «понял» жизнь, в самой жизни мало что изменилось. Поэтому самое большое наказание жизнелюбивому существу – это интеллект.

Но не все так просто. Жизнь не случайно породила своего антипода-могильщика. Мудреем-то мы к старости, к смерти. Чем меньше в нас клокочет жизни – тем более становимся мы умудренными. Однако в пору

зрелости ум, слуга вечности, оттеняет глупость жизни, придает ей космическое самосознание. Действительным дитем природы, как ни странно, ощущают себя умные люди. Так интеллект повенчан с жизнью, он не только не мешает ей, но вносит новые, удивительно «терпкие» краски в палитру глупости-жизни.

Если же ум губит жизнь или противостоит ей, не находя точек соприкосновения, – это еще не основание для того, чтобы вынести «холодному» уму приговор, который бы узаконивал отлучение его от неконтролируемой жизненной стихии. Противостояние психической энергетике еще не превращает ум во врага жизни. Все зависит от того, как будет интеллект нести свою опасную службу. Для иных интеллектуальная защита является единственным спасением.

Да, не всякий ум уживется с жизнью. Только философский, мудрый ум, не переставая быть самим собой, может в то же время не мешать глупой жизни, но даже поощрять ее.

Прожить жизнь «с умом» – это высшая задача, стоящая перед человеком. Все остальное – или приспособительная психологическая «шелуха» (которую, впрочем, можно назвать просто жизнелюбием), или жалкая маскировка эрудиции под интеллект, эксплуатирующая лозунг: знание – сила.

Ум *специализированный*, используемый в практической деятельности, в науке, отличается от ума *универсального*, востребованного в полном объеме только лишь в философии, тем, что задачи первого и второго несопоставимы; следовательно, несопоставима и их личностная значимость.

Специализированный ум, доведенный до совершенства, делает человека гением; а интеллектуальный гений – это всего лишь способность оперировать специальной информацией, способность обнаруживать и выстраивать взаимоотношения структурных элементов в системах. Это ум – системный. Причем, закономерности одной системы не распространяются на все остальные, аналогии здесь весьма условны.

Отсюда парадоксальный результат: чем более разбирается специализированный ум в своей узкой сфере, чем больше у человека уходит на это времени и сил – тем менее он представляет из себя что-либо достойное внимания как личность.

Универсальный интеллект прежде всего видит ограниченные возможности системного подхода как такового. Противоречия системы и целостности, противоречия всех составляющих универсума – в центре внимания этого «божественного» по возможностям интеллекта. Самое важное – всеохватный ум вынужден решать главную задачу: проблему

возникновения, функционирования и развития духовного мира человека. Духовный мир как момент универсума открывает свои тайны могучим всеобъемлющим умам и личностям.

Гении – духовно скудны, хотя к гораздо более авторитетны, чем философы. Это и понятно: гений в конечном счете специализируется на все более и более совершенном извлечении материальных благ. Ему – слава и почет. Ум универсальный только *объясняет* жизнь, смерть, человека, космос, честно признавая свои скромные возможности серьезно что-либо изменить в этом лучшем, но далеком от совершенства мире. «Пользы» от такого ума куда меньше – соответственно, меньше признания.

Неразграничение двух типов ума, двух разных по возможностям субъектам познания мира на руку только тем, кто абсолютизирует первый и боится второго.

Чистая мысль, – освобожденная от идеологических примесей, дистанцированная от потребностей мыслителя – если рассмотреть ее сквозь призму человеческих интересов, превращается в страшное оружие или в беспомощное блеянье, в истину либо заблуждение, в пророчество или лепет безумца; но никогда чистая мысль не остается равной себе.

Очищенная от интересов мысль никому и не интересна. Гораздо более похожа на истину мысль идеологическая, представляющая интересы многих, очень многих людей. За такие мысли (т.е. за свои потребности) – в огонь и в воду; они охотно подхватываются, тиражируются, комментируются. Таким мыслям верят (или не верят, что означает: верят другим идеологическим мыслям, выражающим контринтересы); такие мысли дарят надежду, с ними любовь превращается в инструмент достижения счастья.

Вера, надежда, любовь, счастье – на одной чаше весов; на другой – чистая мысль, осуществляющая божественный, но бескорыстный к безотносительный к каким бы то ни было интересам, акт прикосновения к истине. Надо утратить чистоту, неангажированность мысли, чтобы предъявить людям претензию за их малодушное отречение от чистой мысли: они всего лишь предпочитают то, без чего нельзя прожить, тому, без чего прожить можно.

Проблема (как видится это чистому мышлению) заключается не в предпочтении «истины» – «счастью» (или наоборот), а в совмещении несовместимых полюсов. Проблема в том, что только чистые мыслители знают истинную цену психоидеологическим химерам – и потому не отвергают их. Проблема в том, что потребность совмещения реальности и ее иллюзорного отражения, и даже сама постановка вопроса в такой плоскости, возможны только со стороны мыслителя. Ревнители идеологических

отношений не видят смысла в совмещении, поскольку своим главным врагом они всегда принципиально считали, и не могут не считать, чистую мысль, направленную на нейтрализацию идеологии как таковой. Идеологическое отношение не знает отношений чистой мысли.

Вот почему нет ничего выше и гуманнее чистой мысли, хотя, на первый взгляд, она не спешит защищать интересы человека, «предает» их.

Чистая мысль – кому парадокс, кому трагедия, кому красная тряпка, кому идеологическая чума, кому руководство к действию, кому созерцание...

Стремление человека отыскать «философский камень», с помощью которого можно было бы объяснить «все», – психологически вполне объяснимо. Психология как служба жизни требует возможности контролировать ситуацию, подчинить себе мир, для чего необходимо сводить сложность к простоте, хаос к порядку и при помощи чего-то «одного», главного, разъяснить «все». Попытки отыскать такой абсолют не прекращались в истории философской мысли. Само понятие Бога – эквивалент философского камня.

Философия действительно и вполне оправданно главным своим предметом считает универсальные законы, лежащие в основе как целостности мира, так и его моментов. И законы эти – диалектические законы – обнаружены. Иное дело, что поиски абсолютной истины не увенчались успехом; однако удалось поменять само представление об абсолютной истине. Абсолютной истины, согласно логике диалектики, – нет, но есть бесконечное множество истин относительных, в которых парадоксально воплощается то, чего нет – истина абсолютная. Отсутствие последней означает лишь то, что полнота реализации абсолюта – в бесконечном множестве относительных истин; вместе с тем представления о мире, а с ним и о совокупности относительных истин, непрерывно множатся, что свидетельствует об относительном приближении к истине абсолютной.

Такой подход позволяет сотворить что-то вроде карты познания, где каждому мыслителю, как правило, абсолютизирующему ту или иную истину относительную, уготовано свое место.

Несмотря на то, что единой и самодостаточной истины найти не удалось, вполне удалось создать ту методологию, с помощью которой можно если не отыскать истину, то хотя бы объяснить, почему ее нельзя отыскать. Методология – вот служба истины.

Какой простор для отчаяния, сколько поводов для гносеологических голошений и рыданий, которые неизменно кончаются героико-стоическими поисками нового абсолюта, укреплением веры в то, что человеку не дано познать самое «тайное» – философский камень. Остается предположить, что

он надежно сокрыт в Чьих-то руках.

С точки зрения методологии, такое хождение по замкнутому кругу на карте познания можно обозначить как абсолютно бесперспективное, хотя и сулящее горстку относительных истин, подтверждающих, что человек обречен на поиски философского камня до тех пор, пока поиском будет заниматься служба жизни, а не служба истины.

ЗАКОН МАЯТНИКА – ЗАЛОГ ОБНОВЛЕНИЯ ДУШИ

Жизнь человека, в том числе и духовная жизнь, представляет собой сложный, многокомпонентный, постоянно находящийся в движении и изменении коктейль, состоящий из архетипов. Боюсь, что можно даже определить и назвать основные из них. Их не очень много. Бесконечное, содержащееся в них, находится в конечном.

В каждый конкретный момент жизни человека актуализируется какой-либо один культурный архетип. В целом жизнь человека также определяется одним (иногда – несколькими) доминирующим архетипом-программой.

Думаю, зависимость между архетипами, взятыми со стороны их качества и количества, и духовной жизнью человека такова: чем более культурных пластов сформировалось в человеке – тем более он реализован как личность, тем привлекательнее как человек. О таких говорят, что у них широкая душа, что у них широкий умственный горизонт, им свойственен широкий взгляд на вещи. Фанатики всех мастей, в том числе моралисты и святоши, ограничиваются простеньким набором культурных программ, что позволяет им пафосно трубить о стоической верности принципам. Они действительно не могут поступиться принципами – просто потому, что они весь личностный космос свели к достаточно элементарным посылкам. Изменить принципам, т.е. убедиться в их относительной правоте и признать относительную правоту иных принципов, для правоверных равносильно духовному коллапсу. Сплошь и рядом фанатичная верность и преданность достигаются за счет духовной нищеты и скудоумия (сами они, правда, предпочитают величать свою убогость «самоотречением»).

Прекрасно понимаю, что упрощение духовной жизни до матричной основы должно вызвать у нормальных людей *чувство* протеста, смешанное с чувством справедливости и чувством истины: этим не все сказано о духовной жизни. Более того, самое существенное как раз и не сказано.

Согласен. Не сказано о постоянно *новом*, волновом характере смены эмоционально-духовной парадигмы. Взаимоналожение архетипов (коктейль) говорит о структуре духовной жизни, но не о ее механизме. О последнем

можно сказать нечто вроде следующего: эмоционально-духовная регуляция подвержена закону маятника, закону полярного притяжения и чередования одного противоположного состояния другим. Однако что на что меняется, когда, в каком контексте – это предвидеть невозможно.

С большей или меньшей степенью убедительности можно разъяснить и прокомментировать то, что *уже было, состоялось*, привлекая для анализа все известные (часто – только задним числом) факторы. Будущая же духовная траектория очень сложно поддается прогнозированию, да и то в самом общем плане. И опять же: чем больше компонентов – тем труднее предвидеть результат их взаимодействия, чем богаче духовный мир – тем менее предсказуемым становится человек.

Позволительно ли столь бесцеремонно и грубо пальпировать душу щупальцами разума? Не есть ли это завуалированное покушение на уникальность и безмерность богоравной личности с целью низведения ее до «типа», класса и разряда?

Базовых архетипов – немного, однако в сочетании с производными, вторичными, стадияльно-индивидуальными, ситуативно-индивидуальными, контекстуально-индивидуальными «архетипами» комбинаций становится бесконечное множество (сколько необходимо исходного материала в цифрах, чтобы на выходе получить бесконечность, задача уже для математиков). Каждый человек в силу указанных обстоятельств и закономерностей – духовно индивидуален и неповторим, как неповторимы его отпечатки пальцев или ушные раковины. Однако за самым сложным и неповторимым духовным узором стоят хорошо известные и многократно описанные духовные архетипы. Уникальность духовного облика не отрицает возможности его типологии, равно как и сама возможность классификации никак не дискредитирует и не обесценивает неисчерпаемость уникальности.

Боясь все большего и большего познания тончайшей материи духа, чего мы боимся? Структуры и механизмы нас беспокоят?

Нет. Мы боимся недооценки иррациональной сферы и переоценки рациональной, так как интуитивно чувствуем, что, покушаясь на тайну сознания, мы, быть может, и не желая того, покушаемся на жизнь.

На самом деле разумное вмешательство интеллекта не вредит; а неразумное – оно и есть неразумное, тут уж претензии к разуму неуместны. С разумом нет проблем, когда человек или глуп, или мудр. А вот когда сообразительный лезет в мудрецы и вмешивается от его имени туда, куда не следует, – тогда и начинается род человеческий не мудрствуя лукаво, на всякий случай, испытывать интеллектфобию.

Грамотно, гуманистически ориентированное познание не навредит духу, ибо оно с жизнью заодно. Дело в том, что даже осознав закономерности эволюции жизни духа, мы не в силах ее радикально подчинить диктату разума, да в этом и нет никакой необходимости. Ведь духовное – это не сознание + эмоции. Суть в том, что мысли (рациональное начало) возникают

как итоговое обобщение процессов, происходящих в сфере чувственно-эмоциональной. Такое понимание органического единства психики и сознания допускающее одновременно их невыдуманную автономность, – делает жизнь духа принципиально несхематичной, не поддающейся элементарному регламенту, даже если некоторые законы этой жизни становятся понятны, само духовное творчество никак не становится детально предсказуемым. Часто вместо того, что надо, мы делаем то, что хочется. Часто – наоборот. Рациональное и иррациональное находятся не просто в контакте, а буквально сменяют друг друга у штурвала сознания.

Так что страхи относительно возможной «роботизации» человека беспочвенны и наивны. Это мифологические по своему происхождению страхи. Действительно имеющие место отклонения либо в сторону абсолютизации рационального начала (превращающие человека в машину, функцию, выхолащивающие эмоциональную сферу), либо в сторону абсолютной непредсказуемости (что также чревато зашкаливанием за клиническую грань) держатся в границах нормы. Граница в таких случаях, понятно, становится растяжимой. Не слишком конкретный, но здравый постулат: чрезмерность трактуется как патология – вот и весь «пограничный» кодекс.

Не стоит панически остерегаться нарушения хрупкого природного равновесия, когда нам вдруг удастся рационализировать наши бессознательные метания и томления. Нас держит и будет держать на плаву не осознанность законов мышления и – шире – духа, а *новизна ощущений*. Природа позаботилась о том, чтобы повторяемость никогда не приедалась, как не приедается регулярно принимаемая вкусная пища. Мы ведь знаем, что через некоторое время неизбежно проголодаемся и вынуждены будем подумать о гастрономическом ублажении плоти. Разве это снижает наш аппетит? Разве наслаждение от еды становится менее впечатляющим?

Мы знаем – но это не мешает нам переживать и наслаждаться. Примерно то же самое происходит в душе нашей, где потоки эмоций всегда направляются потребностями в определенную сторону. Так утоляется чувство эмоционального и духовного «голода».

Новая информация – не в разуме, а в психике. А поскольку новизна обладает свойством *самоценности*, и нового в психическом, чувственном смысле – бесконечность и неисчерпаемость, то наша неутомляемая душа настроена на бессмертие и вечность. Мы знаем благодаря интеллекту, что мы конечны, и готовность к восприятию нового не гарантирует сама по себе вечную жизнь. И тем не менее, мы живем, психически-эмоционально функционируем вопреки нашему знанию и пониманию, как вообще жизнь бурлит вопреки логике.

Таковы два главных источника и генератора нашей духовной жизни.

Поскольку духовность человека зависит от интеллекта, а интеллект оперирует понятиями – ясно, что духовность невозможно привить, невозможно дать ее в готовом виде. Концептуальная система понятий, внутренний стержень личности, возникает как результат обобщения, как результат многотрудных напряжений, длящихся бесконечные «человекочасы». Человек делает, созидает сам себя посредством интенсивной интеллектуально-нравственной работы.

В этой связи интересно отметить следующее. Широко бытует заблуждение, согласно которому даже неразвитые умственно или уже просто глупые люди могут быть высокоморальными существами, добрыми, бесхитростными людьми. Да, простодушными, неиспорченными (т.е. наивными) людьми, запрограммированными на определенный стереотип поведения, заимствованный из среды, из социума, они вполне могут быть. Но высоконравственными – никогда.

Этические эмоции высшего порядка возможны только тогда, когда интеллект всерьез поработает над совершенством нравственной программы. По-настоящему порядочные люди – это умные люди. Конечно, само по себе наличие высокоразвитого интеллекта не ведет непосредственно к нравственности высочайшей пробы. Интеллект – лишь условие (правда, необходимое условие) для нравственного становления и совершенствования. Умный негодяй – не такая уж редкость в этом лучшем из миров. Но вот действительно приличные люди всегда умны. Если сказать коротко, то не каждый умный человек обязательно порядочен, однако каждый по-настоящему порядочный человек обязательно умен.

Неразвитая моральная сфера интеллектуально недалеких людей оказывается позитивной только в некоторых отношениях. В других отношениях она непременно обнаружит свою несостоятельность, проявит свою приспособительную (а не творчески-преобразующую) природу.

Сбои, проколы «простых» (т.е. интеллектуально неразвитых) людей в сфере нравственных отношений – неизбежны.

Гипертрофированный разум, функционирующий в автономном режиме, нашпигованный культурными моделями и «помешанный» на их бесконечных комбинациях, угнетает психику настолько, что грозит «взорвать» ее. Тем самым провоцирует психику на крайние меры защиты, оберегая вверенный ей живущий по законам природы (а не по выдуманным законам) дух. В результате гении интеллекта припадают к скудоумным мифам, находя в них успокоение и утешение, а часто и объект продолжения

своих чудовищных способностей и возможностей. И вот мы, с трудом веря своим глазам, наблюдаем, как простенькие религиозные мифы обосновываются и онаучиваются оболваненными эрудитами, корифеями богословия...

Выдающийся ум не в состоянии справиться с элементарным законом.

Можно ли представить себе более изощренную месть природы примеривающему корону на царство над ней зарвавшемуся самозванцу?

Царем природы можно стать только тогда, когда хватит ума не противостоять ей, а искать гармоничного с ней союза.

Интеллектуальное фехтование полужнаек, не освоивших тонкости диалектики в необходимом объеме и не обладающих, к тому же, иммунитетом здравого смысла – просто-напросто подростковая забава, игра в «войнушку» по соседству с фронтом. Колоссальные эрудиты очень часто бывают дремучими невеждами в понимании жизни и человека.

Настоящий мудрец приходит к философии через познание себя. Философия рождается для него как способ и результат познания человека, развести человека и философию – невозможно, поскольку исчезает субъект и объект философского отношения. Тот же, кто оперирует философией как суммой знаний, кто знает учения и системы философов, а также историю философии, кто выступает как профессионал от философии – тот всего лишь интеллектуал, но не мудрец. Его знания, как правило, вуалируют неспособность быть философом.

Философия как ничто другое не может быть профессией, но исключительно – призванием.

Чтобы *понять* человека, надо умудриться *пережить* inferнальные, невыносимые состояния. Откровения залегают на глубине инфаркта, поэтому добываются они вполне определенным риском дня жизни. Естественно, широкие души и большие умы плохо совместимы с долгожительством, предполагающим, скорее, растительное, беспроblemное существование.

Человеческие тайны открываются живущим «на разрыв аорты». Невозможно образумиться, стать умным, не напрягая психику чрезмерно.

Это означает, между прочим, следующее: продуктивная мыслительная деятельность требует незаурядного здоровья.

Беречь здоровье – означает прежде всего *не думать*.

Разум не был, в отличие от психики, главным соучредителем мира художественных, нравственных, религиозных – словом, идеологических – ценностей. Он лишь на вторых ролях участвовал в создании идеологической службы жизни. Разум может разъяснить, как по внеразумным законам создавалась эта служба, что, конечно, парализует эффективность идеологии.

И уж совсем очевидно, что разум не создавал жизнь; он сам как надидеологический феномен, зародившийся во чреве идеологии, есть продукт жизни – правда, резко усложнивший саму жизнь.

Вот почему без разума вполне можно прожить; однако само наличие разума делает неразумную жизнь заведомо недостойной и неполноценной.

Мудро и, следовательно, с юмором комментировать ход вещей – вот если не призвание, то атрибут мыслящего существа.

Почему – с юмором?

Юмор (в данном случае выступающий синонимом комического) ведь возникает в результате абсурдного несоответствия противоречивых стихий, которые, в принципе, могут при определенных условиях гармонично «притереться» друг к другу. Гармония смеха не вызывает, а вот юмористическая диспропорция – вечный гносеологический источник смеха.

Мудрец понимает, что все вокруг – в живой и в неживой природе, в сфере духа и в социуме – выстраивается и существует на основе принципа противоречия. Всеобщей гармонии быть не может уже хотя бы потому, что сама «гармония» – внутренне противоречивый феномен, момент, который образуется в результате временного преодоления дисгармонии.

Ценящие и понимающие гармонию – мудро почитают моменты дисгармонии, не свирепея мелочно по поводу несовершенства мира, а если все же бурно раздражаются, то тут же разряжаются улыбкой в ответ своей комической, неадекватной реакции на раздражитель. Уже стремящийся к исключительной, небывалой гармонии вызывает здоровый смех; самым естественным объектом смеха (ввиду того, что степень нелепости – впечатляет) могли бы служить романтические иллюзии, если бы они не становились вечным источником трагедий.

Попробуйте быть мудрым – и удержаться от смеха. Иное дело, что смех

умного универсально содержателен и являет собой широкую и тонкую палитру от сочувствующей и ободряющей улыбки до уничтожающего, испепеляющего сарказма; от иронии, наполненной трагическим смыслом, – до абсурдного ржання. Смех же дурака всегда поверхностен и вызывает, скорее, грусть.

Мудрец то и дело вынужден рядиться в шута; но ни одному природному шутишке не придет в голову прикинуться мудрецом: у него не хватит для этого чувства юмора, т.е. мудрости.

Смех и юмор сами по себе еще не являются показателем мудрости. Скажи мне, как и по поводу чего ты смеешься – и я скажу, насколько ты умен. Но если ты вообще не смеешься над этим лучшим из миров и над собой, лучшей частью этого мира, – ты превращаешься в серьезного дурака, что не может не вызывать смеха у людей умных.

– Ну, что новенького?

Принцип новостей – это женский принцип общения. Нет сенсаций – и говорить не о чем. Другой принцип женского (т.е. психологического) общения – делиться душевными переживаниями. Пожалуй, это максимум, на что способна прекрасная половина человечества.

Полноценное интеллектуальное и духовное общение (о котором сказано: роскошь человеческого общения) – это неспешное мужское занятие. «Новости» и здесь также часто служат базой, точкой отсчета, однако они никогда не заслоняют пристрастного интереса к сути вещей.

Давно занимает вопрос: с кем и как общаются умные люди?

Дело в том, что в кругу их общения, сколь бы широк он ни был, практически нет (умных – единицы на поколение) равновеликих фигур, способных адекватно интерпретировать всё и вся. Духовно близкий человек, да еще до тонкостей разделяющий аутентичную картину мира – редкая удача.

Думаю, выход чаще всего один: общаться с собой. Форм такого общения может быть достаточно много: писать, читать лекции, серьезно разговаривать с глупцами, молчать. Но суть одна: предельно постигать себя же. В перспективе зафиксированное наследие, плод самообщения, обещает контакт с себе подобными, однако «здесь и сейчас» такое общение с «тенью грядущего» служит слабым утешением.

Следовательно, творчество великих мыслителей – это не только (а может

– и не столько) подвиг, сколько реализация неудержимой потребности мыслить, постигать. Бывает, что от крупных философов почти и не остается печатного наследия. Им повезло (повезло?): их понял кто-то при жизни.

Интеллект может справиться с целостностью, диалектикой, личностью, обществом, культурой...

Единственное, с чем не может справиться интеллект, – это с объяснением происхождения Вселенной. *Идея начала* – угнетает. Все – вся культура, весь личный опыт – толкает к идее начала. Но приложить эту идею к бесконечной (и, следовательно, безначальной) Вселенной выглядит абсурдом. И диалектика тут как-то бессильна. Просто невозможно себе представить, не хватает мощи воображения, фантазии. Это выше возможностей человека или нам пока не хватает какого-то существенного звена в цепи познаний, без которого картина не складывается?

Лично у меня создается впечатление, что ученые очень много путают и чего-то недопонимают в вопросе соотношения формы и содержания.

Знаменитое гегелевское «*содержание* есть не что иное, как *переход формы* в содержание, и *форма* есть не что иное, как *переход содержания* в форму» касается диалектики *взаимоотношений* двух противоположных категорий. Но что есть содержание и форма как таковые?

Содержание – это *суть* предмета, а форма – *структура*, являющаяся способом и результатом приспособления «сути» к среде, *системой функций*, адаптирующих содержание к «жизни». Форма-структура – функциональна, содержание – идеальная, умопостигаемая, сущностная инстанция. Форма, конечно, может «перейти» в содержание (как возможна и обратная метаморфоза), однако означает это не что иное, как то, что форма перестает быть формой, став содержанием, и в качестве такового обзаводится новой формой.

Таким образом, возможность взаимоперехода инстанций никак не означает их тождества. Их невозможно спутать, как день и ночь, несмотря ни на какие переходы. Переход не стирает различия, а всего лишь объясняет движение содержания.

Все в жизни имеет обратную сторону.

Абсолютного бессмертия – нет, точно так же, как нет и абсолютной смерти. Смерть есть распад целостности, но не уничтожение составляющих ее элементов. Элементы – не умирают, они превращаются в элементы иной целостности.

Все это – с точки зрения интеллекта.

С точки зрения души – смерть абсолютна. Нет больше и никогда не будет существа, с которым связано все мое существо...

Все в жизни имеет обратную сторону.

Природа функционирует в соответствии с жесточайшим (с точки зрения морального субъекта) законом целесообразности: на каждого гения – по несколько вырожденков. Природа любит равновесие, поэтому норма и антинорма – родные сестры.

Восхищаясь чьим-то талантом, имей в виду, что цветет он за счет кого-то.

Все в жизни имеет обратную сторону.

Страдание возникает тогда, когда мысль оказывается выше чувства. Поэтому идиоты страдают меньше нормальных, и они по-своему очень счастливы.

Все в жизни имеет обратную сторону.

Психологическая защита (психологическое приспособление) представляется наиболее естественным и надежным панцирем, обороняющим от всевозможных нападений. Однако наиболее эффективная защита – все же защита интеллектуальная. Это не скорлупа и не панцирь, состоящий из набора простеньких и потому «непробиваемых» догм. Это разомкнутый, открытый, но контролируемый мир, который понятен, а потому демистифицирован и по-человечески освоен.

Люди глупые с восторгом вопиют о том, что мир непознаваем, что всей полноты истины не дано знать никому. Кто-то знает и понимает больше, кто-то меньше. Какая разница?

Дураки утверждают, что все мы дураки. Это их «нехитрый» (на самом деле – замешанный на бессознательной хитрости) способ самоутверждения. Умные осознают, что вся полнота истины (так называемая абсолютная

истина) недостижима, но нет в истине ничего такого, чего бы невозможно было понять; ими познанная относительная истина – это способ и мера познания истины абсолютной. Они справились с теорией и практикой познания – в этом их мудрый способ самоутверждения.

Дурак похож на умного, как ложь на правду. В интересах дурака быть неотличимо похожим на антипода; умному же следует дистанцироваться от «двойника» и тем самым поставить все с головы на ноги.

Нет ни абсолютно правых, ни безусловно виноватых: каждый прав или виноват в определенном отношении; в другом отношении правый – виноват, а виноватый – прав.

Замечательно: такая схоластическая многомерность снимает с человека ответственность за свои поступки.

На самом деле есть и правые и виноватые. Степень вины определяется тем, против какого принципа нарушены вполне оправданные запреты. А это значит, что принципы бывают разные в их отношении к ценностям культуры и жизни. Есть ценности более и менее высокие, что в свою очередь означает: нам не обойтись без шкалы ценностей, без некоторых, условно говоря, абсолютных ценностей.

Получается, что относительно виноватый может быть и абсолютно виноват. Принцип относительности надо сочетать с «абсолютизмом» (с относительным, конечно, абсолютизмом): тогда шкала человеческих ценностей заработает в гуманистическом режиме, выверенном разумом и чувством ответственности.

Инстинкты порождают совокупность потребностей; последние, приняв культурную форму, становятся идеологией, т.е. культурной проекцией инстинктивных регулятивов; идеологии же трактуют человека как богоподобное, не имеющее непосредственного отношения к инстинктам существо.

Умный человек, если только он непосредственно эмоционально отнесётся к своим открытиям в области философии человека, будет или не переставая истерически хохотать, или впадет в депрессию, разновидность смертельного отчаяния. Вот почему умный *вынужден* держать эмоции на коротком поводке, сохраняя рассудок и благодаря этому саму жизнь. Он предпочитает *понимать* – понимая, что тем самым лишь увеличивает отчаяние. Если умный плачет или смеется – значит, он устал понимать.

Что важнее: душа или ум?

Вульгаризированная постановка вопроса способна безнадежно запутать дело. Диалектика взаимообогащения антиподов, попеременно мерцающих своими полюсами (*плюс* и *минус*), руководствуется иным подходом: реальное конкретное качество создается контекстом отношений. Изменился контекст – меняется и содержательность качеств (*плюс* на *минус*). Постоянных, неизменных характеристик не существует. Что важнее: *плюс* или *минус*? – формула метафизического (неадекватного) подхода к диалектической стихии.

Душа должна созреть раньше, чем интеллект. В этом проявляется нормальный, естественный рост человеческой личности. Опережающее интеллектуальное созревание чаще всего деформирует личность, обращившись полным творческим бесплодием. Почему?

Дело в том, что все открытия, прорывы (и в науке, особенно гуманитарной, и в искусстве) подготавливаются на душевном уровне, в психологических глубинах, в зоне бессознательного. Интеллект впоследствии может только расшифровать и проанализировать интуитивные прогнозы, заметки, наработки или не расшифровать, если душа не потрудились, не прошла плодотворный путь драм и разочарований, не накопила впечатлений, «сердца горестных замет» (возьмем в союзники Пушкина) – своеобразной сырьевой базы, материала, пищи для интеллекта. Ум снимает нектар с души, питается ее ядовитыми соками, черпая мощь и глубину не в себе, а именно в начале противоположном.

Личности с выдающимся интеллектом и куцей душонкой – это своего рода вырожденцы. Их «ум сам по себе» работает на холостых оборотах, ибо сцепка, спайка с реальностью чрезвычайно слаба. Отдавая им должное и вместе с тем подчеркивая их ограниченность, их величают интеллектуалами. Широкая и в красоте, и в безобразии, многослойная душа в сочетании с незаурядным интеллектом способна породить творческих гениев.

Таким образом, широта ума напрямую связана с широтой души, оставляя интеллектуальный блеск, игру ума (имитацию проблем и умозрительное их решение) интеллектуалам. Вот почему пустая, бессодержательная, неинтересная личность – это характеристика прежде всего души.

Ум и душа, свысока поглядывая друг на друга, взаимопрезираемы только как себестождественные инстанции (замечающие в другом лишь отсутствие собственных возможностей); однако без душевной подпитки ум мало чего стоит, а «потемки души», в свою очередь, освещаются только блеском ума.

"Блажен, кто смолоду был молод», кто поумнел в свое время, когда «ума холодные наблюдения» (нам опять поможет Пушкин) уже не властны над

сформировавшейся богатой душой, не ставят ей рационально-прагматически вычисленных пределов. Великая душа может породить великий ум; соединясь, они могут дать начало великой личности; у великой личности есть шанс прожить великую жизнь.

Альтернатива, к которой рано или поздно приходит мыслящий человек, способна у кого угодно отбить охоту думать (если только это не фанатик мысли): стоит ли все более и более усовершенствовать методологию, категориально-понятийный аппарат мыслительной деятельности, если это, во-первых, не способствует деидеологизации гуманитарных наук (т.е. вынесению за рамки науки идеологии как таковой), а во вторых, неизвестно, нужна ли там деидеологизация вообще?

В плоскости спекулятивной, чисто умозрительной, боюсь, это неразрешимые вопросы. Они относительно разрешимы практически: следует и усовершенствовать науку, и не настаивать на категорической деидеологизации гуманитарных наук, т.е. с одной стороны, делать все, чтобы превратить науку в науку, а с другой – не допускать такого превращения.

Вы спросите о целесообразности такой культурной игры.

А я вам отвечу: «игра» – это вопрос отношения. При другом отношении указанное положение дел можно назвать компромиссом, позволяющим «дышать» науке и не обязывать общество соответствовать ее уровню. Такой зазор, создавая крайние неудобства для рыцарей чистой науки, спасителен для общества, как озоновый слой; общество все же изначально создавалось не под науку, а под жизнь.

Набор клишированных доктрин, пропитанных идеологией, – это форма адаптации сознания научного к массовому (антинаучному). Что делать: иных форм взаимообщения нет и не предвидится.

Кому не приходилось сталкиваться с логикой, согласно которой, например, все, что делается в сегодняшней России – исполняется в строгом соответствии со сценарием, разработанным коварным Западом; согласно которой нынешние хозяева жизни – заведомые злодеи; согласно которой евреи планомерно осуществляют свой всемирный заговор; и т.п. и т.д.

Словом, есть Бог и дьявол. Все божественное задумывается и творится по-божественному, и благие намерения неуклонно ведут к благим же целям; добру противостоит дьявольское – козни и черные умыслы, целенаправленно разрабатывающие исключительно стратегию зла.

Словом, мы имеем дело с простонародным типом и уровнем мышления, не способным воспринимать картину, где сплошь и рядом благие намерения выстилают дорогу в ад.

Отпетых злодеев, абсолютно аморальных субъектов, по сути, очень немного. Люди же, объективно творящие зло, как правило, искренне хотят добра: вот с чем мы сталкиваемся на каждом шагу. Не стоит упрощать противоречивую реальность, ибо можешь не заметить, как с самыми благими намерениями окажешься вовсе не там, куда стремился. Плюнешь в Запад – попадешь в Россию, потянешься к демократии – увязнешь в олигархии...

Молва приписывает российскому премьеру выдающееся по философской наполненности изречение: хотели как лучше, а получилось как всегда. Получается так, как позволяют обстоятельства, жизнь, фортуна, конкретные исполнители. В результате приличные люди, хотящие как лучше, часто объективно творят такое, что им не приснилось бы и в самом кошмарном сне. Такова логика и сила противоречий. Общественные потребности приходят в противоречие с личными, действия корректируются, средства искажают цели – получается как всегда.

Такова жизнь.

Проблема «красивая ложь» или «неприглядная правда» – из разряда вечных. А статус вечных получают такие экзистенциальные проблемы, которые, в зависимости от конкретного контекста, могут разрешаться прямо противоположным образом. У таких проблем (а духовные проблемы – все таковы) нет однозначного решения, иначе говоря, нет всепригодной формулы. Их всегда надо решать заново, исходя из нового контекста. И весь предыдущий опыт решения подобных проблем становится малопригодным для изменившейся ситуации.

Объявить проблему вечной – значит уклониться от ее решения. Именно так обстоит дело для людей, не способных за деревьями увидеть лес, за хаосом – закономерность. Ибо познание закономерности они понимают как возможность раз и навсегда рецептурно схематизировать даже то, что схематизации не поддается. Да – или нет? Если сегодня решение проблемы требует «да», а завтра «нет», то тем хуже для проблемы, которую все равно будут решать по принципу «либо – либо».

Вечность проблемы означает всего лишь ее амбивалентность; если для кого-то неоднозначность качества означает неразрешимость проблемы – тем хуже для него. Итак, ложь во благо или правда ради правды?

Большинство людей неспособны выжить в режиме жесткой правды. Спасительная сказка для них – условие существования. Вечная проблема в этом случае имеет вечное решение: дать людям то, что позволяет им жить.

Но есть «духовная порода», почти органически отторгающая «ложь во спасение», самая жесткая правда для них – живительный компонент. Вечная проблема и в этом случае решается просто: позвольте человеку жить.

Проблема, следовательно, в том, чтобы понять, как формируются различные духовные породы. Каждый духовный типаж имеет свои алгоритмы поведения. Было бы явной глупостью, как это случилось с коммунистической идеологией, отождествлять конкретного человека с социальным «типом» или «классом». Но у глупости, как и у всего на свете, есть две крайности; вторая – в игнорировании духовной (как, впрочем, и биологической) породы, типажа.

Людей, опять же, можно разделить на тех, для кого подобная логика имеет силу закономерности, и «иных», кто объявляет подобную закономерность разновидностью хаоса. При желании здесь можно усмотреть еще одну вечную проблему.

Мы ведь очень темны, невняты и нечленораздельны. Мы просто утопаем в океане интуиции, и лишь иногда удается вынырнуть, вырваться, поднять голову над всасывающей темной стихией. Мы себя с трудом понимаем – где уж говорить об адекватном восприятии мыслей другого.

Лучше, тоньше, богаче всего удастся выразить мысли тогда, когда посчастливится создать многоплановый глубокий контекст.

Контекст – это удача. Очень дорожу смысловым контекстом-океаном, созданным для мыслей-капель. Всегда держу океан в уме. Любая мысль – дитя двух океанов: интуиции и смысла.

Не случайно в русском языке прижилось тонкое определение: хитромудрый, хитроумный. Мудрохитрых – не бывает, поскольку хитрость, верный признак глупости, помимо всего прочего унизительна для личности. Где вы видели мудрецов-прохвостов?

Один из блистательных семантических оттенков, заложенных в каверзном слове, таков: хитроумный – значит настолько хитрый (соответственно, безгранично глупый), что хитрость вытеснила ум, заставив его верно прислуживать, быть у хитрости «на посылках». Чаще всего к определению прибегают тогда, когда хотят подчеркнуть чрезмерную, губительную хитрость, приводящую к парадоксальным результатам: хитроумец способен ввести в заблуждение всех, даже самого себя.

Духовный мир каждой личности является одновременно миром «ребенка», «обывателя», «идеолога», «исследователя», «мыслителя». Это уровни – а вместе с тем и ступеньки сознания. Первые три составляют комплекс души, заключительные – ума. Привычные представления об очередности, последовательности, раздельности никуда не годятся, когда мы имеем дело с целостным сознанием. Прорыв в одном из уровней сознания дает импульс, толчок для качественной трансформации всех остальных. Достижения одного типа сознания обогащают все другие, ибо сознание едино, несмотря на очевидную неоднородность всех его составляющих.

Например, с усилением «мыслителя» в человеке не только не уничтожается, но и пропорционально крепнет и утончается тот же антипод-«идеолог». Человек (буквально!) умнеет, и потому усиливает свою глупость. Мощью интеллекта, как ни странно, укрепляются идеологические бастионы. Именно в этом заключается объяснение весьма распространенного парадокса: образованные люди могут быть поразительно глупы. Весь их «ум» задействован на потребу души, слепо исполняя любые ее капризы. Изогранный интеллект – придаток души – не станет умом до тех пор, пока он подчинен стихии психики. Ум и есть то, что способно в известном смысле управлять душой, видеть свою зависимость от нее и все же быть автономным. Вот тогда вырвавшийся из пеленок ум крепнет, не вооружая при этом в равной мере свою неотъемлемую вторую половину.

Гармония ума и души – ставших самими собой и вследствие этого нуждающихся друг в друге – проблема мудрых. Только зрелое сознание видит свою главную проблему в истинном свете. Оно же и делает единственно возможное: определяет функциональные приоритеты каждого из уровней.

Гармонично сбалансированный духовный мир (менталитет) личности – естественный предел одухотворенной материи, максимальное раскрытие ее потенциала.

Всякого рода страсти, чрезмерные увлеченности, мании в основе своей схожи с шизофреническим синдромом. Одна ментальная подсистема, обслуживающая «пунктик», функционирует блестяще, однако она вопиюще рассогласована со всеми иными подсистемами, а потому шизофренически просчитанный результат никогда не соответствует действительности. В логике шизофренику не откажешь; а вот в уме следует отказать.

Подобные психологические сбои, совершенно естественные для

одержимых, являются, конечно, ненормальными с позиций гармонично сбалансированной личности. Однако ничто так не способствует достижению целей, как неукротимый фанатизм.

Как ни печально, очень многие прорывы и открытия человека совершаются в состоянии, далеком от нормального. Думаю, не слишком ошибусь, если скажу, что мы почти буквально живем в мире, сотворенном сумасшедшими. Именно поэтому нормальный человек настороженно обходит рекомендации гениев и предпочитает обустроить жизнь, опираясь на здравый смысл, а не на радикальные прозрения энтузиастов. Миром в целом движет стремление к гармонизации систем, а не экстремистские шизофренические выпады. Окончательное слово в этом мире должно быть за умными людьми.

Круг проблем человека – при всем их необозримом многообразии и разновариантности – близок к исчерпанию.

Производить поверхностные концепции ради концепций и ревниво следить за «концептуальным творчеством» таких же производителей – превращается в одно из самых рутинных занятий, не требующих никакой творческой жилки. Собиратели информационного мусора, обитатели и поэты свалок концепций-однодневок – вот призвание сегодняшних гуманитариев.

Мудрость в том, чтобы увидеть в бесконечном – конечное. Антиподом умному (мыслящему) становятся не глупцы, а многознайки, испытывающие комплекс неполноценности перед бесконечным. Ученость превращается в наиболее распространенную форму глупости. Да, человек неисчерпаем; однако действительная, фактическая неисчерпаемость существует в рамках (в границах) умопостигаемой исчерпанности. Вторая – предмет забот мыслителей; первая (неисчерпаемость) – ученых, имитирующих способность к мыслительной деятельности. Ученым знание лишь увеличивает невежество; мыслителей знание просвещает, ибо констатация бесконечного проявления единой сути убеждает, что суть постигнута верно (хотя, строго говоря, почти каждый факт в чем-то уточняет представление о сути).

Пора к древнему «я знаю, что я ничего не знаю» добавить: я знаю, что я знаю самое необходимое; то же, чего я не знаю, я тоже знаю, ибо неизвестные факты – всего лишь проявление известных мне концепций.

Умный познает суть вещей – поэтому чтобы знать все, ему надо знать немного. Ученый дурак видит только проявление сути – поэтому чем больше он знает, тем более глупеет, безнадежно запутываясь в собственных знаниях.

Из представления о целостности человека и культуры следует: *человек уже познал себя*, хотя, кажется, не придавал этому слишком большого значения. Человек уже понял, насколько и в каких отношениях он существо совершенное и несовершенное. Дальнейшая задача заключается лишь в том, чтобы *приспособиться* к глубине своего постижения себя.

Если говорить о впечатлении (т.е. об отпечатке, воздействии феномена на чувство, душу), то изящная женщина вполне сопоставима с изящной философией.

Если говорить о наслаждении ума, то философия сравнима разве что с мудрейшим божеством (во всяком случае, если бы оно было, то присутствие его могло бы быть оправдано именно и исключительно мудрым вмешательством или невмешательством в жизнь); а изящная женщина с позиций разума немногим отличается от породистых собак или лошадей.

Само представление об универсальности мира, о его внутреннем единстве, целостности и взаимозависимости предполагает наличие объективных критериев *во всем* – в том числе и в области духа; сам принцип полицентризма требует универсального объяснения.

Не является ли убеждение в эффективности разума как средства познания универсума ничем иным как верой в разум? Наряду с верой в Бога, Душу, Народ, Судьбу – вера в Разум?

Конечно, в разум можно и верить, и тогда вера эта, базирующаяся на иррациональном, антиразумном плацдарме, ничем, по существу, не будет отличаться от иных вер.

Вопрос в следующем: доказательства ли, опирающиеся на факты и методологию, предшествуют вере как результату бесстрастного абстрактно-логического исследования, или вера предшествует доказательствам и самому разуму?

Вера в разум может быть рациональной (и тогда это уже не вера, а результат неверия) и собственно верой, слепой, нерассуждающей и компрометирующей разум.

Верящие в разум – это неверящие во все остальное.

Следует иметь в виду, что цепная реакция эмоций, приводящая к истерии страстей, и есть тот достаточно элементарный механизм, воздействию которого подвержены все, даже выдающиеся умы. Не будем эффект «ослепления ума» оценивать однозначно – только как идиотическую капитуляцию здравого смысла под напором страстей; признаем, что «помутнение рассудка» может быть и симптомом резвящихся жизненных сил.

Однако зрелый ум даже под воздействием самых слепящих чар никогда не унизится до истерики.

Самым редким достоинством человека во все времена, был и остается ум. Трудно представить себе умного человека непорядочным. Если такое и случается, то одновременно происходит нечто вроде «помутнения рассудка». Дело в том, что только умным дано понять, что порядочным, приличным человеком быть, в конечном счете, всегда выгодно. Тут есть нюанс: если ты решил стать порядочным, потому что тебе это выгодно, значит ты напрасно стараешься. Порядочность будет всего лишь маской гнусной натуры. Порядочность – всегда бескорыстна, и именно поэтому она приносит те дивиденды, которые не купишь ни за какие деньги.

Известно, что того, кого бог хочет наказать, – он лишает разума.

Менее известно, что в карательном арсенале всевышнего есть и такая оригинальная «статья», как одарить умом сверх всякой меры. Крайности сходятся, и неизвестно, какая казнь предпочтительнее. В первом случае наказанные в ослеплении совершают поступки, которые даже их доброжелатели вынуждены аттестовать клеймом клинического диагноза (что, впрочем, не мешает «отмеченным небом» становиться заметными патриотами, спортсменами, художниками, да мало ли кем еще); во втором – смысл казни заключается в том, что несчастный обречен видеть, что весь мир населен интеллектуальными кастратами, обиженными богом.

Вот и думают умные люди: если бог творит человека по своему образу и подобию, то уже копии отбивают всякую охоту познакомиться поближе с

«оригиналом». О чем с ним можно говорить?

Быть философом – значит не поддаваться всеобщему массовому ажиотажу, противостоять истерии, не теряя трезвости рассудка.

Казалось бы, простая вещь. Но попробуйте-ка пожить в зазеркалье, где гениями и духовными отцами, апостолами нации объявляются виршаписцы из девятнадцатой шеренги в мировой табели о рангах; они же, «гении» (по принципу – хорошего много не бывает) провозглашаются философами, место которых бегло, через запятую, столбится после Диогена и Гегеля; буйнопомешанные присуждают друг другу ученые степени и звания; интеллектуальные кастраты рвутся в вожди нации; бьющиеся в националистических припадках стремятся воспитывать поколения, культурные герои растут как грибы; толпы их духовных выкормышей шалеют просто от возможности «творить» на родном языке, что само по себе служит для них достаточным основанием считать этот язык равным среди великих; есть великий язык – найдутся и великие поэты, а также те, кто «не уважает», активно принижает «великую» культуру, в упор ее не замечает – проще говоря, не впадает в транс, соприкоснувшись с «нашим» коллективным бессознательным и возможностями языка отражать бессознательные матрицы, а ищет иные культурные ниши для самоутверждения. Попробуйте не свихнуться в национально-виртуальной реальности, где культурные недоросли насаждают своих Шекспиров и Сократов – свою подростково-шизофреническую логику, по правилам которой нормальный человек должен испытывать комплекс лишнего человека.

Весь этот культурный шабаш величественно именуется национальным возрождением, а не желающие принимать в нем участие именем просвещенной Европы клеймятся как враги великой национальной идеи.

Ублюдочный национализм, как и всякая инспирируемая идеология, порождает «пьяное» мышление. Уважающему себя философу не остается ничего другого, как поразмышлять над методологией пьяного сознания, его механизмами, социальными и личностными функциями. Только таким может быть просвещенный ответ дремучему, мифо-«поэтическому» национализму.

При этом надо оставить всякую надежду на то, что тебя услышат, а тем более поймут.

Окружающий нас мир – противоречив. Следовательно, внутренне

противоречивы и все отражающие его сколько-нибудь полные, а тем более претендующие на универсальность, философские концепции (статус «философичности» концепций и означает не что иное, как попытку придать им свойства мировоззренческой универсальности, всеобщности).

Отношение к неизбежной противоречивости любых моментов универсума, в т.ч. – и прежде всего – духовной его составляющей, является индикатором ума. Попросту: его наличием или отсутствием. Ум есть способность видеть и «примирять» гуманитарные противоречия.

Мы располагаем, однако, несколькими версиями сосуществования противоположностей – и предпочтение какой-либо одной свидетельствует уже о глубине ума. Непревзойденным показателем качества мышления является отношение к противоречию, закрепленное в следующей словесной формуле: *принцип дополнительности*. Принцип этот означает, что любой член противоречия, взятый сам по себе, есть малосодержательная абстракция. В реальности не существует отдельно взятых, «чистых» свойств; любое такое свойство, качество потенциально чревато своей противоположностью. Принцип дополнительности (ПД) предполагает рассмотрение и учет сразу всех крайностей, питающих «единичность». Полярно противоположные свойства не живут одно без другого. «Одно» – это и есть «другое», точнее, это разные аспекты единого. Хорошее есть аспект плохого (и наоборот), малое – большого, добро – зла и т.д. Принципиальная синтетичность, нерасторжимость – целостность: вот что зафиксировал принцип дополнительности.

Однако и у самого ПД в его нынешней – целостной – интерпретации есть своя долгая история становления. Вся история философии, в сущности, сводится к восхождению от принципа противоречивости (истолковывающего жизнь противоречий как борьбу *разных* свойств) к ПД (принципу целостности), где разные свойства оказываются лишь *разными аспектами* одного и того же свойства. Эти же стадии проходит в своем развитии каждый индивид.

Нет ничего проще, чем определить, что такое мудрость: это понимание (а не только интуитивное освоение) сути ПД, умение видеть его растворенность, «рабочее присутствие» везде и во всем и способность руководствоваться им, сверять с ним свои мысли и поступки.

И нет ничего сложнее, чем стать и быть мудрым.

Принцип дополнительности диктует и следующий философский императив: изложение материала, в идеале, требует совмещения крайностей. Ни изысканный логико-диалектический дискурс Гегеля, ни оригинальная метафорика Ницше, в принципе, не соответствуют задаче охвата «всего».

Думаю, на многое можно рассчитывать, если удастся синтезировать их манеры. Тогда искомый гибрид и будет представлять собой значительное приближение к образцовому философскому языку – образцовому с точки зрения принципа дополнительности: отражать целостность сознания и универсума.

Однозначность – форма глупости.

Знание – сила... Если придать этому положению диалектическую противоречивость (что может позволить банальной формуле приобрести смысловую глубину), то следует уточнить: сила – по отношению к безответной природе, да и то в известных пределах. По отношению к духовно зрелой личности знания могут выступать как слабость, психологическая слабость. Бойкая имитация интеллекта здесь часто выполняет функции ширмы. Капитуляция перед неразгаданной душой преподносится в форме «знаний», слабость – в форме силы.

Отрицание отрицанию рознь. В каждом отрицании есть момент «дурного», неконструктивного отрицания. Если озвучить житейски незатейливый жест протеста, то получится следующее: «А пусть все провалится в тартарары!» Или: «Да пошли вы все!» Абсолютизация такого отрицания и ведет в никуда, в хаос, в смерть. Такое отрицание – протест идиотов, потенциальных самоубийц или убийц.

Заметили ли вы, что большая часть блестящих афоризмов, великих заповедей, глубоких тезисов – словом, формул ума и мудрости – справедливы только в определенном отношении?

Иначе говоря, это относительные формулы, поскольку в них нет нацеленности на целостность, универсальность. Они задумывались как типизация или кристаллизация отдельных, изолированных качеств, свойств, отношений – но не как кристаллизация момента, содержащего в себе бесконечные наложения, *в принципе возможные наложения* множества иных отношений. В относительном чаще всего было представлено вечного меньше, чем позволяли возможности «жанра».

Это не случайно. В добровольном отграничении от «всеединства» ярко

отразилось качество мышления – мало пронизанного тотальной диалектикой.

Отнесемся критически к великим изречениям, как они того и заслуживают, ибо подлинное почтение рождается в результате придиричьего, критического отношения.

«Во многой мудрости – многая печаль, и умножая мудрость, умножаешь скорбь». Объективность же требует признать, что умножая мудрость – умножаешь не только печаль, но одновременно и антипечаль: радость. С другой стороны, печаль рождается не обязательно как следствие мудрости. Так рождается мудрая, высокая, светлая печаль. А есть еще печаль беспросветная, глупая, мелкая, недостойная. Велик Соломон, но и достаточно примитивен в своем величии.

«Тот, кто знает, не говорит; тот, кто говорит, не знает». Добрейший Лао-Цзы одним махом зачисляет в когорту мудрецов полчища молчащих шарлатанов, которые молчат только потому, что им нечего сказать. Обе части формулы справедливы и несправедливы в одинаковой степени.

Золотое правило морали гласит: поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой. Если я начну руководствоваться в своем отношении к другим соображениями высшей нравственности, я наживу себе только врагов. Если же дурак из лучших побуждений, ориентируясь на свои неразумные потребности (а на что еще прикажете ему ориентироваться?), отсылает меня в ад (который является, по его понятиям, раем), ему также не стоит рассчитывать на мою благодарность. И мне, и ему трудно считать такое правило золотым. Это правило только тогда обнаруживает свою золотую суть, когда регулирует отношения двух равных в личностно-духовном плане субъектов, когда ты такой, как все.

Если ты представляешь собой личность незаурядную, распространять требования и претензии своего масштаба на других будет варварством, искреннее отношение других к тебе обернется насилием над тобой. Следовательно, поступай с подобными себе так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой; с другими же поступай так, чтобы компромиссно соответствовать их и своему представлению о должном, и не жди в награду такого же отношения к себе.

«Знание – сила», как мы помним; легко доказать, что оно равным образом может быть формой сокрытия слабости.

«Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать». Если иметь в виду разведение психо-эмоционального, иррационального и научно-рационального отношений, то классическая формула Спинозы в этом отношении – безупречна и навсегда совершенна. Но если учесть, что в целостном человеке умозрительно разведенные отношения в действительности постоянно взаимодействуют друг с другом, взаимообогащаются, то формула становится – в отношении так понятого человека – просто неверной. Каковы отношения – такова и формула. Новая реальность диктует обновленную формулу: и плакать, и смеяться, и

ненавидеть, и понимать; более того, чем больше плакать и смеяться — тем совершеннее понимать.

Примеры можно множить бесконечно.

Учитывая сказанное, можно вывести и такую формулу мудрости: мудрым может считаться тот, у кого достаёт ума обнаруживать изъяны в мыслительном творчестве великих, что заставляет с ещё большим рвением учиться у них, образуя свой ум.

Или: мудрым следует признать того, кто способен даже перед изъянами в мыслях мудрецов благоговеть как перед свидетельством их величия.

Принцип целостности предполагает, что научно-гуманитарная мысль, рожденная целостным контекстом, может быть выражена:

- в форме афоризма;
- в форме развернутого афоризма – тезиса, совмещенного с антитезисом;
- в форме системно сопряженных развернутых связок «тезис – антитезис» – концепции;
- форме концепции концепций – философской теории, в идеале – теории теорий.

Одна форма не только не исключает, а напротив – именно дополняет, проясняет другую, наполняет ее содержанием. Формы тяготеют одна к другой и реализуются одна через другую, ибо отражаемые противоречия по критерию «тезисности – развернутости» могут воспроизводиться в разных ипостасях. Если «капля» *из того* «океана», то изменения в любом звене транслируются по всей целостно спаянной цепочке.

В идеале, опять же, проработанная целостная мысль-концепция обретает бытие во всех версиях, не исключая и бесконечное разнообразие художественных моделей, небанально представляющих банальные относительные истины.

Осталось добавить, что вечный океан-универсум подвержен вечным изменениям в рамках своей самотождественности; значит, он будет источать вечную каплю.

Стоит ли во имя дураков отказаться от самой идеи универсальных методологий, идеологий, принципов?

Ведь дураки универсальное тут же оборотят в тоталитарное, в агрессивно истребляющее неуниверсальное как неполноценное, второстепенное. Не лучше ли в угоду дуракам второстепенное уравнивать в правах с золотыми, вечными классическими образцами?

Для умного и универсальное станет способом сохранять и культивировать

«неглавное»; дурак же и при отсутствии категории универсального найдет способ абсолютизировать понравившееся ему: ведь ему то золото, что блестит.

Истина не равнодушна к отсутствию «универсального»; она равнодушна к наличию дураков.

Наиболее кратким и в то же время адекватным выражением целостности является парадокс. Глубина мысли создается в момент соприкосновения, и даже совмещения противоположных относительных истин. Парадокс парадокса состоит в том, что далеко не всякий парадокс отражает свойства целостности или отражает их глубоко. Парадоксальная форма не всегда глубоко содержательна, хотя наиболее глубокая семантика – всегда парадоксальна по способу выражения.

Существует трудноформализуемая диалектическая защита смысловой глубины от придурков-парадоксалистов. Никакая формальная натасканность не заменит ум.

Вот почему склонность к парадоксу может быть всего лишь демонстрацией дешевого остроумия. Философский же парадоксализм, замешанный на диалектике, синтезирует глубину, остроумие и литературное изящество.

Абсолютизация как основная матрица идеологического мирозерцания, как доминирующий тип отношения к жизни есть первородный грех человека. И от него невозможно избавиться. Даже последовательная «деабсолютизация» приводит к абсолютизации относительности.

И все же есть один способ: сделать абсолютизацию относительной. Это значит: абсолютизируя одно – абсолютизируй всё. Абсолюты в рамках абсолюта перестают быть таковыми, хотя и не утрачивают в известном отношении своих свойств. Но и «абсолют абсолютов» возможен при условии, что составляющие его абсолюты – все же абсолютны.

Если использовать указанный способ, отпадает необходимость избавляться от греха абсолютизации, потому что функции «греха» принципиально меняются, и он перестает быть таковым.

Избавляться надо от ущербной, малодиалектичной технологии мышления. Без «абсолютной», способной приблизиться к абсолюту диалектики не обойтись. Кстати говоря, ущербность диалектики заключается в том, что ее как таковую, в чистом виде сложно, скучно и неэффективно воспринимать. Абсолютно чистое мышление демонстрирует свою истинную мощь только тогда, когда «работает» с проблемами человека, т.е. тогда, когда

перестает быть чистым и абсолютным.

Тотальная диалектика предполагает, что диалектично все на свете, на любом уровне и в любом звене; диалектичны в том числе и сами законы диалектики.

Законы перехода количества в качество и отрицания отрицания часто становятся верхним пределом творческих достижений философов. Мало кто способен разобраться в законе единства и борьбы противоположностей, главном законе диалектике. А между прочим, вся тонкость и сложность состоит не столько в умении фиксировать «единство и борьбу», сколько адекватно интерпретировать с помощью этих категорий реальность. Тогда в одном случае «единство и борьба» могут быть выражением антагонизма, в другом же – гармонии, выстроенной на принципе дополнительности. В обоих случаях (я уже не говорю о бесчисленных промежуточных вариантах) – закон сохраняет свою силу, не перестает быть законом.

С помощью одного и того же закона, не изменяя формальным критериям диалектики, можно трактовать мир как лютное и бескомпромиссное противоборство – и как симфонию, сотканную из контрапунктных ходов. Диалектика может способствовать приближению к истине, а может окончательно запутать проблему. И дело, повторим, даже не в мере диалектичности (хотя это, безусловно, необходимо); дело в соразмерности уровня диалектики сложности анализируемого феномена.

Вот почему философии как эквиваленту мудрости научить нельзя. Можно сколько угодно быть диалектически изощренным, демонстрировать чудеса диалектической эквилибристики, замешанной, по степени неподражаемости, на близкой к цирковому номеру эрудиции – и при этом оставаться всего лишь по-человечески глупым, не искушенным мудростью.

Глупость есть неадекватность тотальной диалектике универсума.

Мудрость есть приближение к адекватности тотальной диалектики универсума.

Вот почему глупые и мудрые различаются как представители разных цивилизаций, как иногалактические существа.

Весь вопрос в том, насколько диалектично «подавлять» иную противоположность, и стоит ли это делать. Мудро ли лишать мир глупости?

Решающая особенность честной и здоровой мысли заключается в том, что ее можно проверить, сверяя с *объектом*, который она отражает. Сила мысли именно – и исключительно – в адекватном отражении объекта;

соответственно, блуд мысли, ее путанные ходы, нечеткость и необоснованность проистекают из замкнутости субъекта познающего на самом себе, в то время как свои ощущения и впечатления он выдает за объективные характеристики предмета познания, расположенного вне субъекта.

Однако у процесса познания имеется и другая сторона, с которой нельзя не считаться. Неполные данные об объекте способны принципиально исказить итог постижения именно в силу неполноты информации, а не по причине ее неверной или несовершенной обработки (у Бэкона это названо «неполной индукцией»). Неподкупно-честное отражение объекта, не берущее в расчет поправку на фактор неполноты информации, может быть сопоставимо по своим результатам с заведомым манипулированием мыслью.

На том основании, что нам не хватает исчерпывающей информации, всегда можно предположить, что реальные данные намного сложнее и неоднозначнее тех, которыми мы располагаем в данный момент и любой акт познания объявить ложным. Теоретически это может выглядеть заботой об истине, фактически же – быть все тем же бездоказательным блудом мысли.

На этом пункте, увы, всегда спекулировали и будут спекулировать шkodливые и недобросовестные мистики. Надо прямо и откровенно признать, что *слабость* диалектики заключается в том, что этот могучий способ познания в равной мере вооружает и изощренный блуд, и истинный блеск мысли.

Истина подобна Солнцу. Невозможно находиться и жить рядом с ней, надо удалиться на безопасное расстояние. Тогда истина (точнее, сознание того, что она существует) греет, поддерживает жизнь, не испепеляя ее, а обволакивая теплом. Соответственно, чем ближе к истине – тем больше риск для жизни. Те, кто уже однажды был близок к солнцу-истине не спешат туда еще раз и не особо призывают к этому других.

Истина есть, но она противоречива. Но – есть. Хотите познать истину – учитесь овладевать противоречием. Только и всего. Те же, кто предпочитает вместо истины откровение, пусть не путают божий дар с яичницей. Откровение – для идиотов, истина – для способных мыслить. Только и всего.

Вечным истинам, чтобы они не старели, всегда следует придавать современную форму. Тогда они пленяют чем-то вроде эффекта новизны. Сама же потребность новой формы обуславливается тем, что контекст для вечных истин непрерывно расширяется, что, несомненно, обогащает сами истины и заставляет добросовестных философов уточнять их формулу. «Ничто не ново под луной» так же относительно, как и «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Вечность истин означает их вечное движение.

«Мысль изреченная есть ложь».

В известном отношении с этим можно согласиться – в том отношении, что сформулированный смысловой итог («мысль изреченная»), полученный в результате многоступенчатой обработки информации, является вершинной точкой, заключительным этапом, той самой надводной частью айсберга. Все ощущения, все мириады эмоционально-интеллектуальных нюансов, сопутствующие рождению мысли (в том числе образно выраженной мысли), – передать невозможно. Поэтому мысль всегда неполна, неточна, неадекватна породившим ее информационным глубинам и пластам.

Но стоит ли так драматизировать процесс неизбежной утраты, рассеивания смыслов и обесценивать результат – оформившееся смысловое ядро? Мысль изреченная есть ложь? Означает ли это, что только неизреченная мысль обладает признаками истины?

«Неизреченная» мысль – всего лишь потенциальная мысль, сырье для мысли. Абсолютная немота – такая же крайность, как и абсолютное словоизвержение, саморефлексия, свободный поток сознания, которые пытаются зафиксировать всю «не ложь», сопровождающую рождение мысли-лжи. В полной мере справедливо и обратное: мысль неизреченная есть ложь (опять же с соответствующими оговорками).

Существует, очевидно, некий оптимальный объем для максимума поддающейся освоению информации. Немногим сказать многое – только такая краткость является сестрой таланта.

Отсюда следует: если ты написал за жизнь свою слишком много – вряд ли ты был гениально краток; если ты от отчаяния выразить невыразимое дал обет молчания – ты остался вещью в себе; если ты сумел выразить себя кратко и емко – ты самый желанный собеседник.

Склонность к небрежному, нечеткому мышлению – яркая отличительная особенность людей. Они воспроизводят ассоциации, при помощи мимики,

жестов и интонаций передают впечатления – короче говоря, сделают все, чтобы уйти от главного: разобраться в сути явления или проблемы. Поверхностное образно-интуитивное мышление – это дезертирство с фронта мысли и уход в нечленораздельное мычание. Общение посредством образов-моделей – легкомысленно и легковесно. Сопровождается же подобное камлание своеобразным ритуальным политесом. Соблюдение культурно-художественного антуража «посвященными» придает невнятному мычанию «как бы» изящество и артистическую небрежность, престижную раскованность. Подражать художникам, элитарной богеме – что в этом зазорного?

Между тем художники просто поощряют леность мысли, не давая себе труда вникнуть в суть вещей, ибо воспроизводить образы – достаточно легко и не лишено приятности, а думать – по-настоящему тяжело.

Прогрессировать как человеку – значит учиться думать. «Художественное» (в широком смысле) мышление только запутывает проблему, мистифицирует ее и уводит в мир ощущений, отвлекая от «неприятных» мыслей. Сплошь и рядом то, что говорят безграмотные, глупые, хитрые, «артистические» люди, надо переводить на ясный и внятный язык мысли. Разумеется, личности, которые тщательно выбирают и взвешивают каждое свое слово, наполняя его смыслом, выглядят беззащитными перед толпой, которой язык дан для того, чтобы скрывать отсутствие мыслей. Уж слишком просто, ясно и недвусмысленно излагают «умники» свои взгляды.

Ревниво оберегаемый культ «темного слова» не дает развиваться человеку, актуализируя утробный, докультурный язык. Не хочется делать усилий над собой, но при этом нет желания поступаться и культурным имиджем – вот установка, которая стремится обратить туманный язык символов в основной язык «высокой» культуры.

Мышление спортивно-пластическое, максимально приближенное к зоологическому, цветное, звуковое – словом, образно-модельное мышление всегда противостоит развитию мышления абстрактно-логического, как натура противостоит культуре, хотя последняя возможна только на основе первой.

Хочешь стать человеком – учись мыслить.

Следует признать, что абсолютное большинство крупнейших мыслителей так или иначе оставляли лазейку к богу. Человечество никак не хочет принять простой, ясный и трезвый взгляд на вещи. Психология – это психология; сознание – это сознание. Разграничьте эти сферы – и мир встанет с головы на ноги.

Но без чудес не может быть жизни.

Личность, культура, история все чаще и чаще представляются людям, не лишенным способности критического суждения, своеобразным хаотизированным космосом (или космизированным хаосом). Не отрицается ни полюс гармонии, ни полюс энтропии. Соответственно, возникает потребность в адекватной, по отношению к «смутной» природе антропокультуры, методологии. Все ждут прорыва в гуманитарной методологии, все ждут явления нового Геркулеса (хотя современный Геркулес, судя по всему, не столько сам выдумает нечто, сколько сумеет органично спаять наработанное другими; нынешний Геркулес возможен, очевидно, как персонифицированный коллективный разум. Собственно, и раньше, и всегда гуманитарные знания развивались по сходной технологии.).

Но старые ловушки великолепно срабатывают против новых умников. Пророка в своем времени не бывает, ибо каждый, титанизируясь, мнит именно себя долгожданным Геркулесом; он великодушно дарит себя людям, а те, дураки, не спешат неметь от восторга.

А вот если отрешиться от мессианских замашек и трезво обсудить достоинства и просчеты целостной методологии...

Ведь можно рваться в Геркулесы, а можно размышлять и жить «по уму». Доводы к личности смешны для настоящих мыслителей; геркулесий масштаб их забавляет, ибо представляет собой претензию тех, в ком тщеславие говорит громче рассудка.

Если ты утром познаешь «Дао» – к вечеру можешь умереть.
Лао-Цзы.

Что есть «Дао»?

С одной стороны, это в чем-то верный, адекватный противоречивой реальности способ мышления (несомненно, не чуждый стихийной диалектики). С другой – то ни с чем не сравнимое «чистое духовное удовольствие», катарсис, психическая эйфория, которые достигаются в результате верного мышления. Катарсис этот и есть индикатор правильно выбранной методологии мышления.

Поскольку у искателей «Дао» ощущения превалируют над сознанием, поскольку интуиция возведена в абсолют – постольку они не позаботились о том, чтобы выработать язык, с помощью которого можно было бы разъяснить, что такое «Дао». Поэтому легче почувствовать «Дао», чем растолковать, в чем его суть. Со временем выяснилось, что и объяснять не надо: сам факт необъяснимости (в рамках интуитивного подхода) стал лучшей приманкой и рекламой «Дао».

Нельзя не признать, что несказанность, неизреченность «Дао» действительно соответствует его преимущественно психологической природе. И все же: Дао, как и все явления подобного рода, можно объяснить; но, рационализированный, Дао перестает быть самотождественным, проекция в рационально-аналитический план убивает дух Дао. Вся его привлекательность именно в фантомности, в бессознательном стремлении к истине – и в культе именно внесознательного ее постижения. Истина для даосизма именно то, что постигается не рассудком. Другое постижение – уже постижение не истины.

С таким «Дао» можно не бояться, что однажды утром ты что-либо познаешь. Вечера не будет.

ПОЧЕМУ МОЛЧАЛ ЛАО-ЦЗЫ?

*Тот, кто знает, не говорит;
тот, кто говорит, не знает.*

Лао-Цзы.

Молчание восточного мудреца было актом глубоко философским – и глубоко неверным.

Дело в том, что представление «учителя» о реальном мире исходило из того, что мир этот целостен, един и неделим. Праматерь же всего сущего – небытие, ничто. Все живущее и существующее нарождается и творится из ничего, поэтому ничто, дающее жизнь всему, есть начало и конец всего. Ничто – сущность, а реально наличествующий вещный мир есть всего лишь жалкая частица, свидетельствующая о необозримом царстве небытия.

Мышление и «говорение» – также рождаются из «ничего», и сколько бы ты ни говорил, тебе не удастся хоть как-то сравниться с божественным феноменом, давшим саму возможность говорения. Говорить, да еще наслаждаться процессом смыслопроизводства – унижительно для мудреца, понимающего несопоставимость «начала начал» и жалкого чириканья, претендующего на объяснение неизрекаемого экзистенциального духа.

Таким образом, простой логический ход: у всего есть свое начало, все рождается из чего-то, сопоставление момента предшествующего и настоящего как моментов «хода вещей», причины и следствия – вот основа «молчаливой» философии. Молчание как эквивалент и аналог «ничто» так же предшествует ничтожному сотрясанию воздуха, как могучее творящее начало – беззащитному и обреченному на «мгновенное» бытие ростку, как бесконечное – конечному.

Следовательно, в молчании гораздо более достоинства, нежели в самом ученом артикулировании, ибо молчание имитирует то, откуда берется все

говоримое, и таким образом молчание всегда будет неисчерпаемым по содержательности, а все говоримое – конечно и унинительно глупо, неистинно по сравнению с неизрекаемой, но ощущаемой умной вечностью. Молчание выступает симптомом смирения перед невыразимостью ощущаемого сверхинформационного поля.

Следует признать, что в подобной логике есть своя «сермяжная» правда. «Ничто» как субстанция действительно есть коренное свойство универсума. Однако себестождественность бесконечного по информационной насыщенности «ничто» выражается не столько через смиренное молчание, которое с не меньшим основанием можно считать знаком отсутствия всякой информации, знаком идеальной пустоты, сколько через конечное, конкретное, дискретное, изреченное «нечто».

Диалектическая логика научилась синтезировать то, что ставило в тупик первобытно мудрого метафизика Лао-Цзы. Бесконечное как таковое и проявляется именно и только через противоречащее ему конечное; само понятие бесконечного образуется в результате наличия неисчислимого множества воспринятых конечных феноменов. Таким образом, молчание есть капитуляция сознания, выдаваемая за триумф внесознательного всеведения.

На самом деле мышление, в т.ч. речевое мышление, есть единственный способ мудрости проявить себя. Да и сам Лао, кстати, не стал бы предметом нашего разговора, если бы не оставил после себя книгу в пять тысяч слов, а не божественное по духу молчание.

Не всякий говорящий – знает; но тот, кто знает, обязательно заговорит.

РАЗДЕЛ 3.

НАТУРА И КУЛЬТУРА

Человек запрограммирован безответственным и аморальным космосом (можно сказать – богом, то есть той субстанцией, которой рождена была жизнь) на непрерывное и неумеренное потребление. Жить – значит потреблять. Никакая эпоха демократизации, никакие политические режимы не в состоянии изменить его (человека) космические задатки; человек лишь меняет формы потребления, оставаясь самой прожорливой тварью до тех пор, пока смерть не превращает его самого в корм.

Возможно, такой исход в какой-то степени и оправдывает его, живущего по космическим правилам игры. Однако сама позиция, с высоты которой можно оправдать человекоотраву, человека-хищника, предъявляет ему же убийственную претензию. Оказывается, у человека в редчайших случаях включаются нравственные регуляторы поведения, а в случаях исключительных – он получает божественное преимущество: честность, основанную на невыносимом реализме постижения космических «механизмов». Он видит, кто есть кто. Он понимает, что человек совсем не тот, каким пытается представить себя себе, призвав для этой цели весь сонм несуществующих богов: надо же обожествить свою примитивную сущность.

Человек в своем нормальном, естественном состоянии ничем не отличается от акулы (и это еще романтическое сравнение) или свиньи (не хочу обидеть невинное животное). А размышлять он начинает только тогда, когда возникают проблемы с потреблением. Роковые лишения, обделенные вожделенным вниманием прекрасного (потому что противоположного) пола, прибегают к терапии интенсивного стихоплетения; неистовые строители получают из числа тех, кто болезненно переносит холод; психологически обреченные быть забитыми, отодвинутыми в стае, становятся энергичными политиками; физически слабые пробиваются в умники; наконец, безнадежно слабые по команде все той же природы уходят в суицид – алкогольный, наркотический, мазохистский.

Все зигзаги этнических и личных судеб вычерчиваются в соответствии с законами, данными матушкой-природой и батюшкой-космосом. Спроецированные на жизнь общества, законы эти приобретают многоцветный, загадочно-непредсказуемый и как бы духовно определенный вид. Начала и концы на палитре общества неразличимы.

Тут уж без бога не обойтись. В принципе, чем сложнее общество, состоящее из примитивных человеко-потребителей, тем более насущной становится вера в бога.

Черта с два. Божественное оставим идиотам. На самом деле все просто,

как трагедия Ромео и Джульетты. Люди делятся на два разряда: понимающие, что они скоты и трагически противостоящие «корню», из которого растет духовная жизнь и смерть (по сути, они безнадежно бросают вызов природе); и тех, кто в корчах хапает, потребляет, лицемерно прикрывая скотские телодвижения богоугодными мотивами. Санкции на «человеческие слабости» духовный хам всегда оформит надлежащим образом и будет жрать в три горла, сохраняя изысканно-утонченные манеры и в высшей степени благопристойный вид. Так называемые священнослужители, служки господа, на деле являются слугами совсем не того заказчика: они обслуживают акулу и свинью, сидящих в человеке.

В принципе, рано или поздно человек должен понять, что он является не только венцом творения, но и вирусом, заразившим космос. И если весь свой интеллект направлять исключительно на усовершенствование технологий потребления, то надо быть готовыми и к самому печальному (с точки зрения потребителя) сценарию.

Впрочем, для космоса избавление от вируса под названием «человек» будет всего лишь восстановлением равновесия после эпизодического недомогания.

НАТУРА И КУЛЬТУРА

Главным для меня, определяющим противоречием, выстраивающим всю внутренне-духовную жизнь человека, является оппозиция *натура* – *культура*. Что это означает применительно к нашей простой, грубой реальности?

Это означает, что нет и не может быть культуры, которая так или иначе не питалась бы соками натуры, которая бы не была производной от нее, хотя и противоположной ей.

Культура сама по себе немногого стоит, если на нее постоянно не проецировать *оба полюса* человека: полюс витальный (стало быть, животный в полной мере) и полюс ментальный, с набором таких благоприобретенных регулятивов, которые, в итоге, способны противостоять самой природе.

Хотим мы того или нет, но логика вещей неумолимо ставит перед простой, в сущности (но бесконечно сложнее для ушедших в культурные скиты умников, которые способны лишь мистифицировать феномен духовной культуры, табуируя все попытки гениально упростить и прояснить ее истоки), проблемой: человек ведет себя и как завзятая скотина – и как уверенно отвергающий все соблазны быть растленным (т.е. поддаться естественным импульсам), словно сотканный из духа святого. В одном

случае актуализируется естественное начало (так называемое гнездо порока), в другом – начало «неестественное», культурное, стоящее над естеством, видя в нем унижающее, компрометирующее родство.

Вот и затеяла высокая культура «высоколобых» оторвавшиеся от почвы реальности споры: подлец человек (надо понимать, в силу своей фатальной подвластности зову натуры) или он способен на подвиг, триумф, противостояние, результатом которых, в идеале, является самокастрация и безраздельное торжество духа над плотью. Поскольку примеров житнетворческих моделей того и другого рода хоть отбавляй, то и объявлены эти споры вечными.

Таким образом, наиболее популярная версия вечной проблемы такова: хватит ли у человека силы духа обуздать естество?

При такой постановке вопроса, с учетом всех нюансов, культура выступает как возвышающее, одухотворяющее начало, а натура – чуть ли не как атавизм, угрожающий человеку культурному, как преграда на пути к духовным вершинам.

Это постановка вопроса сознанием, культурно искаленным, Творцы культуры сумели лишь развести дух и тело-материю, но так и не поняли главного: культуроцентризм, ориентация на культурную автономию, изоляцию от природного корня приводит к выхолощенной духовности, не имеющей ничего общего с реальными культурными потребностями реального человека. Духовная жизнь человека должна постоянно сверяться с его природными потребностями. Следует не только не вуалировать стыдливо эту зависимость, но и всячески ее исследовать. Это единственный способ облагородить человека, если можно вообще говорить об «исправлении» «гнусной» его природы.

Быть культурным – значит видеть реальный механизм духовной жизни, видеть реальную сущность человека. Создается впечатление, что культурные достижения усыпляют бдительность нормального человека, дезориентируя его относительно своих целей и задач. Доходим до того, что любое духовное усилие приветствуется как таковое. Духовное хорошо уже тем, что оно духовное. Ведь ясно же, что внешне суперкультурная оболочка может быть формой самого изощренного цинизма, так сказать, овечьей шкурой, в которую рядится волк.

Все культурное в человеке – это способ проявления естественного, некультурного. Именно с этой точки зрения и надо рассматривать ценности культуры, а не с позиций того, насколько далеко дух оторвался от брэнной плоти. Культура должна служить жизни, а не наоборот. Видимо, пришло время ставить вопрос не только о защите культуры (об экологии культуры), но и о защите (экологии) жизни, реального человека.

Псевдокультуру, под которой я разумею не только имитацию культуры, принимающую форму так называемой массовой культуры, но и абсолютистски-духовно ориентированную культуру, – псевдокультуру надо

постоянно демистифицировать. Даже величайшие гении художественной культуры – скажем, такие, как Л. Толстой или Достоевский – удивили мир обилием псевдокультурного. Как и всякие гении, они весьма противоречивы. Думаю, надо это видеть и относиться к этому спокойно.

Итак, хороша та культура, которая не искажает, а облагораживает натуру. Искраженная натура найдет способ возмездия той же культуре, привнеся в нее в самых изысканных формах самое разрушительное, что блестяще продемонстрировала, например, практика постмодерна. Надо не исправлять натуру человека (которая ни плоха, ни хороша, а такова, какова есть); более целесообразно поощрять создание оптимальных культурных аранжировок, не покушающихся на природу человека и одновременно возвеличивающих силу и, в известном смысле, самооценку его духа.

Самоценность натуры и самооценку культуры – должны быть уважаемы, неприкосновенны и вместе с тем должны становиться предпосылками для реализации своих антиподов. В этом и заключается смысл формулы: гармонично развитый человек. (Если предложенная трактовка будет понята как обоснование борьбы с «чуждой» культурой, то это будет всего лишь свидетельством не столько неискоренимости натуры, сколько недостатка культуры.)

Все культурные формы бытия, все культурно-социальные институты (семья, школа, вообще все социальные ячейки) рассматривают личность с точки зрения ее соответствия принятым односторонним стандартам. Любой естественный всплеск натуры воспринимается как угроза культурному регламенту, а значит – стабильности общества.

Вот почему человек, фанатично приверженный социальным правилам, либо культурно изувечен (если он искренен), либо двуличен (если он имитирует «законопослушника»). В любом случае – далек от гармонии. Человек в меру раскрепощенный, гармоничный всегда замечен в проступках, наносящих урон его «моральному облику», всегда с пушинкой на общественно значимой репутации.

Духовное, ментальное, возникшее на витальной основе, в определенном отношении становится оппозиционным стихийной «живой» жизни. Причем отношение *теории* к жизни остро и недвусмысленно ощущается именно как угроза, поэтому «жизнелюбы» с большим недоверием относятся к выкладкам ума, к «зауми». «Суша теория, мой друг, а древо жизни зеленеет», – вот аналитически выявленное и афористически выраженное противоречие.

Опасность же, угрожающая жизни со стороны самой жизни, парадоксальным образом игнорируется. Миф о безошибочной сверхразумной саморегуляции в природе убаюкивает разум и дает ему «основание» всецело довериться инстинктам, чувству жизни, стихийно возникающему балансу в

пользу жизни. Дескать, все само собой образуется.

Однако первозданное природное равновесие давно нарушено. Благодаря вмешательству «специализированного», функционально грамотного ума мы обрели защиту от многих напастей, которые поддерживали экологическое равновесие, но тем самым разрушили стихийно сложившуюся органическую систему сдерживания и противовесов. В интересах жизни следует открыто признать: культ жизни как таковой по результатам может обернуться своей прямой противоположностью. Разум уже стал жизнеобеспечивающим компонентом; проблема теперь в том, чтобы поддерживать те ростки сознания, которые не угрожают жизни.

Попробуйте сейчас вернуться к первобытной жизни — к жизни с минимальным вмешательством разума. Для этого понадобится отвергнуть разумно-культурную регуляцию и заменить ее на инстинктивную. Ликвидация культуры будет означать не что иное, как ликвидацию жизни. Отсюда следует: наиболее эффективным инструментом жизне-утверждения сегодня служит «универсальный» философский разум. Он защищает жизнь и от недалекого «специализированного» интеллекта и от не рассуждающего, дремучего, самопожиряющего инстинкта жизни.

Часто, чтобы понять человека, ставят опыты на крысах. Возникает впечатление, что мы произошли от крыс, настолько много у нас общего. По крайней мере крысиный след в генофонде приматов не стал бы сенсацией для думающих людей.

Честные грызуны, не обремененные интеллектом, объективно сигнализируют братьям своим единоутробным о докультурных алгоритмах, скрыто терзающих культурное сознание натуралистов. Один из самых впечатляющих экспериментов, достойный внимания философов, объединил людей с крысами по линии жизни в самом главном звене. Крыске вживили в соответствующий участок мозга электрод, предназначенный для возбуждения сексуального удовольствия. Крыса честно принесла жизнь в жертву перманентному экстазу, нажимая и нажимая на кнопку, приводящую в действие электрод, и не обращая внимания на утехы менее «знойные», наподобие приличной еды и т.п.

Удовольствие — вот доминирующий принцип жизни. А зона удовольствия человека — это его душа. В сущности, хорошо прожитая жизнь — это вовремя найденный «электрод-возбудитель», вставленный в нужное место. Ум же только отвлекает популяцию от жизненно актуальных манипуляций, пытаюсь хоть как-то противостоять примату удовольствия.

Какая же нормально функционирующая особь будет добровольно обрекать себя на каторгу! Для этого надо как минимум перестать быть крысой. Бытует мнение, что для этого достаточно вживить в душу бога, искусство, надежду и родину-мать.

Но это именно крысиный, т.е. бессознательный алгоритм, заставляющий клиента биться в судорогах экстаза до могильной плиты.

Перестать быть крысой можно только одним нехитрым путем: начать думать.

Существуют Природа и Культура.

Но в человеке, возросшему духовно до степени личности, нет ни природы, ни культуры. Нет – в чистом виде. Есть симбиоз, целостность, принципиально неразделимое наличие того и другого. Любой духовный или антидуховный акт человека определяется его целостной природой.

Однако ограничиться сказанным – значит невероятно запутать дело, ибо сформулированный постулат является основой для взаимоисключающих трактовок.

Целостность личности – конкретна. За редчайшими исключениями ведущим, определяющим началом в симбиозе под названием личность выступает начало природное. Людей, которые с достаточным основанием могли сказать о себе «Честь имею!» – крайне мало. Они-то и являются настоящим чудом, самым потрясающим их всех чудес света. Выше этого Природа ничего не создала.

Ницшеанский человек – это, к сожалению, в очень сильной степени реальность. Но вместе с тем вынесение за скобки культуры как фактора жизнедеятельности – это очень грубое искажение реальности. Ницшеанский человек является лишь одной проекцией человека реального, абсолютизацией природного компонента личности.

И все же если руководствоваться трезвой оценкой возможностей человека, вывод, думается, будет однозначен: человека культурой не переделаешь. Подправишь – в какой-то степени, но не исправишь. Дело в том, что сам феномен культуры возможен лишь на почве природы. Нет одного без другого, нельзя убрав одно, оставить другое (если речь идет об анализе культуры; природа же без культуры вполне может обойтись).

Труднее всего оценить человека объективно, не впадая ни в крайность оптимистическую (человек – творец Культуры!), ни в пессимистическую (никакая узда культуры не удержит Инстинкты!).

А объективная реальность раздражающе амбивалентна (во всех своих звеньях): мы живем в пространстве культуры, в значительной мере поддаемся культурной социализации, усваиваем правила и нормы общежития, имеем представления о высших нравственных, эстетических, интеллектуальных ценностях; вместе с тем отнюдь не культура определяет нашу жизнедеятельность.

Романтические иллюзии по поводу человека – наивны, жестоки и губительны, как и попытки мифологически монстризировать его, замечая

только звериный оскал, генетическую метку природы.

Может быть, самым грустным в этой ситуации является то, что люди, осознающие, что значит «иметь честь» и живущие по законам чести, практически не становятся ориентирами человека реального. В соответствии со своей природой, тяготеющей к полюсу силовому, антикультурному, человек в форме возвеличенных им кумиров ставит памятник самому себе, точнее, своему комплексу неполноценности: каждый видит в монументе воплощение тех свойств, которыми он сам желал бы обладать. Поэтому кумирами то и дело оказываются «великие» военачальники, политики (т.е. вожаки, вожди); реже – художники (часто из тех, кто прилагает руку к сотворению культурных героев-вождей); еще реже – мыслители (часто разделяющие функции идеологов-вожаков). Наличие чести и достоинства, знаков высшего культурного отличия, практически никогда не становится решающим условием в унижительном, малокультурном действе – сотворении кумира и сотворению себя по образу и подобию идола.

История культуры с пронзительной ясностью доказывает, что высокий тип духовности («самость» по Юнгу) достигается лишь одиночками. Практически все люди, все человечество за редчайшими исключениями живут в идеологическом пространстве культуры – в пространстве, созданном, в основном, психоэмоциональной инстанцией. О чем это говорит?

Тем, кто способен мыслить, т.е. вырываться за пределы идеологии, это говорит о многом.

Во-первых, люди не так далеко, как им кажется, ушли от братьев своих меньших – от высших животных. Способность к комбинаторике, к конструктивно-преобразовательным операциям сначала в уме, а потом на практике, творит чудеса – чудеса, уточним, в познании природы. Но эта способность, вопреки ожиданиям, в очень малой степени изменила духовность (в массовом, так сказать, порядке).

Спору нет: наличие сознания и духовности в принципиальном плане отделяет человека от животного мира, от собственно биологических Форм жизни. Но точно такая же пропасть отделяет высший тип духовности от низшего. Мудрецы-мыслители так же отличаются от обычного «нормального» человека, как нормальный – от обезьяны.

Во-вторых, поскольку есть во-первых, люди в основной своей массе так и не станут никогда людьми. Человек чаще всего демонстрирует лишь возможность стать полноценной личностью, становятся ею – единицы. В России такой тип людей, особую духовную породу, называют интеллигентами. (Маленькая справка: интеллигенция – это не социальная прослойка и не профессиональный признак; это особый «склад» ума и души,

который характеризуется высочайшим развитием умственных и моральных качеств. Большое заблуждение считать интеллигенцию сколько-нибудь массовым явлением; интеллигентов – всегда единицы.) Интеллигент не может не просвещать, а просвещение не может изменить людей. Таков ход вещей.

В-третьих, вопрос о цели и смысле истории и культуры в свете изложенного оказывается, в принципе, прост и ясен. Способность мыслить не может лишить человека его «животной базы»; наличие самосознания превращает его лишь в одухотворенное животное. Это значит, что человек начинает осознавать себя как одну из форм жизни. Но в соответствии с законами природы мы не вольны в своей жизни: не мы даем себе жизнь, не мы выбираем себе генетически наследуемые возможности. Мы можем осознавать, понимать, но изменить что-либо в «замыслах» природы – выше наших сил. Мы, часть природы, живем по ее законам.

По отношению к природе говорить о целях и смыслах – бессмысленно. Почему идет дождь, падает камень, лев пожирает антилопу, человек самоутверждается?

О целях и смыслах оправданно говорить только по отношению к духовным возможностям человека, которые он постепенно учится осознавать. В этом случае цели и смыслы во многом зависят от самого человека – от глубины его проникновения в законы природы и духа. Цели и смыслы просты: познай себя – ради познания и свободы; свобода же есть не только познанная необходимость, но и необходимость познавать.

Природа оперирует множествами, культура знает цену единицам.

Смерть человека – достаточно заурядное явление, и далеко не каждая утрата достойна культурного траура. Редко, очень редко из жизни уходят люди, внутренний мир которых соизмерим с настоящим космосом. Истинные творцы – феномен уникальный, их уход – потеря для Вселенной. Это всегда печально и прискорбно.

Исчезновение людей, которые волею судеб составляют демографический материал, отраженный в соответствующих графах статистики, воспринимается, конечно, не без налета трагизма, но и без фальши: как закономерный этап безостановочного природного цикла.

Человек по природе эгоист. Индивидуальность, особенность, уникальность личности – все то, что мы так ценим в человеке, что отличает

его от других – это все знаки эгоистической чемпионской выделенности, недостижимости. Даже так называемая альтруистическая любовь чаще всего оказывается лишь обратной стороной эгоистического самоутверждения. Я – достойнее (сильнее, умнее, талантливее, удачливее, отважнее, богаче и т.д.) других: вот основной побудительный мотив культурной деятельности. Культ личности (а это, пожалуй, важнейшее завоевание культуры) сам по себе свидетельствует: человек ценит в себе и других докультурное (скажем смелее: животное) начало, завуалированно проявляющееся в культурных формах.

Склонность к индивидуализму, заложенная в человеческой природе (источники бьют все из тех же инстинктов) бесхитростно проявляется в заботе о покойнике. Ему ставят надгробный памятник, а также обносят могилу прочным ограждением, обозначая вечную «его» территорию. У каждого должно быть «свое».

Как же можно не учитывать нашу «волчью» склонность при жизни! Вполне естественно, что стремление к индивидуализму возрастает в зависимости от «отмеченности» свыше (в зависимости от наличия божьей искры, дара, превращающих простого смертного в «звезду») и масштабов ее реализованности. В результате гении, как, впрочем, и пройдохи, часто не в силах справиться с культом собственной личности.

Что значит жить?

Отнимать жизнь у других, постоянно отвоевывать жизненное пространство, которого – по определению – на всех никогда не хватает. Жизнь возможна только как жизнь одних за счет других, ибо только взаимоистребление гарантирует жизнь как таковую.

Жить – значит отбирать.

Жалость и пощада – коварный лозунг смерти, так как дать шанс слабым – означает перераспределить жизненную энергию в их пользу, обескровить лидеров и тем самым снизить жизнестойкость вида. Вот почему нравственный закон является одновременно одним из самых прекрасных культурных младенцев, ведущих свою родословную от жизни, и самым безжалостным и принципиальным ее врагом. С точки зрения нравственных императивов сама жизнь незаконна, поскольку она замешана на насилии. И в то же время нравственный закон не смеет осуждать жизнь, ибо не будет жизни – исчезнет и сам закон. Это все-таки закон жизни, и регламентирует он не взаимоотношения стихий жизни и смерти, а жизнь в рамках жизни. Иначе

говоря, это человеческий, то есть несправедливый, закон, априорно служащий не абстрактной идее справедливости (согласно которой следует упразднить сам феномен жизни как по природе своей не совместимый с регулированием «от идеи»), и жизни. Жизнь права уже тем, что она жизнь.

Вступившие на тропу нравственного закона обречены на вечную муку, духовную пытку, изошренность и беспросветность которой заставляют подозревать в качестве творца морали совсем не того, кому это приписывают. Чем больше жизнь похожа на жизнь – тем меньше она обращает внимания на культурный регламент; чем более совершенен моральный субъект, тем меньше в нем жизни. Нет ничего гнуснее жизни, не освещенной светом нравственного сознания; и в то же время нет ничего губительнее для жизни, чем этот испепеляющий свет. Остается утешиться следующей моральной сентенцией: с жизнью нас может примирить исключительно сознание того, что альтернативой ей выступает смерть.

Глубина ницшеанской теории, как мне представляется, в том, что ее творец разглядел два полюса силы: грубой физической, первозданно-естественной силы и силы интеллекта. То же, что располагается в секторе между этими полюсами, – это миражи, сотканные из иллюзий, вер и обманов. Это всего лишь фокусы психики.

Самое грустное – это правда. Но опять же: правда с точки зрения некой условной, беспристрастной раскладки человеческой природы и ее потенциалов. С точки зрения интересов и потребностей человека реального – его сила в его слабости. Мы жаждем обмана, требуем иллюзий и видим злейшего врага в том, кто дезавуирует миражи.

Так мы и зависли между небом и землей. В сущности, печальная доля... Особенно для тех, кто способен разобраться в природе миражей. Все остальные просто не подозревают, насколько печальна их доля.

Тема детей – наиболее мистифицированная часть жизни взрослых, в которую (тему) меньше всего хочется вторгаться разумом. Все, однако, равны перед истиной.

Дети, кроме того, что они наглядно продляют нашу собственную жизнь как минимум на одно поколение, а теоретически, продолжая род, позволяют надеяться нам на бессмертие (в известном смысле), во всем остальном являются на редкость последовательными эгоистическими существами, которые могут смотреть на мир исключительно сквозь призму своих

растущих потребностей. Самая привлекательная черта маленьких антикультурных человечков – именно их раскрепощенный эгоизм, который при желании можно рассматривать как эквивалент жизненной силы. Им прощается все как раз потому, что они являют зрелище быющей через край, отвергающей само понятие меры жизни. Иными словами, в детях мы ценим и любим вечное, как нам бы хотелось, торжество жизни над смертью. Настолько, что жестоких несмышленишей возводят в ранг ангелочков. Ангелы – это уже из области культуры, морали, понятий добра и зла. Детей культурно коронуют, хотя они – антипод культуры.

Как всегда, через посредство самых невинных существ человек находит возможность опозитизировать самые грубые и низменные инстинкты.

И потому он – человек.

Молодость – это такое состояние тела и души, когда роскошный летний день, проведенный не на природе, не воспринимается как потеря.

Зрелость наступает тогда, когда каждый такой день, отнятый у общения с природой, переживается как невосполнимая утрата.

Старость интересуется погодой и природой уже скорее в качестве декорации, а не как возможностью саморастворения, дающего ощущение жизни, в пределе – чувство приобщения к космичности бытия.

Труд создал человека, что не мешает последнему испытывать стойкое отвращение к своей материнской утробе. Ненависть – к создавшему тебя?

Нет ничего более естественного. Дело в том, что жизнь до труда была менее трудной, и нас всегда будет тянуть к бездумному, растительному состоянию, когда нам неведом был еще гнет сознания, порожденного трудом. Ненависть к труду – это ненависть к себе культурному и стимулирование докультурных отношенческих архетипов, таящих в себе ни с чем не сравнимый психический кайф. Человек – дитя труда (активно-преобразовательного, культурного начала) и лени-матушки (начала природного, пассивно-приспособительного). Поэтому бывает и так, что трудоголики стесняются своей отнюдь не божественной родословной, боясь быть уличенными в украшающей человека слабости: пожить в удовольствии.

Главное ощущение юности и молодости: мука немоты. Теперь, задним числом, становится понятным, что эта мука была оборотной стороной нацеленности на универсальную философскую версию. Частности мало волновали потому, что не было проясненности в вопросах общих. Очевидно, мне была свойственна чуткость к вопросам экзистенциальным. Сколько здесь было врожденного, сколько – приобретенного?

Опять же по ощущению, интуитивно – врожденного было больше.

Если интуиция меня не обманывает (а я думаю, что так оно и есть), то решающий отбор на тип личности производит матушка-природа, то есть игра случая, каприз природы. И только потом уже начинаются «наши университеты», которые шлифуют алмазы, но не производят их.

Следовательно, всякий гений – это памятник одновременно природе, культуре, взрастившей творца, и, наконец, собственно личности. Вполне понятно, что иные искренние гении стесняются своего дара, не находя в нем повода гордиться именно собой.

Хочешь быть человеком – признай в себе животное. Лицемерное табуирование темы «скота в себе» свидетельствует лишь о том, что наклонности природы, борющейся за нравственную чистоту, неприлично огромны. Приличным же людям факт скотоподобия следует принять к сведению, чтобы эффективнее ему противостоять.

Натура в человеке – так же самоценна, как и культурные формы ее проявления.

В натуре же одним из наиболее личностно значимых компонентов, также самоценных и суверенных, является стремление к *новизне*. Новизна, новая информация (особенно психологического порядка) – стимулятор, значение которого нельзя недооценивать. Многие иррациональные мотивировки поведения замешаны на тяге к новизне. «Любовь зла», «охота пуще неволи» – все это в значительной мере неосознаваемое стремление к новизне.

Рабами чего мы еще являемся благодаря предусмотрительности матушки-природы?..

Кому выгодно поиск объективной истины подменять проблемой «всего лишь точек зрения»?

Тому, для кого объективная истина становится угрозой жизненным интересам; тому, кто не прав.

Когда мы слышим, что однополая любовь – это свободный выбор свободных людей, что это дело вкуса, а не «правильной» – «неправильной» ориентации, то мы в рамках демократического плюрализма чувствуем себя обязанными уважать чужое мнение и тем самым поощрять отвратительное. У каждого – своя точка зрения: это приговор истине.

Прежде чем возражать гомосексуалистам, беззастенчиво эксплуатирующим доброжелательность порядочности и идиотизм демократии, разберемся с абсолютизацией принципа субъективизма. Поскольку все мы родом из природы, то именно **там** следует искать незыблемые критерии и точки отсчета. Инстинкт продолжения рода, реализующийся в двуполой любви, – вот начало начал, вот на чем покоится все созданное культурой. И если мы свободу, одно из самых впечатляющих завоеваний культуры, будем использовать как альтернативу инстинкту продолжения рода, секс как таковой, наслаждение как таковое ставить выше природных императивов, то мы, хотим того или нет, объективно становимся недостойными взрастившей нас культуры, а если уж прямо называть вещи своими именами, становимся врагами жизни.

Идеология геев и лесбиянок – это их проблема. Да, можно и нужно посочувствовать людям. Мало ли какие драмы и трагедии подстерегают человека! На каждом шагу стресс, ИБС, СПИД, национализм. В этом же ряду зловещих аномалий – гомосексуализм.

Пусть каждый выбирает то, что ему нравится. Это нормально. Но объявлять то, что кому-то нравится, нормой – это уже издевательство не только над чувством справедливости и над здравым смыслом, но и над всей логикой культуры. Жрецы однополой любви, явочным порядком провозгласившие нормой антинорму, всегда были и должны оставаться изгоями. «Гомики» – вне нормы. И это – тоже нормально.

Нечего демократически подсюсюкивать всем и каждому. Свободы достойны только те, кто способен ею распорядиться во имя все большей и большей свободы. Если же свобода «избранных» становится угрозой диалектически понятому принципу свободы, надо честно и ответственно ставить вопрос: на чьей стороне истина?

В подобных случаях истина недемократически оказывается на одной стороне.

ЛЮБОВЬ КАК КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ

Чувство любви, – к матери, женщине, брату, другу и т.д. – как и все наши чувства, служит способом самоутверждения, приспособлявая нас к реальности, какой бы она ни была.

Сама по себе любовь может быть как весьма элементарным чувством, так и многосложным, с целой гаммой противоречивых составляющих. Любовь как таковая еще не является ценностью культуры; она становится ею в той мере, в какой реализует духовный потенциал личности.

Понятие «любовь» включает в себя целый спектр чувств: от фанатичной любви, являющейся формой ненависти, до бесконечной альтруистической сентиментальщины. Чтобы выявить реальную культурную ценность наиболее божественного из чувств, требуется то, что традиционно считается несовместимым с любовью, а именно: анализ. Кто любит, кого и каковы истинные мотивы любящего?

Человек, любя, всегда осуществляет некое жизненно важное целеполагание. Даже самым бескорыстным отношением к другому мы умудряемся распорядиться с большой пользой для себя. Так, например, умиляет массовая истерическая сердечная любовь к тирану в ситуации, когда не любить его равнозначно гибели. В подобных случаях чистейшее чувство выступает формой приспособления и выживания. И таких форм – бесконечное множество.

Слепая, испепеляющая юная любовь-страсть по-своему восхитительна и привлекательна как образец наивного эгоизма, символ бьющей ключом жизни. Абсолютно (значит – лицемерно) альтруистическая любовь, игнорирующая принцип обратной связи, а потому становящаяся наиболее разрушительной формой эгоизма, также является своеобразной патологией, поскольку нетребовательная любовь вскармливает нравственных уродов. Можно быть рабом такого безответственного чувства-для-себя, и все же формула «сердцу не прикажешь» выглядит здесь издевательски.

Зрелая любовь, которая характеризует отношения двух симпатизирующих друг другу существ, может стать действительно высокой культурной ценностью, если чувство это не поработощает, не опутывает другого гнусно-хитрыми сетями обязательств, не утверждает за его счет – а становится формой гуманистической реализации. Свободно любить, не отнимая свободу у другого, – это большое искусство, требующее развитого ума, высокого строя воспитанных чувств, в основе которых – достоинство. Такая любовь представляет собой сплошную диалектику, целую «науку», мало что говорящую неподготовленным и непосвященным.

Однако все рассуждения будут умозрительны и не более того, если не включается основной цементирующий компонент: безотчетное инстинктивное влечение (что в народе и отождествляют собственно с любовью). Тут уж действительно сердцу не прикажешь. Любовь снисходит, не поддается прогнозам, капризно улетучивается, заставляя отворачиваться от людей приличных и бросая в объятия недостойных. Все это происходит в

области «сердца», где отсутствует контроль сознания, поэтому скрыто мотивированную логику чувств проще всего обозначить невразумительным, но вызывающим трепет словом «чудо». Настоящие чудеса, сотворенные человеком, начинаются тогда, когда влечение утрачивает прежнюю интенсивность, а любовь при этом – усиливается или по крайней мере не ослабевает.

Любовь – процесс, со своими кульминациями, спадами, затуханиями и колебаниями – словом, ритмами, глубинно обусловленными психофизиологическими и собственно духовными факторами. Процесс этот, взаимодействуя с тысячью встречных и параллельных душевных движений, может умирать естественной смертью. Это скорее нормально, чем трагично.

Любовные легенды и мифы возвели это чувство в ранг райско-адских, едва ли не потусторонних и как минимум чудодейственных. Все так. Любовь есть лучшая терапия души, универсальная духовная подпитка; любовь справедливо считается одним из самых ослепительных пиков душевной и духовной жизни, не изведав который вряд ли можно понять человека. Любовь по природе своей требует поэтизации. Не следует только мистифицировать это чувство до такой степени, чтобы огульно отождествлять его со счастьем, смыслом жизни.

Здесь уместно будет подчеркнуть следующее. Мужчина и женщина смотрят на любовь по-разному, и никакого равноправия в любви, конечно, не существует. Если для мужчины смысл жизни заключен в любви (не ситуативно, а мировоззренчески) – значит это не вполне мужчина, а чувство его, сколь бы поэтичным оно ни выглядело, вряд ли можно квалифицировать как высшую духовную ценность. Настоящий мужчина рожден для самопознания, и любовь – одна из форм его.

Совсем другое следует сказать об истинной женщине: она живет для любви, и это как раз возвышает ее, ибо именно в этой сфере возможна ее высшая реализация: природная, социальная и духовная. Хотите найти любовь – забудьте о равенстве; там, где начинается любовь, равенство кончается. Равенство мужчины и женщины, я полагаю, надо понимать не в формальном смысле (что позволительно одним, должно быть разрешено и другим), а как равенство функций, разных, но одинаково важных в жизненном и космическом балансе. Если кого-то унижает такая постановка вопроса, следует задуматься над тем, чтобы изменить пол. Полчища феминисток, при всем их реальном гражданском потенциале, смотрятся всего лишь как горстка мутантов, которые не хотят быть женщинами, но никогда не станут мужчинами. Цивилизация, ложно истолковав принцип равенства, ввела их в заблуждение относительно своего призвания; цивилизация же и должна вернуть им отобранное – вернуть любовь.

Подведем итог. Любовь, под которой часто понимают сентиментальную поэтизацию базового инстинкта, выплескивающегося в незамысловатых брачных играх, доступна почти всем. Это чувство – продукт массовой

культуры, оно не требует напряжения духовности; для него вполне достаточно относительного душевного и телесного здоровья.

Высокая же любовь, как и все высокое в культуре, есть чувство разумное, не ураганом налетевшее, а терпеливо и мудро взлелеянное – и тем самым создавшее создавших его.

Как ни странно, именно иррациональная любовь-страсть, бурная и недолговечная, чаще всего волнует поэтов всех видов искусств. Парадокс: культура чаще всего поэтизирует малокультурное чувство. Объяснение одно: поэтизация такой любви – это воспевание неукротимой жизни, краткой, а потому ценной мгновениями.

Поэтизация культурных чувств (в том числе любви) – это уже сосредоточенные размышления над проблемами человека разумного. Здесь глубина предпочтительнее яркости и эффекта. Такие чувства в искусстве привлекают разве что смиренную аналитическую прозу.

Любви, как известно, все возрасты покорны. Способность к любви является одной из главных характеристик личности. Скажи мне, кого ты любишь и кто любит тебя – и я скажу, кто ты.

У женщины есть только одна извилина, да и то имеющая отношение к появлению на свет детей, а не мыслей.

Однако наличие именно этой извилины стимулирует творческие усилия извилин мужских, то есть интеллекта; мужчина, ради чести оказаться у ног обожествляемой, а потому наделяемой мимическими, чуть ли не врожденными культурно-духовными совершенствами женщины, способен покорить невероятные культурные вершины, граничащие с космическим беспределом.

Мужчина, вдохновляемый женщиной, делает сам себя, а потом по себе, самосотворенному, судит о женщине, возвышенной им, предъявляя от ее «верховного» имени себе же упреки в недостаточном усердии в безнадежном деле приближения к заданному идеалу.

От женщины, общающейся с влюбленным в нее (то есть потерявшим рассудок) мужчиной, требуется одно: божественно молчать.

Чем значительнее в духовном плане мужчина, тем возвышеннее любовь; чем возвышеннее любовь, тем значительнее требования к сотворенному в расчете на собственные духовные возможности идеалу; чем значительнее идеал, тем более он недостижим. Влюбленный мужчина становится жертвой собственных творческих возможностей.

Отсюда выводы честных и наивных идеалистов-рыцарей: я ее недостоин, «они» лучше «нас»; я, не сумев выложиться до конца, свернул всего шесть Джомолунгм, хотя Она вполне могла бы рассчитывать на семь-восемь...

Вопрос: так какие же извилины делают человека человеком?

Сила полового инстинкта, сила неукротимого влечения, направленного на воспроизводство жизни, такова, что природа порой противоречит себе же: страсть, замешанная на стремлении к продолжении рода, заставляет забывать об инстинкте самосохранения. Давая жизнь – существо природное забывает о жизни собственной.

Человек в этом отношении – не исключение в животном мире, что объединяет «двуногую тварь», например, с тетеревами, в экстазе токования становящимися более чем легкой добычей охотников.

Однако синдром тетерева поражает и охотника.

З.Фрейд достаточно убедительно установил, что большинство неврозов обусловлено слишком жестким торможением сексуального влечения. Не без помощи научного сознания европейский человек сразу же утилизировал эту истину в форме сексуальной революции, благодаря которой худо-бедно справился с неврозами, однако взамен – ироническая логика природы! – получил СПИД.

Не хотите неврозов – получите СПИД.

Вот и вступаем в третье тысячелетие, угрожающе раскрутив маховик порнокультуры: визуальной, слуховой, запаховой, гигиенической, одежной, наркотической, наконец. Ведь вся эта гигантская индустрия обслуживает половой инстинкт и паразитирует на нем. Мода, от кутюр, умопомрачительные духи, невинные эротические шоу, вполне академические споры о разграничении эротики от порно...

По существу, мы имеем дело с очередным неразумным (хотя и основанным на вполне научных технологиях) вмешательством в природу. Ведь природа миллионы лет разрабатывала и отшлифовывала механизмы управления процессами удовлетворения потребностей, а человек за считанные десятилетия переиначил все на свой хотящий лад. Природа не предусмотрела эксплуатации полового инстинкта «вхолостую», не задействовав его на воспроизводство; источником «чистого» наслаждения сделал его «царь природы», которому закон не писан.

Ничего удивительного, что человек пожнет бурю, сопоставимую с термоядерной по своим последствиям.

Надо чтить себя как дитя природы. И обзавестись, наконец, теоретическим умом-разумом, единственным бесстрастным и неангажированным экспертом, помогающим понять природу и в то же время защититься от нее, неразумной.

Бережь природу означает не только не рвать цветы и не наступать на букашек, но в первую очередь – познавать себя.

Берегите природу: бережно относитесь к себе.

Единственное эффективное противоядие против национализма – принцип критического отношения к собственной нации. Я – русский, но это не мешает мне видеть, сколько же парши несет на себе богоспасаемый русский народ. По-азиатски хитрый и жестокий, склонный к крайностям варварства, ленивый, труднопереносимый в своей страсти к примитивному мифотворчеству... Даже если на другой чаше весов окажутся его бесспорная талантливость и трогательная сентиментальная отзывчивость в сочетании с букетом достоинств, вырастающих из его пороков, я никогда уже не смогу быть до слепоты очарованным «русским духом».

НАЦИОНАЛИЗМ И КУЛЬТУРА

Что бросается в глаза, когда мы сталкиваемся с Феноменом национализма?

Прежде всего его психичность и психологичность, плохая совместимость со здравым смыслом, а тем более с просвещенным сознанием. Национализм – это идеология, набор иррациональных доктрин, которые трансформируются в модель поведения, ориентированную не на сущее, а на кажущееся. Естественным (и единственным) эффективным противовесом национализму может быть стремление рационально объяснить, осознать, проанализировать механизмы коллективного бессознательного – основу национализма.

Психичность национализма означает следующее. Людьюми движет, среди всего прочего, глубинная потребность спланиваться в стаи, коллективы, сообщества – словом, ими движет социальный инстинкт. Он является одним из регуляторов программы жизнеобеспечения, которая сформирована в своих потаенных основаниях (на уровне генетического кода) естественно, нерукотворно, поэтому отменить ее невозможно. Заложенная в биосоциальную особь программа была и остается условием выживания племен, этнических групп, наций и народов.

Переживание собственной принадлежности к «своим» приносит чувство защищенности. «Свои» – это гарантия выживания. Правота «своих» априорна и не требует логической аргументации. Ощущение локтя соплеменника при переложении на язык мысли содержит приблизительно следующий смысловой импульс: я «прав уж тем», что живу по «нашим» законам. Отделение от «своих» – равнозначно отлучению от жизни. Одиночество издревле воспринималось как символ смерти.

Таким образом, «свои» – это символ жизни, «чужие» – угроза жизни. Подобная информация закодирована уже на низших уровнях психики, коллективного бессознательного, откуда и черпает национализм живительные силы.

Инстинкт жизни, самосохранения, страх смерти тесно слиты с социальным инстинктом. Следовательно, нет смысла ругать людей за то, что они демонстрируют неукротимую волю к жизни – фанатично защищают то, что служит гарантией выживания.

Однако национализм ни в коем случае нельзя отождествлять с инстинктом. Национализм – феномен ментальный, культурный, тогда как инстинкт целиком относится к сфере витальной – к сфере нерассуждающей животной стихии. И все же идеология национализма, как и любое культурное явление, могло возникнуть только на витальной основе. Как именно?

Механизм возникновения идеологий схематически выглядит следующим образом. Потребности человека сигнализируют о своих «естественных» претензиях в форме эмоций – положительных, если состояние потребностей удовлетворительно, или отрицательных в случае противоположном. Психика, иначе говоря, обслуживает потребности и делает все возможное, для того чтобы их удовлетворить, задобрить. Психика *приспосабливает* человека к реальности, перебрасывает мостик от потребностей к способам их удовлетворения. При этом психику мало интересуют объективные свойства реальности; сплошь и рядом цена психического, субъективного приспособления – искажение реальности.

Итак, психика – инструмент жизнеобеспечения за счет приспособления, а не за счет познания. Психика, в угоду потребностям, помогает создать и при этом всецело контролирует такую гибкую и совершенную форму ментального приспособления, как *идеология*.

Так на базе социального (стадного) инстинкта-потребности надстраиваются обслуживающие эти потребности всевозможные идеологии: от откровенно религиозных до псевдонаучных. Свою горную избранность, исключительность, отмеченность нации обосновывают либо религиозно-мифологическими «прецедентами», либо поверхностно-научными выкладками (вспомним, например, расовые теории). Идеология, как ей к положено, культурно «маскирует» витальные потребности и идейно вооружает националистов.

Очевидно, что сражаться с национализмом в рамках идеологии (т.е. его же оружием) – обречь себя на сизифов труд, на вечный бой без победной перспективы. Но и «подтянуть» сознание людей настолько, чтобы они смогли уяснить ограниченность, ущербность идеологии как способа мировоззренческой ориентации – задача нереальная, тоже из области веры (т.е. той же идеологии). Коварство неистребимого национализма заключается отнюдь не в мистической привлекательности «неверной» идеологии, а в самом факте подверженности людей идеологии как таковой. Верных

идеологий – в принципе не существует; идеология по определению является односторонним взглядом на вещи.

Что же остается?

Остается, во-первых, дать людям возможность чувствовать себя не изгоями, своими среди своих, возможность национально самоотождествиться – и тем самым в значительной степени лишить националистическую идеологию «потребностной» базы. Практика интернационализма, то есть насильственного стирания национальных различий, столь же губительна для человека, как и национализм. Крайности сходятся.

Во-вторых, не остается ничего другого, кроме как разговаривать с людьми тем культурным языком, к которому большинство из них привычно: языком идеологии. Смысл такого диалога – идеологически ограничивать идеологию, одни мифы нейтрализовать другими, «контрмифами». Необходимо в противовес традиционной «локальной», бескомпромиссной идеологии всячески популяризировать идеологии «мягкие», гибкие – в идеале универсальные. Такие «открытые» идеологии, лишённые экстремистской агрессивности, оказываются совместимыми с иными идеологиями – в том смысле, что допускают инакомыслие, а потому относительно терпимо к нему относятся, уживаются с ним. Идеология плюрализма – лучшее, что можно ожидать от идеологии вообще; это высшая стадия развития идеологии, за которой она может уже только самоликвидироваться, уступая место научному подходу к реалиям. В конце концов, крайний национализм также самоубийственен для индивида и нации, как и национальная незащищенность. Та же потребность в самосохранении подтолкнет их к «разумному» ограничению национальных идеологий, делая их гибкими и совместимыми с иными национальными менталитетами. Принцип дополнительности, компромисса, сосуществования – вот магистральная дорога жизни.

Национализм, как следует из вышесказанного, вполне можно квалифицировать как болезнь. Ведь националистический гипноз, кодирование и самокодирование являются формой паранойи – рода психического заболевания, свидетельствующего о перекосах в психоидеологической сфере и, в конечном счете, о несбалансированности потребностей. Откликаются на призывы националистических вождей – также психологически (и мировоззренчески) неустойчивые: молодежь. Феномен предельной чуткости, обостренного восприятия идеологической «правды» отражен в остроумном афоризме: кто не был «левым» до тридцати лет – у того нет сердца; кто остался им после тридцати – у того нет ума. Доступность примитивных националистических идеологем делает их очень удобным средством самоактуализации, самоутверждения духовно незрелой личности.

К счастью, невозможно быть вечно молодым (и при этом психически нормальным). Неизбежно приходит время тридцатилетних и тех, кому за тридцать. Большинство обречены нормально взростеть. Фанатично,

экстремистски настроенная публика – всегда небольшая часть общества, постоянно находящая и столь же постоянно теряющая свой «электорат». Однако на фоне общей нормальности они так же бросаются в глаза, как язва на здоровом теле. Националистов мало, но они заметны. А поскольку вирус националистической чумы сидит практически в каждом, национальная проблематика в разной степени интересна всем. Поэтому с постоянно «горячей» нравственно и политически темой надо постоянно «работать».

Корни национализма – не столько в плохом воспитании и образовании, как это принято думать, сколько в уровне и качестве мышления, которые, в конечном счете, отражаются на характере духовных ценностей. Поэтому данная проблема не из тех, что можно «взять и решить». Тем не менее, никакой двусмысленности в отношении этой проблемы быть не должно.

Духовно полноценная личность и национализм – две вещи несовместные. Человек, знающий цену идеологии вообще и идеологии национализма в частности, просто-напросто отдает себе отчет, какой пещерный интеллект движет националистически озабоченной публикой. У духовно ответственного субъекта, ставящего «понимание» выше «чувств и ощущений» (сознание – выше психики), всегда находятся тысячи иных, гораздо более конструктивных и, кстати, не менее приятных, способов самоутверждения.

Надо перестать мистифицировать психику – веру, субъективные ощущения, потемки души; тогда, при свете разума, психические монстры примут истинный свой облик – облик жалких карликов, которых только страх может превратить в гигантов.

ЭТНОС И НАЦИОНАЛИЗМ

Перекосы в разных сферах общественной жизни, возникающие в результате этнических противоречий, наводят на размышления.

Если перестать издеваться над истиной, то люди должны услышать и понять следующее.

Пример России – чрезвычайно показателен как модель неразрешимых противоречий такого рода. Постараемся проанализировать и прокомментировать происходящее в России с точки зрения этнических процессов.

Что мы имеем сегодня?

Мы имеем тот гордиев узел, который вязался самопроизвольно, путем напластования исторических ошибок – если слово это уместно, ибо логика истории не всегда соизмерима с нравственными категориями; то, что сегодня представляется ошибкой, возникало не в результате злого умысла или

недомыслия, а в результате стихийного, естественного хода вещей. Так или иначе, сегодняшняя ситуация сложилась не сегодня. Так или иначе, за прошлое надо расплачиваться.

Россия в силу географического положения и естественного, нормального экстенсивного развития многократно увеличила свои территории (особенно во время царствования династии Романовых). Приращения происходили, при всех нюансах, путем насильственного захвата земель, путем завоевания. Россия и далее действовала так, как действует всякий живой социальный организм: захваченные территории и местное население вынуждены были адаптироваться к новому порядку. Империя действует императивно.

Однако адаптация к новому порядку не означает уничтожения старого. Прежние формы жизни, во имя сохранения, не могли не сопротивляться, не противостоять привнесённому русскому порядку. В результате произошло то, что должно было произойти: старые порядки, не ослабляя своего сопротивления, стали разлагать порядок метрополии и превратились в самую серьезную угрозу для страны и народа.

Дело даже не в имперском мышлении, как часто пытаются представить проблему делегаты демократически озабоченной части массового сознания. «Метрополия» (уже давно – условно) не посягает на исконные порядки; наоборот, создает условия для их развития и процветания – и тем самым усугубляет проблему, постоянно испытывая дискомфорт от присутствия инородного тела в своем организме.

Иной этнос – иная генетическая и духовная программа. В этом – вся суть вопроса. С точки зрения поработченного этноса привносимый захватчиками порядок всегда и однозначно враждебен. По отношению к этому порядку перестают действовать моральные, религиозные и иные ограничители, действующие в своем, милом сердцу отечестве. У населения колоний вырабатывается психология диверсантов, вечно находящихся в тылу врага. С годами, разумеется, происходит известное культурное сближение, возникают нити симпатий, антипатий – сложные отношения главы и вассала, центра и культурного захолустья, младшего и старшего «брата» и т.п. Но все это вынужденное гибридное взаимодействие, эти объятия, в которых корчатся народы и которые хочется считать знаком нерушимой дружбы народов, – только видимость. Суть отношений едва ли возможно радикально трансформировать, что и проявляется при первых же серьезных разногласиях.

За что боролись – на то и напоролись.

Если не ставить вопрос об ассимиляции (а так вопрос ставить невозможно: с позиций сегодняшнего культурного сознания это неприемлемо), то надо ставить вопрос о цивилизованном разделении разных природных организмов, ибо взаимоприемлемые формы симбиоза так и не выработались. Жить нормально – жить порознь. Русские должны быть теми, кем и должны быть – русскими. Зачем им вечная головная боль – тот же

Кавказ?

Вы воскликните, что это призыв к этническим чисткам, к войне, ужасу, кровопролитию... И вы уже ничего не хотите слышать.

А я вам отвечу: успокойтесь, обуздайте эмоции и начните мыслить. Разве насильственное удержание иных, в силу их инакости то и дело оборачивающихся враждебным ликом наций – такое уж благо?

Надо смотреть правде в глаза и мудро исправлять ошибки. Надо не спеша осознать глубинные, стратегические национальные интересы – и несуетливо действовать. Ничего не менять – тоже активный образ действий, который, вполне вероятно, приведет к крайним формам протеста и крайним формам реакции на них. Стоит ли доводить дело до того, что национал-социализм окажется единственно возможной формой спасения нации? Вы и это не хотите слышать?

Не будем упрощать проблему: коварство национализма – в его двуприродной сущности. С одной стороны, он теоретически несостоятелен, он не является результатом функции сознания, поскольку представляет собой форму идеологической репрезентации потребностей; на базе национализма как комплекса потребностей и эмоций невозможно разработать стратегию разумного поведения; национализм есть своего рода «без-умие». С другой стороны, иррациональный национализм (как бы ни раздражало это культурное сознание) служит гарантией выживания нации. Он может быть и спасителем, и самоубийственным – все зависит от того, как с ним обращаться. И я не уверен, что делать вид, словно проблемы не существует, есть лучшее решение проблемы.

Этнические чистки, разумеется, зло. Однако та же Прибалтика, например, не церемонится с русским элементом. Спасибо им за это: возможно, они хоть напомнят русским, кто такие русские.

Пора, наконец, осознать: национальные интересы – законны. И ориентироваться следует не только на стереотипы массового западного (читай – «эталонного») сознания, но и на здравый смысл. Это означает, скорее всего, то, что нас «не поймут», ибо «там» не менее нашего ослеплены своими национальными интересами.

В основе всех сегодняшних ошибок лежит миф о нации. Мы боимся открыто признать: нация, национальный дух и менталитет – самоценны, ибо во многом заданы природой. Нация не может быть подвержена радикальным изменениям, поскольку все ее характеристики генетически предопределены. Миф о нации как о поддающемся воспитанию и перевоспитанию сообществе индивидов, не берущий в расчет свойства нации как природного феномена – миф, абсолютизирующий духовно-социальное, культурное измерение этноса – основа завтрашних потрясений.

Нация живет как умеет и как ей нравится. Для нее *хорошо* то, что хорошо *для нее*. Ее порядок – лучший, потому что привычный. Короче говоря, архетипы национальных моделей поведения закодированы в коллективном

бессознательном – а потому не поддаются (или не поддаются в такой степени, чтобы можно было всерьез надеяться на изменение национального самосознания) рациональной корректировке.

Отсюда следует: уповать на гармоничное сосуществование враждебных наций в рамках единого народа – утопия. Насильно мил не будешь. В основе взаимоотношений наций лежали и лежат не столько культурно регулируемые, сколько силовые отношения. Нравственно осуждать природный миропорядок – значит поощрять утопию. Более гуманно отнестись к этому как к реальности, которая ни хороша, ни плоха, но на почве которой можно выстроить взаимовыгодные отношения.

Первое, что нужно сделать, опираясь на разум – разделить с теми, с кем невозможно не разделить. Подлинно искренние отношения возможны между равноправными, суверенными субъектами. Вот тогда уместно говорить о любви, дружбе – в рамках взаимоприемлемых. Живи сам и дай жить другим – вот извечный принцип, который лежит в основе здоровой политики.

Тут мы вплотную подошли к еще одному мифу – национализму, который можно считать аспектом мифа о нации. Слепая любовь к собственной нации, перерастающая (по разным причинам) в ненависть к другим – вот что такое национализм. Национализм, угрожающий другим нациям, агрессивный по отношению к другим, утверждающий приоритет одной нации над другой – недопустимая, человеконенавистническая форма идеологии. По большому счету, ее можно трактовать как явление психопатологии.

Существует и иного рода любовь к нации, предполагающая уважение к другим как неотъемлемый компонент любви к своим (вспомним в этой связи «золотой» моральный императив: относись к другому так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе). При желании такую любовь тоже можно считать разновидностью национализма – мягкого, отчасти разумного, который иногда называют патриотизмом.

Таким образом, «нездоровый и «здоровый» национализм различаются не столько отношением к собственному народу, сколько отношением к другим. Но так как понятия эти близкородственные, пересекающиеся (любовь, что ни говори, одна, а уважения может быть сколько угодно), то часто и обозначаются они одним термином: национализм. Это дает основания противникам национально ориентированной идеологии спекулятивно отождествлять разные отношения, (а это и превращает национализм в миф), навешивая ярлык националистов-психопатов на правых и виноватых.

Кому выгодно извращать культ патриотизма?

Очевидно, противникам подлинного расцвета наций, т.е. настоящим националистам. Нация не может существовать как нация без объединительной идеологии – вот почему надо вернуть русским идеологию патриотизма, очищенную от имперских и националистических примесей, от глупости и варварства. Просто диву даешься, как долго русские идут к этой

простой, здоровой и вечно актуальной идее: *быть самим собой*. В этом – спасение нации.

Мне кажется, идеологический энтузиазм, заложенный в простой формуле, способен воодушевить нацию на подвиги. Самоидентификацию, культ национального возрождения следует осознать ни более, ни менее как национальный приоритет.

Итак, надо смело и четко сформулировать свое кредо: необходима временная (пока не включится саморегуляция, создающая механизм устранения перекосов и крайностей) инъекция здорового национализма, которая помогла бы восстановить и прояснить утраченные представления о собственных национальных интересах. Именно так: здоровому национализму сейчас необходим режим наибольшего благоприятствования. Все это должно принять не форму идеологической кампании (еще, чего доброго, истерической и разнузданной, на радость русофобам) – а форму широкого культурно-просветительского движения.

Националистического акцента бояться не следует. Если кому-то кажется, что быть русским непременно означает бить нерусских, пусть он оглянется вокруг и увидит: только уважающие себя – уважают других. Для того чтобы стать самим собой, вовсе не обязательно искать врагов. А если уж мы без этого не можем, то назовем нашего злейшего врага: наше собственное невежество. Как легко заключить из всего сказанного, речь идет о просвещенном национализме, о высококультурном патриотизме (коль скоро мы не можем обойтись без доктрин национального целеполагания и жизнеутверждения). Речь ни в коем случае не идет об изоляции, о самоизоляции, о сворачивании культурных контактов, о возврате к старине. Более того: быть самим собой можно только в сравнении, сопоставлении с другими. Надо стремиться к культурным заимствованиям, не стесняться культурного обогащения: именно это придает привлекательность и оригинальность национальной культуре.

Быть русскими – означает быть духовно здоровым, нормальным обществом, организмом, одновременно открытым для культурного взаимодействия и в то же время ревниво оберегающим свою самобытность, защищающим себя от внешних и внутренних посягательств на никому, кроме русских, не интересный лучший из миров.

РАЗДЕЛ 4.

О ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСТВА, ИСКУССТВА, ЭСТЕТИКИ

К ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

Само по себе наличие художественного таланта (творческого воображения и способностей фиксировать гаммы эмоциональных мыслей в специфических знаках) еще не достаточный импульс, заставляющий браться за перо, кисть, петь, извлекать звуки из музыкальных инструментов, танцевать, лицедействовать. Казалось бы, кому интересны беспомощные стишата, музыкальные, живописные и проч. этюды в соседстве с могучими, на грани возможного, шедеврами корифеев? Однако не творить – люди не могут. Шекспир и Моцарт им совсем не помеха. Почему?

В основе собственно эстетической деятельности лежит комплекс импульсов внеэстетических. Окружающий нас мир далек от совершенства, и он часто не устраивает нас с точки зрения предъявляемых к нему моральных, эстетических, социальных, мировоззренческих претензий. В результате исчезает (или так и не появляется) ощущение психологического комфорта. Нет сигналов о благополучии. Природа не терпит пустоты: отсутствие комфорта означает присутствие дискомфорта. Вот этот смутный, назойливо-тревожный психологический раздражитель принуждает (дискомфорт, будучи информационным эмоциональным сигналом о нереализованной потребности, не признает вдумчивого, спокойного тона во внутреннем диалоге личности с собой: язык потребностей – язык императивов) личность создавать иную, идеальную модель мира, соответствующую индивидуальным представлениям о должном. Личность буквально творит иной мир и раздваивает свое заурядное бытие. Человек начинает жить в двух мирах одновременно: он и от мира сего – и не от мира сего. Чудаки, спасающиеся в сотворенных ими же эмпиреях, иногда становятся гениями и дарят свои миры другим чудакам, способным получать наслаждение (и интеллектуально-психологическое, и эстетическое: богатый букет изысканно-духовных извлечений, обозначаемых магическим словом *катарсис*) от духовной экскурсии по другим мирам.

Таков механизм творчества. Он всегда «о двух «странноразных» ликах»; его суть в двойной или, как сейчас сказали бы, амбивалентной природе. Духовно-идеальная составляющая (ее часто, не скупясь на патетику, именуют «возвышенным», «прекрасным», «красотой», «божьим даром» и т.п.) зиждется на грубой, оскорбительно-простой, всем и каждому свойственной изнанке: самоутвердиться в мире любой ценой. Любой – так как ставка в диалоге с миром очень высока: собственно жизнь.

Отсюда и титанический размах (порожденный страхом и слабостью, конечно): если я не могу приспособиться к миру, я мир приспособлю к себе. Как ни странно, иногда легче создать новую вселенную, чем принять мир реальный, ибо для такого принятия надо иметь особую, «антитворческую» ментальность.

Итак, чтобы стать творцом, надо быть достаточно неполноценным (чаще это называют гениальностью): надо чтобы бог не вложил способность понимать (а только чувствовать, ощущать), как следует испугаться того, чего не понимаешь, и задействовать все компенсаторные механизмы, призванные защищать от угрожающей грубой (то есть нормальной) жизни: лучшая реальность – несуществующая, выдуманная реальность.

Художественный талант является оборотной стороной своего рода бездарности, выражающейся в отсутствии способности ответственно, абстрактно-логически мыслить (разумеется, справедливо и обратное). Впрочем, бывают и исключения, когда оба вида «бездарности» удачно сосуществуют, оборачиваясь родственной стороной таланта. Это «универсалы», способные творить и в то же время посмеиваться над своим «глупым» даром.

Горняя избранность, отмеченность, наделенность божьей искрой – все это, если вдуматься, сомнительные комплименты. Однако не будем спешить стесняться их дарить и принимать. После того, как становится ясна природа художественного творчества, можно вполне им наслаждаться, получая удовольствие не только от его идеальной устремленности, но и от осознаваемой подоплеки этой устремленности. Это максимум информации, содержащейся в произведении искусства, итоге потрясающего духовного акта – высшего проявления человечности. Ибо способность не соглашаться с несовершенством мира, наивный протест в форме приукрашивания жизни – есть, пожалуй, единственно возможный путь к совершенству, составляющий основу основ культуры.

Художников вылепливают гуру, наставники, на худой конец няни: их взращивает психоидеологическая кормушка с ее принципом действия «от персоны к персоне».

Мыслителей же создают научные школы, где решающими всегда оказываются не субъективные представления и вожеления личности, а открытые ею объективные, безличные законы.

Художник – творец прекрасного. Это факт. А дальше – начинаются

мифы, окутывающие искусство, которое, в свою очередь, способно порождать только мифы и кормиться ими.

Простая правда состоит в том, что путь к созданию красоты для жрецов муз пролегает исключительно *через чувство*. Следовательно, чем более развита чувственная сфера, тем значительнее предпосылки для формирования художественного таланта. «Чувствительность» больших художников патологически развита. Эротические переживания, чувство любви к природе, отечеству, душевная чуткость к справедливости, истине – какой-либо Фрагмент из спектра чувств бывает обострен до предела. Вокруг этого «пунктика» накручивается идеология, концентрированно выражающая пресловутый «взгляд» художника на мир.

Как это происходит?

Чувства, по накалу приближающиеся к степени страстей, сами по себе губительны и испепеляющи. Из чувств как таковых, не одухотворенных мыслью, в лучшем случае могут произрасти только «цветы зла». А вот если чувственный вал перекрывается равновеликим моральным барьером, тогда возникает препятствующее хотению страдание (чем острее чувства – тем пронзительнее страдания), которое, по цепочке, способно пробудить мысль.

Тогда «красота» (конечный продукт) пропитывается чувством, насыщенным мыслью. Чувственно-эстетически, нравственно и интеллектуально одаренные личности способны создать шедевры, которыми и пополняется золотой фонд культуры. Элитные произведения создает элита. Однако элита соотносится со всем искусством так же, как в искусстве мысль соотносится с чувством – как маленький момент с огромным целым (чем ближе к современности, тем отчетливее срабатывает эта закономерность).

Самое хилое и факультативное звено в творческом процессе – мысль. Наиважнейшим для эстетически одаренного индивида является чувство. Самоценность чувств – отдадим должное гениям – атрибут художественно взлелеянной натуры. Моральные пороги для чрезмерно возбудимых творцов сплошь и рядом оказываются «не помехой», поэтому аморальный артист – это так же естественно, как и безнравственный водопад или вулкан. Талантливый художник – непосредственное продолжение и бытие природы, и «безмозглость» его, роднящая этот «венец» всего живого с «мыслящим тростником», выступает как раз решающим аргументом в пользу художественного таланта – способности демонстрировать свойства одухотворенной материи, но не отдавать себе в этом отчет.

А теперь оценим характер и возможности искусств, располагающихся в спектре, между полюсами от «чувства» к «мысли». Искусства прикладные, пластические, скульптура, архитектура, музыка и даже живопись в значительнейшей части – не обеспокоены мыслью или принимают ее к сведению в минимальной мере. Это искусства, так сказать, бессмысленные, прекрасно обходящиеся без развернутых мировоззренческих концепций, хотя и несущие в себе их зародыши. Литература – наиболее интеллектуальное из

искусств, да и то не вся литература, а интеллектуально-психологическая проза по преимуществу, которая расцвела, не забудем, в течение двух последних столетий.

Вывод очевиден: «поэты» способны воспитывать чувство прекрасного, чувство само по себе; но надо быть большим «художником» от философии, чтобы рекомендовать воспитывать народы и поколения через чувство, останавливаясь на чувстве, не затрагивая разум.

Богу богово, кесарю – кесарево. Отдадим художникам сферу чувств, где царит несовместимость, поразившая бы и падшего ангела, и восхитимся их способностью искусно ткать райски прекрасные полотна из сомнительного материала, извлеченного из закоулков человеческой души; но одновременно убережем от них мир, как от неразумных детей, ибо малые сии, творцы, не ведают, что творят.

Культурный гипнотизм искусства должен быть уравновешен воздействием «неискусства» – сферой ментальности, где рождается и культивируется мысль.

Занырнуть в глубины духа и прикоснуться к серьезной человеческой проблематике удастся тем, кто волей-неволей раскачивает психику разного рода чрезмерностями, сводимыми к двум «технологическим» моделям:

1. Химическая наркотизация психики (алкоголь, сигареты, иные наркотики).

2. Психогенная, бездопинговая «самозаводка»: психика возбуждает себя же, поддерживая состояние «транса» без искусственных катализаторов.

В состоянии экстремальном, когда возбудимость психики доведена до предела, происходит соприкосновение с бессознательным, где содержится все, но добраться куда можно преимущественно деструктивным. Именно в такие мгновения человек поражает сам себя и начинает относиться к собственной персоне как к загадке, проблеме, которую необходимо решать.

Человек талантлив в той мере, в какой ему удалось раскрепостить подсознание, наткнуться на фонтан символов и умозаключений, извергнутый из недр безъязыкого хаоса. Все то, что превращается в творчески оформленное содержание, исходит из единственного родника: из тайников души, где бессознательно аккумулируются полуфабрикаты смыслов; смыслами они становятся благодаря гениальным озарениям (невозможным, замечу, без участия сознания).

Естественно, тектонические сдвиги души, зачастую не контролируемые творцами, случаются вследствие длительного и чрезмерного напряжения психики. В такие моменты рождаются образы и нащупываются связи, которые в состоянии нормы и покоя просто невидимы. Оригинальное, если уж быть точным, есть детище ненормального. Норма же, исключая

частые треволнения, не способствует творческим порывам и прорывам.

Что делать: создание прекрасного и творчески оригинального требует таких человеческих отклонений, которые наслаждающееся прекрасным нормальное сознание отвергает как болезненные и патологические.

У человека склада творческого (под которым я разумею как собственно творца, так и мыслителя-аналитика, подбирающего ключ к произведениям творцов, будь то художник или природа) сознание в каждый конкретный момент «загружено» одной доминирующей «моделью». Это требует мобилизации всех психических и физических ресурсов. Происходит своеобразный перекося, искажение, радикальное нарушение гармонии. Человек одаренный, будучи заложником собственной способности производить или постигать модели, всегда существует на грани нервного истощения. Возможно, самый показательный пример – стиль и образ жизни великих тружеников, великих гуманистов эпохи Возрождения. Они очень дорогой ценой расплачивались за напряженное постижение и создание идеологии гуманизма.

Гуманно ли в таком случае быть гуманистом?

Нелепые комплименты творцам, света божьего не видящих из-за подвижнического (граничащего с клиническим) служения музе, истине, людям, нации и т.п. – просто бестактны, если не оскорбительны. Гении не живут, им просто некогда жить, да и не умеют они этого делать. Ничто так не противопоставлено гармонически развитой личности, как банальная гениальность. Гармония – это гармония разных «моделей» в сознании; требуется известное искусство, чтобы возвести и поддерживать внутреннюю гармонию.

Парадокс в том, что все культурные блага добыты и добываются людьми, имеющими весьма смутное представление о ценности жизни.

Чувство комического (в разных проявлениях: легкое остроумие, юмор, изящная ирония, неулыбчивая сатира и проч.), то есть способность говорить одно, а подразумевать противоположное, видеть вещи с разных сторон, обнаруживать оборотную сторону в лицевой – можно считать признаком таланта, ибо всякий талант измеряется способностью адекватно отражать противоречивую реальность.

Отсутствие «чувства юмора» (в широком смысле: того же чувства комического) показатель однобокого, черно-белого видения мира.

«Однобокие» могут быть гениями пороков или добродетелей, из них формируются легионы героев, неподкупных рыцарей единственной идеи, моноидеологии, принципа и т.д. Но это всегда ущербные люди, лишенные, по большому счету, божьей искры: видеть в белом – черное, в святости – порочность и наоборот.

Вот почему легкомысленный комизм более человечен, чем унылая и неразбавленная серьезность.

Вот почему чувство юмора оппозиционно однобокой идеологии (то есть всякой идеологии).

Вот почему чувство юмора так легко сочетается со свободой.

Вот почему чувство юмора тождественно жизнелюбию.

Самая большая нелепость, какую только можно себе вообразить, творится с «науками» гуманитарными. Суть в том, что они являются идеологиями, закамуфлированными под науку. Это идеологическое осмысление идеологий, если уж быть точным. Особенно это касается цикла искусствоведческих дисциплин. Вот типичный пример. Литература – это образно-модельно переданные (отраженные) идеологии. Литературоведение, вместо того, чтобы рационально осознать идеологию и развести ее с эстетической стороной, всего лишь идеологически-тенденциозно комментирует произведения художественной словесности.

Для того, чтобы гуманитарные области знаний стали собственно науками, пока не сделано главное: не проведено четкого разграничения между рефлектирующим (абстрактно-логическим) и моделирующим (образно-интуитивным) типами сознания. Как же в такой ситуации науки об искусстве решают важнейший свой вопрос – о критериях художественности?

Самым что ни на есть допотопным, дедовским способом, а именно: совпадение впечатлений и точек зрения поколений и поколений «исследователей» создает произведениям (или не создает) репутацию классических. Ученые чувствуют, интуитивно ощущают значимость того или иного шедевра. Иными словами, к творению моделирующего сознания прилагаются мерки того же, субъективного по своей сути сознания. Объективную же значимость произведения можно обосновать только абстрактно-логическим, понятийным способом. Искусство (идеологический по природе Феномен) невозможно «объяснить» средствами идеологии. Сколько можно эстетический, психологический, идеологический, исторический и т.п. комментарии выдавать за науку. А иной подход к искусству (да и вообще к культуре) пока не выработан. Искусство как таковое может быть познано противоположным, рефлектирующим типом сознания. Только такой, объективный, подход может предложить критерии

художественности, дать возможность судить о произведении не только на основании его репутации и субъективных мнений оценщиков-критиков, но на основании его объективных свойств.

Само понятие *эстетического* подразумевает: «красота» возникает только в том случае, когда компоненты целого организуются на основе внутренне сбалансированного, концептуального замеса. И тогда компонент становится больше, чем компонент: он отягощается смыслом целого. Произведение тогда только приобретает эстетическую законченность и завершенность, когда просматривается единый концептуальный корень. Этот корень есть не что иное, как ядро мирозерцания личности.

Таким образом, всякое явление, имеющее эстетическую маркировку и ценность, реализует *тип отношения к жизни*, ибо мировоззрение как таковое есть обоснование определенного, избранного отношения к жизни. Нет духовно определенного отношения к жизни — неоткуда взяться и эстетической выразительности; с другой стороны, сама по себе духовная содержательность не влечет неизбежной эстетической оформленности. Иначе говоря, духовное без эстетического может существовать; эстетического без духовного попросту не бывает.

Прочтение литературных произведений превращается в научную дисциплину только тогда, когда читатель видит в произведении не то, что исключительно выражается словами «нравится», «близко», «согласен», «легко читается», «увлекательно» и т.д. (когда читатель увлечен сопереживанием), а тогда, когда литература исследуется как способ отражения и существования внелитературных отношений (иными словами, литература, система систем, сама мыслится в еще более сложной системе отношений). Интерпретировать и актуализировать смыслы в произвольных, случайных контекстах может всякий желающий (в меру своей просвещенности); выстраивать же смыслы в определенный порядок, уметь обнаруживать в смыслах систему, о которой часто не подозревает и сам творец, — дано лишь гуманитарно одаренным и образованным людям. Порядок, контекст, система, иерархия, целостность — вот направленность и сверхзадача прочтения, которое может претендовать на научность.

При художественном переводе литературного произведения с языка на язык перекодировке подвергается не только лексико-морфологический, интонационно-синтаксический, а также ритмический строй и звукоряд, но и образная ткань произведения. Однако самый важный семантический слой располагается как бы поверх образного ряда: это та причинно-следственная канва, тот рисунок мысли, который непосредственно организует образную ткань.

Иначе говоря, относительно самостоятельны в целостном произведении могут быть обладающие собственным смыслопроизводством язык, образы и менталитет (система духовно-психологических ценностей и ориентаций). В шедеврах эти три уровня органично спаяны. Следовательно, переводятся не слова, а – концепция личности. «Перевести» художественную модель означает воссоздать некий аналог оригинала – с помощью иных (во всех отношениях – иных) выразительных средств.

Отсюда, между прочим, следует: «копия» далеко не всегда может уступать оригиналу. На основе оригинала (по мотивам оригинала) может быть создано произведение, превосходящее оригинал.

Правда, произведения классического уровня и порядка чаще всего подтверждают иную закономерность: перевод дает лишь относительное представление о шедевре, так как потери при переводе ощутимы и невозполнимы. Органическая целостность живет в родной среде, на родной почве. Чем более органики – тем значительнее степень неконвертируемости оригинала.

Серьезный, научный подход к литературе начинается с того момента, когда литература осознается как феномен психологический.

Путь к философии пролегает через художественную литературу (к сознанию рефлектирующему – через моделирующее). Таково классическое движение развивающегося сознания.

Чтобы понять художественную литературу, надо обратиться к ее изучению с высот (и с возможностями) сознания рефлектирующего.

Литературу же упорно познают «любящие» литературу и «равнодушные» к философии художественные натуры. Они-то и создали классический миф о непознаваемости художественной литературы, которая, якобы, стоит или «выше», или вне философий.

Кого бог хочет лишить разума, того он награждает художественными способностями.

Что можно оказать в защиту мифа?

Из серии мифов об одном и том же явлении складывается уже во многом реальная картина. Реальность, отраженная только с одной стороны, и представляет собой классический миф. То есть миф – это все же реально отраженная реальность. Как не бывает дыма без огня, так нет мифа без реальности.

Справедливо и обратное: самый надежный способ запутаться в реальности – подойти к ней с мерками мифа.

Мифы создаются, случается, и не дураками; но именно миф есть лучший способ одурачивать.

Любое художественное произведение можно редуцировать до «голой» интеллектуальной схемы. И с точки зрения системы идей даже клинически вулканообразный Ф.М. Достоевский предстает если не убожеством, то «мыслителем», тривиальным до пошлости. В чем же его гениальность?

Он гениален в том, что создал *художественную модель*, воплотил интеллектуальную схему, оживил ее душевными борениями. В результате появилось нечто не сводимое к мысли. Вот этот душевный «остаток», растворенный в схеме, и обеспечивает жизнеспособность искусства. Только в этом отношении искусство чего-то стоит. Писатель, способный сотворить полнокровную модель жизни, воспринимается простыми смертными как чародей, волшебник, бог, создатель почти живых персонажей и почти самой жизни. Разве пристало такому богу стесняться убожества мысли?

Но с позиции «строгого» разума, нечеловечески устойчивого к чарам моделей, художественное творчество – это гимн интеллектуальной неполноценности человека. Вердикт убийственного по отношению к богам разума прост и безжалостен: искусство – это гимн гениальности и неполноценности человека одновременно.

Страны, в которых писатели и поэты через одного являются обладателями ученых степеней докторов наук, ученых званий «профессоров» и «академиков», поощряют варварскую мифологическую культуру.

Культурная зрелость начинается с того момента, когда писатели

талантливый настолько, что перестают что-либо понимать в науке, а авторитет профессоров только возрастает от того, что они могут позволить себе иронически отнестись к собственной художественной бездарности.

Очень часто в качестве примеров, подтверждающих мою эстетическую концепцию, я привожу произведения Л.Н. Толстого. И дело тут, конечно, не в моем личном пристрастии. Дело в том, что Толстой близок к эталонной модели творца. Он удивительно совмещает собственно художественную и философскую одаренность. И ведь компоненты эти, из взаимоотношений которых выводятся все закономерности художественного творчества, не Толстым выдуманы или открыты. Но соотношение их таково, что писателю-философу удалось четко выявить их специфику. Он блестяще синтезировал духовное («Большие Идеи») и эстетическое (стиль).

Таким образом, дело не в личной его позиции, а в объективной истинности его позиции. И мне в одинаковой степени интересны как сам Толстой, так и воплощенные им глубокие закономерности. Он исключительно выразительно через индивидуальное воплотил всеобщее – не только в смысле духовных, но и творческих законов.

Вот почему в разговоре об искусстве, а тем более о литературе, практически невозможно не затронуть масштабную фигуру русского гения. Гений и объективность – вещи по-разному совместные. В данном случае Толстой, как, впрочем, всякий титан, интересен не только индивидуальностью, но и индивидуально выраженной всеобщностью.

Если абстрагироваться от «высших степеней» развития способностей (гений, титан и проч.), то в известном смысле я мог бы то же самое сказать и о себе, да и вообще о любом художнике или мыслителе. Если мне удалось «зацепиться» за логику (т.е. за причинно-следственный ряд, верно отражающий объективные отношения), то дело уже не во мне (или, скажем в Толстом), а в позиции, которую я отстаиваю. Моими устами, отчасти, уже говорит объективная истина. Подвергать критике меня – значит критиковать мою позицию, значит бесперспективно противостоять истине.

Простой пример. Ньютон открыл закон всемирного тяготения. Он его именно открыл, но не выдумал. Если вам вздумается поспорить с Ньютоном, то следует принять к сведению, что спорить вы будете не только и не столько с автором открытия, сколько с логикой закона, к авторству которого Ньютон не имеет никакого отношения. Открытое явление существовало объективно, вне и помимо ученого.

К сожалению, не каждому это объяснишь. Не каждому дано понять твою правоту. Вот тут-то и срабатывает «довод к личности»: хочешь скомпрометировать позицию, концепцию, закон – скомпрометируй автора

или приверженца этой позиции.

Гнуснее «доводов» не выдумаешь. Перевод научной дискуссии в психологическую область, превращение ее в поединок на языке пошлости – последнее прибежище недоумков, которые всегда виртуозно пользуются своим последним шансом.

Боюсь, что это один из законов человеческого мышления и поведения.

Требование объективности применительно к критериям художественности – диктует свою логику.

Искусство как таковое имеет свои пики, вершины, выше которых пока ничего нет. Такие Джомолунгмы духа и красоты – Л. Толстой и Чехов. Они продемонстрировали, видимо, возможности искусства, близкие к предельным (дали образцы симбиоза эстетической, нравственной и интеллектуальной мощи).

Все последующие гиганты духа в искусстве не могут не идти по уже проторенной дороге. Они неизбежно попадут в то проблемное и эстетическое поле, которое начали осваивать русские гении. Это не означает, конечно, что следующие за ними будут похожи на них. Это означает, что определенным проблемам должны соответствовать способы их решения. Художественная диалектика, что ни говори, стала достоянием мировой художественной культуры. Только диалектически устроенному сознанию сегодня по силам глубоко, серьезно и адекватно анализировать природу человека.

В искусстве нет линейного прогресса. «Позднее» отнюдь не всегда означает «лучшее»; часто оно означает «худшее». Это свидетельствует о том, что люди как бы застыли в развитии; об этом же недвусмысленно сигнализирует вечная потребность в магии и колдовстве.

Прогресс в сфере духа человеческого (что служит предпосылкой для прогрессивного рывка в искусстве) видится не в том, чтобы отменить реликтовую потребность и заменить ее современной, а в том, чтобы возникающие новые потребности вступали во взаимодействие со старыми, чем достигается эффект обновления. Тогда обеспечиваются единство и преемственность духа, тогда можно говорить о реальном прогрессе и о том, что это все же прогресс в рамках одной самотождественной природы.

В сфере духа ничто никуда не исчезает и вместе с тем постоянно обновляется.

Искусство само по себе, самым наличием своим «убеждает» в вечности

мира, ибо собирание множественности мира в единичный целостный образ есть архетип архетипов жизни.

Не перестаю удивляться: как могут поэты, писатели, художники, музыканты – словом, люди высокой культуры – преклоняться перед народом – абсолютно варварским скопищем существ, живущих почти бессознательной жизнью?

Преклоняться, уважать, боготворить?

Убежден, что нормальная реакция у нормального (по меркам высокой культуры) человека на вынужденный контакт с так называемым простым народом колеблется в пределах от презрения и брезгливости до жалости. Но где взять отношение как к себе подобному, не ломая чувствительной комедии?

Если талантливый и живущий духовными потребностями человек искренне идеализирует культурный облик антипода – следовательно, мы имеем дело с абберациями, замещениями, невольной подгонкой под желаемое – с фокусами психики.

Простой народ *непосредственно* любить невозможно (если, повторяю, ты прошел школу культуры чувств, мышления, поведения и т.д.). И если его все же любят, то, так сказать, *опосредованно*, испытывая естественную человеческую благодарность за предоставленную возможность стать личностью. Мы рождены народом, вышли из него – и стали его противоположностью. Такова логика пути. И все неумеренные восторги по поводу высокой духовности народа – это всего лишь комплекс неполноценности не способной мыслить «интеллигенции»: нельзя ведь презирать то, чему ты в определенном смысле обязан жизнью. Так народ наделяется чертами, которых он, темный и невежественный, сам в себе не разглядел: он и богоносец, и духовный, и добрый и проч.

Ничего не скажешь: мифы о народе – единственное, что может заставить его полюбить. Куда труднее отнестись к народу здраво: почитать его как колыбель и презирать как антипод культуре, как угрозу и невыносимую среду обитания для личности, ибо ничто в такой степени не противостоит культуре, как приложивший руку к ее появлению народ.

Таким образом, самозабвенная и беззаветная любовь к «своему народу» есть безошибочный признак недостаточной от него оторванности, т.е. недостаточной культуры. Уважающей себя личности подобает испытывать к «своему народу» смешанные чувства.

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» – честно сказано поэтом. Культурная личность тоже вырастает из невероятной грязи. Можно – и это вполне естественно – даже испытывать своеобразную нежность к

«почве». Но грязь есть грязь, культура есть культура, и смешивать одно с другим – значит поддаться психологической слабости и поступиться истиной, одной из высших ценностей культуры.

Мифы, как всегда, более угрожают культуре, хотя и украшают ее.

Художники являются не умом нации, а ее душой, интуицией. Чувства снисхождения достойны народы, которые тщатся сделать своих художественных гениев олицетворением ума и мудрости. Уже само стремление это служит свидетельством того, что народ находится на ранней стадии своего духовного становления.

КАК КРАСОТА СПАСАЕТ МИР

1.

Почему в природе нередко случается так, что самки невзрачны, неколоритны, эстетически невпечатляющи, а самцы, напротив, потрясают своим окрасом, блещут немислимым по гамме оперением, завораживают формами и линиями?

Давайте заглянем в корень. Кто кого выбирает? Кто на кого – из кожи вон! – производит впечатление, кто кому старается понравиться?

Вопросы содержат ответ. Тот, кто по жребию природы оказывается стороной выбирающей, вместе с «позиционной» привилегией получает и невыразительную внешность; сторона выбираемая, которая, повинувшись мудрой генетике, заботится о продолжении рода привлечением внимания, получает привилегию щеголять броской внешностью.

В мире людей законы природы так же действенны, как и среди популяции павлинов. Достаточно взглянуть на любой престижный раут, где исключен дурной тон и поощряется хороший вкус, чтобы понять, кто кого выбирает. Лучшим украшением мужчины, обряженного в обезличивающую униформу, будь то смокинг, костюм или мундир, является женщина, которая ослепляет уникальностью и индивидуальностью; дурным тоном считается не отметить светским комплиментом искусно продемонстрированные прелести. Мало того, что природа сама позаботилась и о пышности форм, и о возбуждающей раскраске соответствующих зон; женщина все это «ненавязчиво» подчеркнет и умело сакцентирует. Товар – лицом. После этого не обратить внимание на достоинства прекрасной половины человечества – значит не выбирать ее, значит выбирать других, значит фактически признать ее невысокую конкурентоспособность. Вот почему ничто не приносит такую искреннюю

радость женщине, как фальшивые комплименты.

Что касается природных критериев настоящего мужчины, то ему не обязательно походить на селезня, индюка, женщину или краснозادого павиана; рейтинг мужчины определяется тем, сколько лучших женщин наряжается ради него.

2.

Любопытно в свете сказанного коснуться природы эстетических отношений. Очевидно, что эстетическая маркировка особи выполняет определенную функцию, а именно: появление «красоты» вызвано необходимостью продолжения рода, следовательно, эстетическое чувство «привязано» к инстинктам.

Таким образом, в основе эстетических отношений лежат все те же «простые» природные императивы. В этом смысле красота спасала и, хочется надеяться, будет спасать мир.

Однако если остановиться на данном тезисе, то мы рискуем безнадежно вульгаризировать проблему и тем самым дискредитировать тезис, глубина которого просвечивает сквозь диалектические наслоения противоречий. Наивная попытка путем «честного», как инстинкт, умозаключения *непосредственно* вывести все из природы мало что прояснит в современном эстетическом сознании. Оно обращено не столько на наблюдения за флорой и фауной, сколько на впечатления от поражающих своим совершенством рукотворных шедевров; искусство научилось поэтизировать стремление к познанию истины не менее живописно, чем отношения полов. Предметом искусства стало «все», а культурная сверхзадача эстетических отношений явно несводима к сексуальной озабоченности. Возможно ли в таком случае происхождение эстетического генетически связывать с отношениями полов, с функцией поддержания жизни?

Этот вопрос могут считать риторическим только те, кто воспитывал свое мышление средствами искусства. Возникнув по воле и согласно объективной логике «натуры», эстетическое, пройдя школу культуры, в принципе не может поменять свою природу: это было бы нарушением законов генетики.

Жизнеохранительную функцию искусства следует понимать не в том смысле, что искусство всегда замешано на узко трактуемом «эротическом» начале, а в более широком плане, как архетипическую модель отношений, где жизнь всегда торжествует, где то, что «работает» на идеологию жизни, всегда победит смерть; где эстетически изображенная смерть становится преображенной смертью, парадоксальным образом стимулирующей жизнь, а не уничтожающей ее.

Все, чего ни коснется «прекрасное», тотчас становится «эротическим» в широком смысле, т.е. чувственно воспринимаемым – следовательно, становится симптомом жизни. Вот почему «прекрасное есть жизнь»; вот почему цель художника, по словам Л.Н. Толстого, состоит в том, чтобы заставить человека «полюблять жизнь». Вот почему искусство как высшее

проявление эстетического по определению является службой жизни. Поскольку «жизнь коротка, а искусство вечно», последнее стало едва ли не способом продления жизни, едва ли не заменой жизни...

Риторические вопросы звучат несколько иначе: где же следует искать механизм «сцепления» эстетического с жизнью — не в том ли звене, где непосредственно зарождается жизнь? не есть ли природа первый художник?

Если в искусстве высоком «механизм» завуалирован настолько, что сложно оперировать самим понятием «точка отсчета», то в искусстве массовом он предельно обнажен в своей функциональности. Незамысловатый эстетический ширпотреб просто-напросто является аранжировкой нехитрых духовных программ духовно неискушенных индивидов (или искушенных, но сознательно решивших раскрепоститься, расслабиться, «отвязаться»). Субкультура и не скрывает своей развлекательно-терапевтической и ярко выраженной сексуальной направленности, легко сочетающихся со всякого рода психологическими, и не только психологическими, наркотиками и транквилизаторами. Чем хуже — тем лучше: меньше культуры — больше жизни, ближе к природе. Простенькие ритм, звук, краски, запахи будоражат «эротическое» ощущение жизни. Массовые искусство и культура честно стоят на защите жизни.

Иное дело высокое искусство, где эстетическое во многом самоценно, автономно, отделено от первородной функции опосредующими духовно-психологическими мотивами; по поводу искусства одухотворенного культивируется миф о его божественном, неземном происхождении — и, следовательно, о мессианских функциях искусства. Эстетически воплощенный бог (эталонное представление человека о самом себе) комически пытается изменить самого человека. Комизм проистекает от наивной убежденности в наличии некоего не реализованного до поры до времени духовного потенциала, который непременно будет востребован в будущем. Сама же демонстрация реальных творческих возможностей личности отнюдь не комична. Следует признать, что духовное и эстетическое совершенство искусства хотя и не могут отменить наказ природы чтить ее превыше культуры, вместе с тем значительно облагораживают человека природного.

Таковы скрытые составляющие всякого явного эстетически значимого акта, делающие высокое искусство амбивалентным: оно стоит на страже жизни и в то же время прославляет духовного (максимально удаленного от природы) человека. Искусство странным образом не замечает, что оно облагораживает человека средствами, убивающими само искусство.

Красота спасет мир.

Если рассматривать это красивое, но бессмысленное изречение как оговорку гения и наделить его сокровенным смыслом, которого, конечно, Достоевский и не думал в него вкладывать, то мы получим достаточно глубокую философскую сентенцию.

Гении, особенно художественные гении, часто проговариваются, рождая словесные формулы, вмещающие действительно глубокий смысл, о котором творцы и не подозревали. Это, конечно, будет не Достоевский, но это будет иметь смысл.

Если учесть, что красота (противоположный от истины полюс) может существовать только в виде художественных моделей-образов, то надо признать, что «красота», понимаемая как эстетическое совершенство, никогда не сможет приблизиться к истине, что бы она ни «говорила». Ибо язык истины – язык понятий. А на этом языке красота попросту не может функционировать и прекращает свое существование, вымирает. Следовательно, «красота» всегда будет говорить не об истине, хотя ей будет казаться, что она делает именно это. Красота всегда говорит о том, что ей кажется истиной, об иллюзии – о прекрасной, но иллюзии.

Если согласиться с тем, что жизнь всецело зиждется на иллюзиях, жизнь есть осуществление потребностей (а логика потребностей не считается с логикой истины) – становится ясно, что жизнь совместима именно с красотой, но не с истиной. Поэтому красота действительно спасает мир – но только ценой отказа от истины.

Не знаю как кому, но мне лично такое спасение представляется в известной степени унижительным. Нет, я вовсе не разделяю экстремизм правдоискателей, я не за то, чтобы «пусть рухнет мир, не дайте мне истину». Нет. Но я за то, чтобы мы отдавали себе отчет: выживаем мы ценой отказа от истины. И унижительность видится мне в том, что изречения подобного типа выдаются за истину, понимаются буквально: красота как таковая спасет мир.

Мир требует лжи иллюзий, красота дает ее. Спасение возможно лишь ценой лжи. Перед чем тут благоговеть?

Высочайшие художественные достижения русских (прежде всего в области литературы), сделавшие их одним из лидеров мировой культуры, свидетельствуют об их слабости: неумении аналитически расчленять мир. Об этом же говорит былой и остаточный культ своеобразно понятой «интеллигентности», где чуткость к «художествам» была едва ли не определяющей чертой культурного человека.

Избыточная талантливость русских мешает им трезво жить. Искусство, замешанное на крайней скудности аналитических кондиций, является реликтом мифологического сознания, если уж не грешить против истины.

Человек, склонный к поэзии (в широком смысле), отличается вечной детскостью и непосредственностью – иначе говоря, неумением мыслить. Поэзия как своеобразный заменитель наркотика позволяет, нейтрализуя разум, восторженно воспевать божий мир, ликовать от самой возможности контакта с миром постижимых и еще более непостижимых объектов, – контакта «непосредственного», порождающего гамму всевозможных ощущений. Контакт как возможность познания не представляет для поэзии большой ценности. Вот почему поэзия, по словам умного поэта, должна быть глуповата.

Сосредоточенность на факте соприкосновения с миром и приспособления к нему, составляющая смысловое ядро искусства, сама по себе, возможно, не такой уж большой порок. Плохо то, что мир неумолимо меняется в сторону, где ценятся умения и навыки не столько поэтизировать мир, пребывая с ним в гармонии, сколько способность преобразовывать невыдуманную, «грубую» реальность, предварительно лишив ее поэтической неприкосновенности, т.е. познав ее.

Прагматическому типу отношения к жизни свойственна известная сентиментальность, но не надо путать ее с художественно-мифологической ментальностью. Гуманистический флер сентиментальности прекрасно уживается с прагматической хваткой и деловитостью, компенсируя их жесткую функциональность, и выступает антиподом по отношению к поэтическому максимализму.

Вся так называемая «загадка» русской души яйца выеденного не стоит: она всего лишь в излишней, повышенной психологизированности (что можно рассматривать как «восточную» составляющую менталитета), чрезмерной возбудимости и развившемся на этой основе художественно-поэтическому мировосприятию; достаточная предрасположенность к рациональному типу мышления («западная» составляющая) позволила образотворчеству русских стать интеллектуально насыщенным, однако недостаточная предрасположенность к тому же типу мышления не позволила им создать что-либо достойное внимания в гуманитарных областях, где надо собственно мыслить, т.е. не бессознательно синтезировать образы, а аналитически разлагать их. Даже философия русских – «религиозная философия» – есть все то же реликтовое мышление в образах, которое опутано пуповиной мифологического сознания. Отсюда и парадокс: будучи разнообразно талантливым народом, русские не в состоянии прагматически отладить свою жизнь; они не умеют блюсти выгоду или даже могут встать выше выгоды, что для нормального западного сознания является, конечно, пугающей «загадкой».

Таким образом, подлинную угрозу национальной безопасности русских следует усматривать в их ненормальной (по меркам сегодняшнего технотронного общества) склонности к «поэзии», в устройстве их духовного космоса, который требует особого трудового ритма, соответствующей

организации труда, форм досуга – словом, комплекса мер социальной адаптации к своим природным данным. Правда, я как русский не уверен, что мировое сообщество, где поэты становятся национальным бедствием, устроено на разумных началах. И все же: надо не жаловаться, а выживать, сохраняя свою генетику и культурное лицо.

РАЗДЕЛ 5.

ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ

Любой определенный поступок, важный и неизбежный в одном отношении, всегда будет выглядеть как глупость в каком-то ином отношении. Тем не менее, люди действуют, оценивая свои поступки как правильные или неправильные, дальновидные или недостаточно продуманные. Интуитивно каждый человек ориентируется на шкалу ценностей, даже если он не в силах осознать это теоретически.

Только те, кто способен соотносить свои деяния с осознанными принципами, и попадают по-настоящему в проблемное поле. Проблема, всерьез затрагивающая интересы других, для человека умного почти всегда приобретает гамлетианское звучание. Именно тогда, когда самый бытовой твой жест выверен по шкале универсальной и нагружен всеобщим «космическим» подтекстом, – тогда ты заглянул в пределы мудрости.

Действовать становится невероятно тяжело, ибо каждый определенный поступок приобретает судьбоносную маркировку.

Отсюда следует: глупый человек не имеет ярко индивидуальной судьбы, поскольку понятие «судьба» предполагает ответственное отношение к себе и другим – отношение, закрепляемое в более-менее осознанных принципах и установках, реализуемых в поступках. (Оговоримся: внешние рисунки и зигзаги судьбы могут быть достаточно остросюжетны, однако если они лишены внутреннего смысла – то это не судьба, а броуновская маета.)

Роевое существование, жизнь как у всех – просто оскорбительная и унижительная для личности ирония судьбы. Таким образом, есть жизнь – и судьба. Жизнь прожить, конечно, не поле перейти, но в принципе все так или иначе живут жизнь. Будет ли жизни придано измерение судьбы – это зависит уже от личности и от удачи. Если будет, жизнь становится житнетворчеством – выше которого для человека еще ничего не придумано.

Немногие умеют жить. Жить – значит ощущать космичность бытия и не разменивать отпущенные тебе годы на суетное социальное самоутверждение. Социум – всего лишь суррогат Жизни, которая может быть полнокровной только в постоянном контакте с Природой.

Природа, начало и конец всего, в решающей степени определяет и социальные законы, только суетливым недосуг их разглядеть. Социальная

суета – вот главный враг мудрого житнетворчества, вглядывающегося в себя бытия, постигающего себя как частицу вселенной.

Уметь жить, т.е. действительно в полном объеме осознавать подлинный смысл этого природного цикла – удел очень немногих. В основном люди – это мелкая хапающая шушера, ничтожества, недостойные тех фантастических возможностей, которыми наделила их природа. Они живут одним днем, и ментальность их, страшащаяся контакта с вечностью, программируется психологией однодневок. Но именно эти рыцари жизни и обеспечивают возможность «задумавшимся» близким своим дружить с вечностью.

Жизнь и вечность – плохо стыкующиеся категории; но одна без другой – теряют смысл.

В моем представлении образ, который я воспроизвожу чуть ниже, очень наглядно передает многосложность и многомерность человека. Личность напоминает мне симфонию, которая «записана» на множестве пластинок. Разумеется, невозможно слушать все пластинки одновременно: их надо последовательно сменять. Тогда и получишь сколько-нибудь полное представление о человеке-симфонии.

Аналогия проста, но очень ёмка. Мы часто поспешно судим о личности по одной «пластинке» (по одной ролевой маске, по одному идеологическому лику, психологическому состоянию и т.д. – по одному измерению). Между тем требуется время, чтобы по совокупности разных пластинок составить себе целостное представление о человеке. Чем больше «пластинок-плоскостей» – тем более содержательна, а возможно, и глубока личность.

Чрезмерная эксплуатация одной пластинки – симптом деградации. Не следует «заигрывать пластинку»: это не только скучно, но и свидетельствует об угрожающем искажении. Палитра, спектр, симфония, многомерность, многоголосица – этот потенциал целостной личности несводим ни к одной, даже самой серьезной и гениальной «мелодии» (или полифоническому музыкальному отрезку).

И последний штрих. Конечно, у каждой симфонии – всегда разное количество пластинок, свой объем, свое лицо, характер и музыкальная стратегия. У каждой пластинки свое место и значение в контексте целого. Есть важные и менее важные части в сложной драматургии шедевра, а есть и просто ключевые моменты. Вне контекста – «пластинка» может ввести в заблуждение.

Пока ты свободен – ты стремишься к счастью. Обретя счастье, ты утрачиваешь свободу – а с ней, увы, и долгожданное счастье. Но став свободным, ты с еще большим энтузиазмом рыщешь в поисках счастья, не желая принимать в расчет вполне предсказуемый результат: ведь ты идешь по уже очерченному кругу.

Счастье и свобода – вещи несовместимые, хотя первого не бывает без второй, а свобода уже сама по себе является в какой-то мере счастьем.

Что же составляет суть свободы и сердцевину счастья, столь не предрасположенных к длительному устойчивому союзу и запрограммированных на распад?

Свобода как феномен духовный целиком и полностью связана с сознанием. Уровень свободы определяется уровнем мышления. Быть свободным – значит уметь мыслить. Вот почему, несмотря на все превратности судьбы, свободу у личности (в духовном смысле) не отнять. Это было бы равнозначно уничтожению человека. Свобода, иначе говоря, имманентное, неотъемлемое свойство личности, приобретенное в результате адекватного научно-теоретического постижения мира. Чтобы отнять свободу, надо перевернуть мир, что сделать, во-первых, некому (для свободного человека творцом является он сам, а не некий мифический персонаж, весьма странным образом породивший Иисуса Христа), а во-вторых, мир если и перевернется, то по определенным законам, что опять-таки согласуется с концепцией свободы. Свобода – объективна, потому что она есть и будет до тех пор, пока будут умные люди.

Счастье же вещь капризная, мимолетная, непредсказуемая, то и дело ускользающая, как призрак, который может обрести плоть на неопределенное время, но который так же внезапно дематериализуется и исчезает, оставляя в лучшем случае приятные воспоминания.

Все это говорит о том, что счастье как комплекс чувств и ощущений имеет психоидеологическую природу, – природу неустойчивую, эфемерную, мгновенную (связанную с мигмом как формой существования) – и, что важнее всего, субъективную.

Свобода и счастье – это два полюса духа человеческого, связанные с полюсами сознания и психики. Личности не бывает вне этих полюсов, личность и есть тот «продукт», который формируется в зоне их полярного взаимодействия. Вот куда уходит своими корнями зависимость, которую люди по своему скудоумию склонны считать «парадоксальной», «противоречивой», следовательно, непонятной и не поддающейся объяснению (для них объяснение – это элементарная одномерная логическая зависимость): настоящее счастье приходит к тому, кто пережил много несчастий; без несчастий не бывает свободы, а без свободы не бывает счастья.

Свобода предпочтительнее счастья уже хотя бы потому, что свободному

человеку счастье не заказано. Того же, кто живет только надеждой на счастье, ожидают сплошные разочарования (те же несчастья), что еще больше заставляет такого человека надеяться на то, что Кто-то ниспошлет ему безоблачную и вечную благодать. Надежда на счастье и становится суррогатом счастья. Ум и свобода такому человеку уже не нужны, ибо они воспринимаются как воплощение дьявольского искушения, которое ослабляет надежду и веру.

Все справедливо: отвергающий свободу – недостоин счастья.

Счастье – элементарно «вычислить» по составляющим его компонентам. Оно непременно включает в себя:

- ум
- любовь
- достаток
- семью
- свободу
- здоровье.

Но поскольку компоненты противоречат друг другу (ум и свобода – достатку, любовь – семье, свобода – любви и семье и т.д.), то наличие всех компонентов превращает счастье в момент несчастья, а отсутствие – в стремление к их восполнению, т.е. к счастью.

Самая рискованная и наиболее предпочтительная стратегия общения, превращающая его (общение) в роскошь, заключается в том, чтобы удержать близких тебе людей, не манипулируя ими, не выдавая себя за того, кем ты на самом деле не являешься, – удержать без насилия. Модель общения, когда твои очевидные достоинства привлекательнее твоих явных пороков, – для по-настоящему свободных людей.

Трагическая ирония по отношению к высшей культурной ценности, свободе, заключается в том, что человек всегда в результате свободного волеизъявления обречен выбирать несвободу. В сущности, свобода есть возможность сменить одну форму несвободы на другую.

Ирония присутствует также в том, что только несвобода приносит упоительное ощущение счастья – в сочетании, спешу добавить, с

непременным сознанием того, что ты свободен в выборе несвободы.

Если у тебя есть только это сознание и ты не нашел свою вожденную несвободу – значит ты трагически одинок. С другой стороны, если твоя сладкая несвобода лишает тебя, казалось бы, бессмысленного пути к свободе – ты из «узника счастья» превращаешься просто в заключенного.

Если было бы кому адресовать претензию на духовную неустроенность, все это можно было бы назвать злой шуткой. К счастью, мы свободны в самом главном: вам некому адресовать претензии.

Видимо, только любовь может на какое-то время примирить с потерей свободы. Можно было бы даже сказать, что любовь стоит свободы, если бы любовь была столь же непреходяща, как и стремление к свободе.

Главное – быть честным перед самим собой (прежде всего – перед самим собой: это труднее, чем перед другими). Тогда ум, функционирующий на такой этической основе, имеет перспективы стать тем великим умом, который видит вещи в их истинном свете. Лживый ум – все запутает, наворочает непробиваемые заторы там, где их нет и в помине. Спорить с таким умом – бессмысленно, поскольку созданные им интеллектуальные конструкции опираются на заведомо неверные послышки.

Только в молодости, и особенно в старости, человек обретает относительную независимость от социума – т.е. максимальную свободу. Молодость симпатична и независима постольку, поскольку не стреножена еще ответственностью и обязательствами всякого рода. В зрелые годы человек, как правило, обременен семьей, и его не на шутку волнуют вопросы карьеры, благополучия и гарантированного прокорма. Чувство ответственности искореняет легкомыслие, критическое отношение к обществу уступает место приспособительному. Приходится вырабатывать идеологии, обосновывающие целесообразность служения обществу, народу, каким-нибудь светлым и важным идеалам – служение, которое, само собой, должно неплохо оплачиваться. Служебная рьяность и самоотдача находятся в прямой зависимости от размеров вознаграждения. Потребности поглощают человека и управляют им, а он незаметно для себя становится

законопослушным, верноподданным, образцовым – просто потому, что это выгодно, так легче добывать хлеб.

В старости появляется шанс трезво взглянуть на прошлое, исполненное страстей. Тогда можно под другим углом, более вольнодумно оценить период консервативного здравомыслия...

Так мне кажется.

Вот и у Пушкина, мне кажется, были все предпосылки превратиться в поэта-обывателя, склонного к религии, а значит и ко всем иным компромиссам духа. Однозначно утверждать ничего нельзя, но предпосылки – были. Семья и свобода совмещаются очень плохо.

Я не хочу сказать, что Пушкину повезло, что он был «своевременно» убит; я хочу сказать, что волею судеб, возможно, рисунок жизни был завершен самым эффектным образом. Нехорошо так говорить, но – кто знает! – может быть, именно так судьбе гения было придано самое ценное: цельность, гармоничность и завершенность.

Лишний человек – это тот, кто сумел открыть для себя экзистенциальный аспект бытия. Каждый из людей в той или иной мере лишний. Чем более всматриваешься в жизнь с ее сущностной стороны – тем более превращаешься в лишнего.

Для обычного человека, живущего растительной жизнью и озабоченного, соответственно, материальной стороной существования (хорошо пожрать и поспать требует больших денег), экзистенциальные смыслы располагаются на периферии жизнедеятельности. Если вдруг матерые добытчики бросаются в духовность – делают они это уродливо и карикатурно.

Жить – это одно, понимать жизнь – другое, а уметь жить – третье. Те, кто способен понимать жизнь, придавать своему существованию смысл – вкушают ни с чем не сравнимую эйфорию самопознания. Однако полноценное житнетворчество требует того, что в избытке у примитивных потребителей: денег. Деньги для способных к экзистенциальному анализу превращаются в экзистенциальную проблему.

Вот и получается: те, у кого денег не меряно – часто не в состоянии ими разумно распорядиться; те же, кто знает философскую цену деньгам – их не имеют.

Гармонично развитый в духовном плане человек обрекает себя чаще всего на трудную, незавидную жизнь. Факт гармонично развитых потребностей не означает еще наличия соответствующих условий для их удовлетворения. Как раз наоборот. Заниматься высокоинтеллектуальной, духовно содержательной деятельностью (особенно сейчас, особенно в постсоветских странах) означает обречь себя на нищету, другими словами, на неудовлетворение многих и многих культурных потребностей, свойственных человеку высокодуховному. Поступаться нравственными и мировоззренческими принципами и «заколачивать деньги» – т.е. делать именно то, что, как научил тебя весь предыдущий духовно-культурный опыт, делать крайне нежелательно – очень тяжело для человека с умом и достоинством. Жизнь заставляет испытывать пронзительный духовный дискомфорт в качестве платы за гармоничный личностный мир.

Поскольку сама реальность дисгармонична, счастливы именно духовные уродцы, естественно вписывающиеся в духовно неблагоприятный миропорядок. Иногда действительно почва колеблется под тобой: пожелать себе ума или счастья? Опасного духовного прозрения или дара примитивной идеологической приспособляемости?

Одно бесспорно: духовное совершенство само по себе еще не есть гарантия яркой, полноценной жизни. С другой стороны, не приходилось встречать завидной судьбы, в основе которой бы не лежала тяжкая духовная работа.

Подчиняясь гармонии космоса, мы вынуждены заботиться и о внутреннем равновесии. Достичь этого можно единственным способом: лелея достоинства – порой поощряя и реально наличествующие порочные наклонности (являющиеся таковыми, кстати говоря, исключительно с точки зрения морали – системы, компромиссно приспособляющей человека к природе, но не с точки зрения самой природы, у которой попросту нет никакой точки зрения).

Отношение к себе должно принимать во внимание основополагающий принцип жизни: надо чтить свои слабости. Отношение к себе в значительной мере является приспособлением к своим направленным в противоположную от совершенства сторону влечениям. Вот почему, в частности, умным людям бывает легче защитить докторскую диссертацию, чем не защищать ее.

«Самость», по Юнгу, – такое самоосуществление личности, при котором максимально рационализируются все иррациональные компоненты. Это состояние самоконтроля, всевидения, всепонимания. Иначе говоря, речь идет о таком типе личности, который ближе всего обозначается комплексным понятием «мудрец». «Самость» воплощается в типе мудреца.

Надо бы просто жить и преспокойно наслаждаться радостями мига земного. К сожалению, понимаешь это тогда, когда отдашь жизнь на поиски смысла бытия. В годы незрелые простая жизнь воспринимается как не вполне удавшееся, неполноценное, неосмысленное существование; чтобы понять, что достойнее и мудрее высокой простоты ничего не выдумаешь, приходится жертвовать ничтожно краткой жизнью...

Жизнь человека надо бы измерять количеством прожитых дней в ту пору, когда, достигнув мудрости, еще не утратил способности наслаждаться.

Вся проблема высочайшего духовного существования сводится к тому, что личность идеологически не ангажированная, умеющая жить в режиме адекватного восприятия реальности, признает одновременно правоту сразу нескольких взаимоисключающих программ жизнедеятельности индивида. Согласно идеологическому принципу противоречие разрешается субъективно-произвольно: одно за счет другого – на том простом основании, что одно всегда бывает в той или иной степени предпочтительнее другого. Просвещенная философско-созерцательной мудростью личность может предложить в качестве контрверсии, пожалуй, только принцип динамического равновесия (принцип дополнительности): сначала одно за счет другого, а потом другое за счет одного. Вот и получается, что мудрец только и делает, что противоречит себе. Но он здесь не при чем; это жизнь состоит из противоречивых компонентов.

Только интеллект может видеть одновременно разнонаправленность множества жизнеобеспечивающих составляющих. Психика же избирает те из них, что больше «по душе». Поэтому мудрец, живет параллельно в разных измерениях. Его сложно идентифицировать как некую идеологически определенную фигуру. Он может быть в одном лице спортсменом и

алкоголиком, семьянином и бабником, чиновником, лишенным честолюбия (или честолюбивым, но не чиновным), молодым стариком, трудягой и лентяем, гражданином и личностью аполитичной, философом и обывателем. Вместе с тем мудрец т.е. человек, наблюдающий коварство собственной и чужой психики, видящий свои и чужие слабости именно как слабости и не идущий у них на поводу, – такой человек живет по вполне определенным принципам. Вся беда в том, что эти принципы очень сложно понять тем, кто живет в режиме искажения реальности под свои потребности (сначала потребности – а потом уже реальность). Люди же, однозначно осуждающие раздражающее трезвомыслие реалистов и из лучших побуждений становящиеся слугами и даже рабами добродетелей, на поверку часто оказываются неистовыми фанатиками, готовыми растерзать любого не столь добродетельного. Ради добра они готовы на любое зло – такую коварную шутку шутит судьба с теми, кто смотрит на жизнь сквозь амбразуру «самой правильной» идеологии.

Интеллект видит все таким, каким оно есть в действительности – и в этом его сила, если говорить о способности приближения к истине. Но люди предпочитают жить, а не осознавать себя как субъект амбивалентный, двуприродный (точнее – многоприродный). И в этом смысле интеллект – самая большая помеха жизненной карьере. Это понимают даже верующие: во многой мудрости – многая печаль, и умножая мудрость – умножаешь скорбь.

Так объективно наиболее достойные из людей оказываются наименее почитаемыми, а наиболее авторитетными всегда были и будут борцы за идеологические иллюзии – попросту говоря, дураки. Им, дуракам, – все памятники. На дураках держится мир, ибо – отдадим должное витальной окрашенности идиотизма – дураками поддерживается и обороняется жизнь.

Если вы за жизнь – значит вы вполне определенно ограничиваете в правах мудрость (маленькое уточнение: на индивидуальном уровне жизнь и мудрость еще могут быть совместимы; на социальном – это антиподы). Если вы предпочитаете мудрость – значит вам тяжело будет выносить дураков, этот фермент жизни.

И все-таки умные люди необходимы – хотя бы по соображениям высшей справедливости. Кто-то должен сказать людям, что они полные ничтожества; с другой стороны, предельная реализация человека – это не мелкотравчатые духовные трутни, а все те же мудрецы. И дуракам должно быть приятно, что среди них попадаются умные.

Но памятников мудрецы не дождутся. Памятник им означал бы вечный укор роду человеческому.

Мудрость сама по себе служит наградой и утешением. Она не заменит всех благ жизни, но мудрость в состоянии обойтись и без них, ибо она самодостаточна. Все мыслимые блага жизни, не сдобренные и не защищенные мудростью, становятся неполноценными и эфемерными, словно готовыми улетучиться в любую минуту.

Основательная жизненная осанка мудрости – предмет тайной зависти для тех, кто все привык приобретать за деньги. Мудрецы одним своим существованием опровергают их «железные» принципы. Рядом с мудрыми деньги становятся всего лишь деньгами, те, кто их имеет – всего лишь богатыми людьми, счастье – всего лишь счастьем, красота – всего лишь красотой, смерть – всего лишь смертью...

Зависть же и мудрость – несовместимы: глупо завидовать тем, кто завидует тебе.

Мудрость – наиболее несокрушимый компонент счастья: хотя бы потому, что умудренные люди счастливы уж тем, что не ищут счастья.

Давайте пристальнее всмотримся в то, что обычно считают подвигом.

Обратимся к классике житетворчества. Деяния гениального Сократа (имею в виду последнюю фазу его жизни) квалифицируются как подвиг. Это общепризнанно, и тут трудно, казалось бы, возразить. Вспомним: Сократ сознательно выбирает смерть, демонстрируя афинянам силу своих убеждений. Он не стал приспосабливаться к общественному мнению, полагая, что истина дороже всего на свете. Это действительно подвиг во имя истины и людей.

О подоплеке подвига обычно «забывают». Сократ избрал смерть и хладнокровно отказался от спасения в том числе и потому, что был искренне убежден не только в правоте, но и избранности своей. Он считал себя чем-то вроде посланника бога на земле – настолько очевидным было его интеллектуальное превосходство над всеми остальными. Пристало ли бессмертному посланнику бога бояться смерти? Это было бы, кроме всего прочего, глупо.

Он не боялся смерти, потому что не верил в ее возможность для себя. Последние слова Сократа о том, чтобы не забыть принести Асклепию, богу врачевания, петуха в знак выздоровления (то есть предстоящую, уже наступающую смерть он толкует как счастливое выздоровление) вовсе не выглядят бравадой. Философ от бога действительно собрался «отойти в счастливые края блаженных». Вот этот эгоистический компонент подвига обычно предпочитают не замечать.

Так обстоит дело не только с Сократом, но и со всеми остальными героями (с индивидуальными поправками, конечно, но принцип – тот же).

Герои неприкосновенны. Если мы позволим себе рационально развенчивать их культ, мы рискуем «вынести» всех святых и героев ногами вперед и остаться с обычными несверхчеловеками. Опять же – «взыскуем чудес», слепо верим в сверхвозможности необыкновенных людей. Оно и понятно: лестно ведь быть родственниками героев, почти полубогов. Поклоняться им, спасшимся от забвения, от смерти – означает приветствовать победивших смерть, чтить героев – бросить вызов смерти, т.е. самим получить надежду на спасение. Таков глубинный смысл ритуалов поминовения.

Выходит, прав был поэт: «О ком бы мы ни плакали, мы плачем о себе». Истина никогда не волновала обычных людей. Их волнует только безпроблемное, комфортное существование.

Таков закон жизни, полубессознательной жизни.

Кому люди ставят памятники?

Великим личностям. Великим, разумеется, с точки зрения заказчика. Принципы отбора кандидатов в великие позволяют утверждать, что люди часто ставят памятники самим себе – точнее, своим не реализовавшимся комплексам. Таким образом, памятники, с культурно-психологической точки зрения, можно трактовать как реализацию комплекса неполноценности.

Великий – должен быть признан и понят всеми, что возможно только в том случае, когда «великий» представляет собой достаточно посредственную личность.

Существуют, правда, памятники и другого рода – гениям, которым и завидовать-то бессмысленно: настолько очевидна их специализированная одаренность, что они как бы и не воспринимаются в качестве обычных людей. Так и считается: был божественно одарен. Тоже в определенном смысле материализация комплекса неполноценности.

Но я не могу припомнить памятника за талантливо прожитую жизнь. Если такие памятники и есть, то, прежде всего, не людям, а гениям. Ни один из них не стал символом жизнетворчества. Ставят памятники только за жизнь, прожитую «ради», «во имя» других, за жизнь-жертву. В качестве компенсации за самоотречение воздвигают памятники, суррогаты бессмертия. Надо стать героем, отдать жизнь людям – только после этого можешь рассчитывать на внимание к своей особе.

Такова проторенная колея в бессмертие. Очевидно, с молчаливого одобрения большинства принято считать, что жизнь не «ради», а «просто так», жизнь в удовольствие и в радость способен прожить всякий. Тут якобы не требуется большого ума и одаренности... Само отсутствие памятников великим жизням есть красноречивый памятник духовной нищете. Так и живем большей частью в окружении монументов посредственностям. А о

том, что представляют собой живые люди, поклоняющиеся своим идолам, даже думать не хочется...

Бытие определяет сознание: эта великая формула справедлива по самому существу, поэтому она справедлива в отношении подавляющего большинства людей. Обратная связь (между сознанием и бытием), конечно, присутствует и у этих людей. Но степень воздействия сознания на их бытие ничтожно мала.

Чем более развито сознание, тем выше степень его воздействия на бытие. Переворачивание формулы – сознание определяет бытие – возможно, но происходит это крайне редко. Только гиганты духа (или ограниченные фанатики, добавлю справедливости ради) способны организовать бытие, подчиняя его духовным программам.

Основная же масса людей не понимает истинной ценности мира идей. Он является для них чаще всего элементом престижа, элементом культурной декорации, от которой в любой момент можно отказаться ради конкретной выгоды, но не источником ни с чем не сравнимого наслаждения. Отсюда такая многокрасочная гамма чувств к «простому» (в духовном смысле) человеку: его жалеешь, к нему снисходишь, его прощаешь, ему сострадаешь, им восхищаешься, его ненавидишь, им брезгуешь...

Одно только чувство трудновозбудимо (если оно вообще возможно) к человеку толпы: уважение. Ибо всерьез уважать можно только человека, который понимает, что его истинное достоинство заключается в том, чтобы сознательно противостоять бытию.

Необходимость и случайность. Каковы познавательные комплексы и механизмы, осваивающие эти две одиозно конкурирующие категории?

Чтобы выявить и познать необходимость (т.е. сущность), надо потрудиться теоретическому сознанию. Человеку, умеющему видеть необходимость, весь мир предстает неслучайным, внутренне упорядоченным – следовательно, познаваемым.

Те, у кого теоретическое мышление находится в зачаточном состоянии, могут видеть мир только со стороны случайного. Для них мир – это хаос, конгломерат случайностей, не поддающийся никакой организации. Культ случайного, воспринимаемого иррационально-психически, лежит в основе их жизненной стратегии: а *вдруг* произойдет конец света? А *вдруг* мне повезет? И т.д.

Для человека, понимающего, что миром правит необходимость, случайное является лишь формой необходимости. Без необходимости никакой случайности быть не может; точнее, феномен так называемой чистой случайности – имеет место, конечно, но он настолько редок, что умные люди выстраивают жизнь в расчете на необходимость, а не на случай.

Вот где следует видеть глубинное объяснение феномена завораживания случайным. Современное телевидение буквально напичкано всевозможными «счастливыми случаями», играми, лотереями и другими программами, культивирующими «случай» как способ достижения мечты. Стародавний русский принцип «авось», испокон веку бывший способом существования, обретает некое подобие культурной легитимности.

Аудитория у экранов, превратившихся в «поля чудес», – самая массовая. И это не случайно. Эта же аудитория осаждаёт университеты, где обучают познанию необходимости. Именно для этой аудитории – для кого ж еще? – я пишу о диалектике необходимого и случайного – в надежде на то, что кому-нибудь случайно попадутся эти заметки, и он ими вдруг заинтересуется.

То, что у людей принято считать знаком яркой индивидуальности, можно проинтерпретировать и как заурядную духовную аномалию.

Действительно, психические и духовные отклонения правильнее квалифицировать как способы нормального, полноценного существования человека, ибо даже желание достичь идеального состояния, при котором «нейтрализованы» всяческие отклонения, есть само по себе «пунктик», «ненорма».

Говорить о естественных проблемах здоровой личности – значит выяснять, какого рода «сдвигам» и напастям подвержена она в тот или иной момент, возможно, промежуток времени, который может растянуться на целую жизненную полосу.

Учитывая диалектическое присутствие ущербного в полноценном, психическое и духовное здоровье можно определить как странное состояние, когда личность осознает (или не осознает), что она чем-то идейно-психологически инфицирована, но еще не знает, чем именно. Следующий этап, диагноз, уже переводит состояние в разряд болезни.

Однако даже точный диагноз, констатирующий отклонение, еще не превращает нас в собственно больных. Мы здоровы до тех пор, пока контролируем свои отклонения, осознаем, насколько и в чем мы «индивидуальны». Но вот когда человек поймал «момент истины» и уверовал в то, что ухватил бога за бороду, когда кто-то считает себя окончательно здоровым, а всех остальных безнадежно больными – т.е. когда человек перестал видеть себя со стороны, ослабив критическую узду

здорового смысла, – вот тогда наступает период тяжелой духовной хвори. В подобных случаях для того, чтобы стать здоровым, надо суметь осознать себя больным.

И все же следует признать: ничто не придает личности столько оригинальности, сколько наивное убеждение в собственном исключительном здоровье.

Норма, конечно, великое дело. При этом нормальное, чтобы быть таковым, должно содержать в себе компонент ненормальности, ибо без такого компонента «абсолютная» норма становится всего лишь вариантом ненормы.

Однако норма скучна. Для того чтобы стать заметной, норма должна превратиться в нечто в высшей степени себе противоположное – в гармонию. Именно гармонию надо, по логике вещей, рассматривать как наивысшее проявление индивидуальности.

Таким образом, гении всегда заметнее людей, стремящихся к гармонии, хотя оригинальность, первых – всего лишь карикатура на истинную оригинальность вторых.

А люди отождествляют оригинальность как раз с гениальностью.

Что делать: они судят с позиций нормальных.

Кого мы, если не открыто восторгаясь, то непременно с улыбкой солидарности называем жизнелюбами?

Поклонников телесно-физиологических удовольствий, в первую очередь любителей женщин и вина. Но ведь тешить плоть (по всей парадигме наслаждений) означает культивировать духовную и физиологическую наркотизацию, что в плане нравственно-философском порождает только мифы и иллюзии, ложь и обман. Любитель пожить со вкусом – раб своего тела и психики, ибо примат удовольствия означает примат психики. Явно и скрыто поощряемое жизнелюбие чтит принцип: я – человек, и ничто скотское мне не чуждо.

Следовательно, нет более безнравственных и подлых существ, чем сластолюбцы, чревоугодники и мастера чарки.

Спору нет: жизнь, безусловно, любить не возбраняется; но надо же видеть антигуманную подоплеку культа жизнелюбия.

Мифу о гуманизме жизнелюбов, как всегда, противостоит трезвый анализ их игровой «философии» с ее вечно актуальным постулатом: не рассуждать. К жизнелюбам относятся с симпатией именно потому, что они, как дети, органически неспособны отдавать себе отчет в своих действиях. Строго говоря, мы восхищаемся их способностью не взрослеть, повиноваться позывам чудного легкомыслия (т.е. непосредственно инстинктам) и

позволять себе игнорировать фиговые листки культуры с невинностью блаженных идиотов.

Семья держится борьбой за семью.

Поскольку для человека в равной мере естественно быть существом моральным и обреченно повиноваться программам, вложенным в него через инстинкты природой, регулирующей поведение детищ своих отнюдь не от морали, – постольку человеку в его многотрудной социальной жизни, регулируемой разными системами отсчета, уготовано множество ловушек. Вначале, на заре зрелой жизни, зов природы не только не противоречит моральным императивам здорового общества, но и находится с ними в трогательном согласии. Семья, основная ячейка общества, создается с санкции и общества, и природы.

Неизбежное рассогласование малосовместимых регулятивов обнаруживается позднее, тогда, когда человек уже, как правило, «нажил» себе почтенные права и обязанности, которые в один прекрасный день оборачиваются узлом неразрешимых проблем. Дело в том, что природа программирует вечную тягу к новизне, вследствие чего сексуальное влечение последовательно и неизбежно переключается на все новые и новые объекты – не потому, что «старые» становятся плохими, а потому, что природа заботилась о выживании рода человеческого, а не о его моральной чистоте.

Как бы то ни было жена – это не кукла Барби, от которой можно отмахнуться, словно от надоевшей забавы. Мужчина тайно или явно стремится к другим женщинам – а долг по отношению к жене и детям висит на нем цепями и веригами. Вот вечный сюжет нашей жизни.

В подобной ситуации, как говорится, возможны варианты. Кому-то легче остаться, чем уйти к другой, кому-то – наоборот. Кто-то вообще предпочитает со временем свободу и одиночество. (Оговорюсь: я имею в виду людей приличных, достаточно крупного нравственного калибра, для которых обрисованные экзистенциальные ловушки составляют реальную проблему в жизни.)

Во всяком случае, можно «понять» и природу, и мораль, целесообразность функций которых трудно отрицать. Расплачиваться за все приходится человеку. Альтернатива проста: или мыкай век с самой замечательной избранницей, которой невозможно предъявить ни одной мало-мальски обоснованной претензии (но охота пуще неволи. разлюбил – принимай к сведению), или уходи к другой, которая хороша пока только тем, что молода и не успела надоесть.

Человек оказывается без вины виноват. Уйдет – и невозможно избежать

морального (авто)порицания: брошенные дети и жена, как тот пепел, вечно будут стучать в сердце и стоять в глазах.

Не уйдет – в глазах будет стоять собственная бесцветная жизнь, принесенная в жертву Высокому Долгу. Понимая, что он обречен бросить вызов либо природе, либо морали и осознавая также, что даже победа приведет его к поражению, нормальный человек часто вынужден идти на мучительный компромисс (мучительный, но, очевидно, в чем-то существенном более достойный, чем бездарное противостояние собственной двойной, культурно-естественной природе): сохраняя семью, иметь интерес на стороне. А дальше – возможны варианты...

Если уж от судьбы не уйти, то, смотря правде в глаза, предпочтительнее быть страдающим жизнелюбом, живой и творческой личностью, нежели замшелым лицемером-моралистом или животным эгоистом-циником, авторитетным типом духовного плебея (который сегодня активно прорабатывает культурный имидж «плэйбоя»).

Трудно остаться полноценным человеком в схватке с двумя стихиями. А по-другому им стать нельзя.

В мире, скроенном по лекалам идиотов, жить тем труднее, чем умнее ты становишься. С течением времени всё невыносимее нести на себе метку этого, родного и тебе, мира. Ведь жить в гармонии с лучшим из миров, далеким от совершенства, – значит самому поощрять в себе склонность к дисгармонии, т.е. к идиотизму. Нет в мире совершенства – означает дефицит регуляции от разума.

На фоне достаточно мрачной в отношении к приемлемым нравственно-философским критериям картины островками радости все более и более становятся ценности «низа». Гастрономические, амурные, телесно-оздоровительные соблазны уже не просто украшают и разнообразят жизнь, но несут на себе, по сути, философскую нагрузку, несводимую, конечно, к элементарному гедонизму. Речь идет о единственно эффективной защите жизни: витальном восторге, компенсирующем скудость ментальной эйфории.

Трезвый взгляд на женскую природу заставляет хладнокровно констатировать: женщины главным образом предназначены и приспособлены под нерассуждающую жизнетворящую и жизнесберегающую функцию – перемещение, движение генетической базы homo sapiens во времени. Природа не любит шуток, и женское начало

всецело формировалось как самодостаточное звено в цепи жизнеобеспечения человека. Шутки шутить женщины начинают уже в зрелом социуме, когда они, униженные и оскорбленные, считают делом чести претендовать (со свойственным им где тонким психологизмом, а где истеричной агрессивностью) на роль культурного героя, демиурга. Узурпация роли и функции мужчины, отца не только потомства, но и культуры – самый настоящий абсурд. Женщина – мыслитель, творец культурных смыслов... Это, так сказать, божественная шутка. Она немало повеселила бы самого Творца, если бы он был, однако по меркам общества легчайший вселенский абсурд оборачивается подлинным социальным бедствием.

Женщина рождает дитя, т.е. часть ее тела начинает свою отдельную, самостоятельную жизнь. Это она сама, только предельно беззащитная, абсолютно беспомощная. Как уберечь, защитить свою ранимую плоть?

По отношению к детям в женщине развивается комплекс нежно-сентиментальных чувств. Вот откуда в женщинах, особенно имеющих детей, способность к эмпатии, вчувствованию, сочувствию. Возможно, это наиболее впечатляющий женский дар: чувствовать интересы другого, а иногда и жить ими.

С другой стороны, по отношению к потенциальной угрозе ее чаду в женщине развивается комплекс агрессивности, жестокости, я бы сказал, морально и психологически мотивированной наглой стервозности. Вот откуда двойственный лик прекрасной половины человечества: она и мадонна, и мегера одновременно.

Любой фанатизм, экстремизм, любое впадение в крайность – ложно и пагубно. Даже самое святое, самое целомудренное чувство в случае абсолютизации коварно истребляет само себя. Достоинство в «чистом виде» – это другое название порока. Реальное достоинство никогда не бывает беспорочным, истинное достоинство всегда с примесью своей противоположности.

Почему?

Умеющий отвечать на этот вопрос – всего лишь интеллеktуал. Умеющий задавать его себе и всякий раз переживать фатальную несуразность ответа (сопровождающегося полным интеллектуальным блеском) – человек умный. Глубина вопроса в том, что это «больной» вопрос. Ответ есть, и ответ правильный, исчерпывающий. Но он не снимает вопроса, потому что это

вопрос не только ума, но и чувства.

Вопрос о «положительно прекрасном человеке» очень тонко и глубоко решен Достоевским (независимо от того, что субъективно вкладывал в его решение писатель; модель – гениальна): святым, идеальным человеком может быть только «идиот». В широком смысле – человек ненормальный, ущербный, патологически кроткий. Он лишен (природа «выключила» эти программы) обычной человеческой агрессивности, а вследствие того – технологии удовлетворения хищных потребностей. Искомый идеал – психически и физически больной человек, кроткий в силу ошибки природы.

Нормальный человек обречен действовать по-хищному нормально: отвоевывать жизненное пространство, тяготиться моральными узами, быть послушным инстинктам. То есть быть существом в массе своей хитрым, коварным, безнравственным, практически беспринципным – до тех пор, пока бесы инстинктов не выработают ресурс. Тогда лишь можно подумать о душе. Такой вариант «душевного прозрения» может удовлетворить только слабоумных. При чем тут «душа»?

Для ясномыслящих невыдуманная святая кротость, к сожалению, имеет один реальный облик: душевнобольного, идиота.

Что лучше: пессимизм или оптимизм?

Это вопрос, поставленный идеологически, ставший вопросом психологического отношения, оценки, а не познания сущности. Оптимистам подавай «фабрики грез», миражи, утопии, в которых они видят светлое будущее (или мрачное – но уже прошлое), так или иначе отвлекаясь от реальности. Нет ничего проще, чем быть оптимистом – если только бог смилостивился, и не слишком одарил интеллектом.

Пессимисты становятся таковыми тоже отнюдь не в силу глубокого постижения реальности. Они тоже видят то, что хотят видеть, а не то, что есть на самом деле: они тоже живут в мире иллюзий. Им нужна «фабрика антиутопий». Пессимистами, как, впрочем, и оптимистами, становятся тогда, когда это облегчает жизнь.

Указанные два способа манипуляции гаммами чувств есть просто форма психологической защиты, форма приспособления к реальности – путем ее «незамечания» или замещения. На самом деле действительно тяжелая ноша – это ноша реалиста, т.е. человека, умеющего отличать реальность от миражей и не боящегося делать это. Реалист не может позволить себе ни

роскоши светлого идиотизма оптимиста, ни кокетничанья пессимиста. Реалист вынужден приспособливаться к действительности не через миражи и соответствующие комплексы ощущений, а посредством глубокого самопознания.

Не унизиться до позиции оптимиста или пессимиста – вот задача человека мыслящего.

Интеллектуальная честность и добросовестность – вот межа, разделяющая людей на трудносовместимые духовные породы.

Если для одних «стать честным» означает обречь себя на общение с вечностью, живя в невыносимом мире людей, то для других этот же духовный императив содержит противоположный смысл: приятно пожить одним днем, сделав вечность вотчиной «духа святого». Человеколюбивые идеологии вторых считаются богоугодными, так как они облегчают жизнь детей Адама и Евы, вручая ее под покровительство небесных сил; трезвое и безбожное (следовательно, негуманное) отношение к миру первых – дерзкое безумие, ибо оно уничтожает посредника между человеком и вечностью, заставляя никому не обязанного своим появлением на свет *homo sapiens*'а принимать всю ответственность за жизнь исключительно на себя.

Первые – образец духа могучей личности, вторые – хилые интеллектуальные недоноски.

В жизни слабость вторых становится источником титанической силы, тогда как сила первых оборачивается полной неконкурентоспособностью в рамках правил игры абсолютного большинства – вторых.

Мир существует в двух пересекающихся измерениях, каждое из которых возможно благодаря другому, становится неполноценным, если представить себе исчезновение другого, и в то же время каждое из которых стремится к поглощению другого.

Вот почему мир един, что свидетельствует не только о его совершенстве, как принято считать, но и о несовершенстве.

Мир просто – един.

Благородство – качество трагическое, ибо рождается оно благодаря странной способности и склонности ежеминутно видеть и истреблять в себе скотоподобное начало. Начало же это, надо отдать ему должное, неистребимо, а указанная способность живет до тех пор, пока пульсирует неподкупное стремление знать всю правду о себе.

Став на стезю благородства, человек рискует потерять всякое уважение к

себе и другим, поскольку уважение замешано на иллюзорном представлении, согласно которому благородство как «чистое» и «святое» качество всегда с успехом противостоит «нечистым». Благородство едва ли не приравнивается к воспитанности и воспринимается настолько легкомысленно-естественно, что неблагородство выглядит просто как недоразумение и конфуз.

При ближайшем рассмотрении благородство как черта мировоззренческая оказывается импульсом и итогом немилосердной акции саморазоблачения.

Остается уважать себя за честность, за мужество признать благородство человека мифом.

Вот на этом фундаменте может возникнуть здоровое отвращение к унижительной зависимости от натуры, а на основе отвращения – благородство как привычка преодолевать натуру культурными усилиями.

Такое мужественное и грубое благородство не имеет ничего общего с жеманной претензией прослыть благородным, т.е. при случае элегантно поступиться эгоистическим интересом, преследуя при этом другой свой интерес.

В сущности, человек есть нравственное существо. Но мы всегда ощущаем дефицит нравственности. Отсутствие же ее означает присутствие начала животного, которое всегда стремится вытеснить «врага», ослабить верховную духовную узду. Поэтому граница нравственного и животного, культуры и натуры в личности – *зыбка, подвижна, проницаема*.

Вот эту решающую особенность человека мы никак не можем принять к сведению в должной мере.

«Правильно думаешь – правильно поступаешь,» – примерно так считал Сократ.

Что значит правильно думать? Это непростой вопрос. Правильно ли думает рыбак, меняя маленький крючок на большой и скаля зубы в предвкушении богатого улова от своих правильных действий?

Правильно ли поступает человек, отпускающий на волю красивую рыбу?

Правильно распорядиться своей жизнью, этим случайным и бесценным даром, могут только мудрецы, ибо им дано видеть в жизни нечто большее, чем непрерывную охоту и наживу, и потому они часто поступают вопреки элементарной логике жизни-охоты, жизни-потребления. Им доступна жизнь-

созерцание, жизнь-подвиг, жизнь-наслаждение, жизнь-трагедия...
Правильное для одной жизни – неверно для другой.

Надо учиться думать, чтобы думать правильно, и только потом уже от человека можно ждать поступка, а не судорожных хватательных действий.

Проблема нравственного поведения заключается не столько в невозможности осознанного контроля за своими действиями, сколько в невозможности сдерживать бессознательные влечения, всегда корректирующие поведение. Порядочный человек знает, что он должен делать; но выше его сил удержаться от того, что он делать не должен.

Благополучие и успех не очень способствуют глубокому и бескомпромиссному самопознанию. Философию жизни по-настоящему удастся постичь тем, кого фортуна без всяких шуток ставила перед проблемой выживания и кому при этом удалось уцелеть.

Изучать же философию жизни в лабораторных условиях все равно, что штурмовать северный полюс по карте или знакомиться с проблемами семьи по учебнику.

Если труд создал человека – а эта версия представляется наиболее убедительной и всесторонне оправданной – то следует иметь в виду, что отсутствие труда ведет к разрушению самих основ человека, к деградации.

Труд души и интеллекта может при стечении благоприятных обстоятельств создать значительную личность. Видимо, существует прямая зависимость между количеством затраченных духовных усилий и качеством личности.

Если это так, то это означает только одно: отсутствие труда духовного влечет саморазрушение личности. Ибо труд, создав человека, становится условием его нормального существования.

Есть одиночество и одиночество. Одно из них является состоянием

преимущественно психологическим, и разделить такое одиночество означает сопереживать, сочувствовать, душевно общаться. Такое одиночество – легко рассеивается при контакте с друзьями.

Другое – состояние из «регистра» мыслительного; чтобы перестать быть одиноким в этом случае, надо чтобы тебя хоть кто-то понимал, разделял всю глубину и сложность твоего мирозерцания. Такому одиночеству не поможет обществом друзей. С таким одиночеством вообще бывает не к кому идти.

Переполненный автобус – модель ада для человека, который имеет представление о ценности достоинства.

Однако переполненный автобус, честно говоря, пустяк. В жизни есть еще тьма моделей ада. Жизнь превращает в ад не что иное, как полноценное чувство собственного достоинства; но отсутствие его не делает жизнь раем.

Редкие люди уникальной породы доживают до старости – и при этом продолжают развиваться, совершенствоваться, т.е. продолжают мыслить вглубь. Чаще всего развитие человека заканчивается гораздо раньше его физического исчезновения. Почему же так сложно в старости оставаться мыслителем?

Да потому, что отваживаться мыслить, т.е. быть выше жизни, когда ее уже фактически не осталось – это из области дьявольско-мефистофилевской гениальности. Ум-то ведь развивается и поддерживает кондиции «за счет» жизненных противоречий и коллизий, а не сам по себе. Значит надо сохранить в себе нечто от жизни, не имея стимулов жить.

Думаю, что чудес не бывает, и стимулом жизни может выступать только зов инстинктов, но никак не шелест ума. «Живу исключительно благодаря уму» – такого мыслитель не скажет.

А вот крепкая натура, чувствительная к сокам жизни, умеющая сберегать витальные ресурсы, имеет шанс и дальше беспощадно их истреблять. Обычно же стариков едва хватает на то, чтобы бессознательно тлеть, жить в режиме фактического возвращения в природу, а лучше «к Богу», из недр которой и промыслами которого они когда-то пришли в мир, чтобы дерзко порезвиться, ощущая бесконечный запас жизненной энергии. Так жизни придается несуществующий смысл. Молодой не боится умирать, потому что не знает еще, что бросает вызов жизни и богу; старый вынужден глупеть, если хочет продлить жизнь вечно.

Откуда же, интересно, повелось изображать мудрецов дряхлыми редкобородыми старцами, с букетом явных признаков вырождения, самым невинным из которых можно считать слабоумие?

Миф о старцах придуман интеллектуальными младенцами, устами которых (а это уже плод измышлений старцев) почему-то решила глаголить истина. Детский лепет и старческий маразм, конечно, имеют много общего, но не стоит называть это мудростью. Допотопные старцы-мудрецы – это аргумент тех, кто умеет только верить, кто всю жизнь готовится умирать, не имея времени и сил думать и жить.

Мудрецов надо искать на спортивных и танцевальных площадках среди людей зрелого возраста – среди тех, кто ведет себя не по годам легкомысленно. Когорты солидных мумий-дегенератов, которых держат за эталон мудрости, – всего лишь месье жизни интеллекту. Шутки глупой жизни тоже бывают остроумны.

Чего боятся люди, когда они боятся смерти?

Физического уничтожения? Но психологически этот барьер преодолеть не более сложно, чем броситься в ледяную воду.

С умственной, отвлеченной точки зрения бояться тоже особо нечего: смерть в определенном смысле есть наилучшее, радикальное разрешение всех проблем.

Основное содержание неосознаваемого страха, помимо безотчетной воли инстинкта самосохранения, инстинкта жизни, составляет *страх покинуть навсегда людей*, то есть *остаться одному*. Это – духовно-психологический корень страха смерти.

А теперь спросим себя: когда человеку бывает хорошо с другими, когда он наиболее привязан к людям и жизни?

Тогда, когда в качестве главной регуляции межличностных отношений выступает не прагматически-утилитарный, а нравственный кодекс, когда люди ведут себя как люди. Уберите нравственный регулятор – и жизнь становится бесцветной, функциональной, недостойной человека. Перемолоть челюстями несколько тонн деликатесов и понежить тело в комфорте – вот кредо сегодняшней эпохи без идеалов, усталости от идеалов, а значит и усталости от жизни.

В сверхсложном духовном мире личности все сводимо вместе с тем к неким уровням простоты: единственно сдерживающим фактором, противостоящим хищному прагматизму, являются непрагматические, т.е. нравственные императивы. Уберите нравственность – и вы получите образцового прагматика. Напротив, нравственная ангажированность делает прагматика ущербным.

До сих пор человечество так или иначе ориентировалось и ориентируется на идеалы духовности; лучшие люди старались выдумать нечто такое, что делало бы жизнь человека духовно все более и более совершенной. М.Л. Кинг потряс прагматичную до мозга костей Америку золушкиной интонацией: «У меня есть мечта...».

А мы сегодня отказываемся от утопий, провозглашаем курс на прагматизм – и получаем то, что и должны были получить: породу людей, сладострастно продолжающих традиции пирроновой свиньи. Идеальная недостижимость благородного принципа «человек человеку брат» заменена девизами паханов: миром правит «братва» и «даешь пир во время чумы». И что самое печальное – «братва» легализовалась, подонкам никто не возражает; они почувствовали себя «людьми», поскольку их правила игры ничем не отличаются от правил вождей «в законе». В обществе не осталось нравственных авторитетов, их сменили просто «авторитеты»; уголовщина, т.е. абсолютные прагматики, правят бал.

Разочарование в людях приводит лучших, элитных человек к катастрофическому преодолению страха смерти. Если что и держит на плаву, так это точно не любовь к людям; отвращение же ко всеобщему свинству – не лучший стимулятор жизни.

Любовь к природе, редкое общение с избранными близкими, возможность порадовать тело – вот скудные удовольствия приличных людей. Жизнь, лишённая нравственного смысла, становится бесцветной, пустой, бессодержательной, скучной...

Благодаря чувству целостности во мне зреет и обостряется чувство маргинальное. Именно маргинальность как обратная сторона универсальности становится способом существования. Я не вписываюсь целиком и без остатка ни в одно из известных мне измерений – не из каприза, а из нравственно-познавательной потребности. Я – русский, но вырос в Таджикистане, а живу в Белоруссии; будучи филологом, склонен к философии (разумеется, и там, и там я одинаково чужой); живя семьей – стремлюсь к одиночеству; занимаюсь наукой, предмет которой в силу своей специфичности не является научным в традиционном смысле: вот почему изложение материала требует более чуткого внимания к проблемам стиля, чем это принято в собственно науке; взращен я на традициях западного рационализма, а приходится существовать в среде во многом азиатского менталитета; я отнюдь не аскет, но пальцем не шевелю, чтобы приблизить достаток; не уважая коллег, вынужден заручаться их поддержкой и благорасположением, чтобы войти в круг так называемых избранных: это лучший способ ограждать себя от общения с коллегами; чувствуя мощь

аналитического ума, я вынужден прикидываться интеллектуальной овцой; и т.д. Короче говоря, свой среди чужих, чужой среди своих.

Мне дано не просто видеть относительность всего, но жить по принципу дополнительности. В результате у меня сформировался комплекс «человека познания» (Ницше), комплекс мудреца. Дело в том, что если человек действительно и с вескими на то основаниями считает себя «аристократом духа», то со временем у него неизбежно проявляются черты особой духовной породы. (В данном случае я рассматриваю это не как предмет гордости или тщеславия, а как объект для изучения.)

Что роднит Сократа, Платона, Шопенгауэра, Ницше?

Чувство избранности. Их могучий интеллект настолько очевидно не соразмерен здравому рассудку, необходимому, чтобы прожить «достойную» жизнь, что проблема своей ниши превращается в их крест. Они безо всякого кокетства буквально чувствуют себя богоравными среди самых обычных людей. Каким-то образом им удается обнаружить главный человеческий «механизм» – и потом всю жизнь делиться сокровенным знанием, вначале с недоумением, а потом и с ужасом понимая, что мозги окружающих устроены на какой-то удивительный манер, не позволяющий им видеть и воспринимать, казалось бы, очевидное. Сталкиваясь с дремучим мифологическим сознанием, мудрецы рано или поздно приходят к выводу, что люди вокруг них – «всего лишь человечество», стадо умственно ограниченных существ. На смену благим порывам «послужить» людям приходит культ личности, избранности, уникальности, с присущей этому мироощущению трагической изнанкой.

По-человечески легко понять тех, кто, осознавая свой дар, вынужден считаться с мнением идиотов. Известная озлобленность, а то и брезгливость по отношению к духовному «быдлу» так естественна со стороны тех, кого всю жизнь ничтожество третирует, объявляя ненормальными, сумасшедшими, недоумками.

Чувство избранности приходит не от ущемленного тщеславия, не от неоправданно завышенного самомнения (это было бы неполноценное чувство избранности, даже лжеизбранности) – а как приговор, как трезвый и беспощадный диагноз. Мудрец начинает чувствовать себя обязанным только по отношению к истине, мнение же окружающих для него превращается в пустой звук, и даже в отсутствие звука. В известном смысле он становится выше людей. При желании можно и поиронизировать над «сверхчеловеками», королями без королевства; с другой стороны, достойна сочувствия их способность к познанию, безжалостно возвысившая их над людьми.

В таких случаях, как мне кажется, спасает все то же чувство маргинальности: чем дальше ты в духовном смысле дистанцируешься от непосвященных (процесс, увы, неизбежный и оправданный), тем более необходимо спутывать себя нитями общественных связей. В определенном

смысле надо всегда быть «как все».

Мне как маргиналу хочется побывать и быть во всех шкурах: в молодости – шалопаем, в зрелые годы ощутить силу мысли, но одновременно в молодости предчувствовать свою незаурядность, а по зрелости не утратить некоторой склонности к легкомыслию.

Сила моя, как я ее ощущаю, проявляется в том, что я способен понять всех, давая при этом прочувствовать другим мою установку на принципиальность: понимать еще не значит одобрять, а тем более разделять. Слабость моя, если угодно, вытекающая из так обозначенной «силы», таится в осознании того, что вряд ли я могу быть понят в настоящих масштабах, а потому моим делам житейским так не хватает пафоса амбициозности.

Я восхищаюсь, если распространить мое чувство целостности на высокую культуру, оригинальными и глубокими подходами всех настоящих мыслителей, которые в своем культурном климате и контексте сумели обнаружить сносшибательный ракурс и перевернуть, по отношению к общепринятым догмам, мир с ног на голову. Но до сих пор мыслители полемично увлекались акцентами, абсолютизируя верный, но тем не менее *один в ряду равноправных других*, момент. Целостная картина мира всегда карикатурно искажалась в угоду «акценту». Таков результат мышления от противного.

Все мыслители, противоречащие друг другу, правы. Теперь необходима правота иного порядка, которая могла бы объединить их всех, указав на относительную правоту каждого. Человечество накопило и в политике, и в экономике, и в области нравственности и философии столько программ-вариантов и такого качества, что настало время разглядеть их внутреннюю зависимость и взаимообусловленность.

Маргинал-сверхчеловек всегда был, есть и будет; он всегда противостоял норме, которая является таковой только в известном отношении. Пора уяснить, что путь к истине лежит не только через борьбу и противостояние (мы же привыкли: борьба за истину, в споре рождается истина) – но и через способность к согласию, компромиссу; *путь к истине маргинален*, как маргинальна и сама истина. Установка на конфронтацию выдает воинствующих идеологов, духовность которых зиждется на изжившем свой позитивный ресурс архетипе: пусть мир рухнет, а истина останется. Немаргинальное мышление фанатиков, допускающее, что из двух истин одна всегда неистина, что «истина» важнее «неистины» настолько, что последнюю можно объявить вне закона без ущерба для первой, – такое мышление становится самым тяжелым недугом культуры.

Мир – един, а потому да здравствуют мыслители-маргиналы, которые и истиной не поступятся, и мир при этом сохранят.

РАЗДЕЛ 6.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИУМА

Импровизация на тему Паскаля.

«Уточняйте значения слов, и мир избавится от половины заблуждений» (Паскаль).

В дополнение к формуле: прекратите споры идеологические – и мир избавится от половины заблуждений; уточняйте значения слов – и мир избавится от второй половины заблуждений. Наступит прозрение: путь к истине расчищен, и миру незачем больше блуждать в искусственно созданных потемках.

Если люди все же прикоснутся к истине, то они поймут, что стремление к ней было самым большим, роковым заблуждением. Тогда они прекратят уточнять значения слов и возобновят бессмысленные идеологические споры – до тех пор, пока не забудется вкус истины...

Суть предлагаемого мной концептуального подхода к личности и культуре заключается в том, что выделяются *два типа управления* всей находящейся в распоряжении человека информацией (в т.ч. самого высокого – духовного – порядка): во-первых, *психологический*, основанный на стремлении к приспособлению; отсюда – манипуляция человеком, а не предметным, вещным миром, который (мир) требует особого информационного подхода (а значит – и управления); во-вторых, *абстрактно-логический, теоретический*, ведущая функция которого – не приспособиться за счет психологической манипуляции, а познать объективные свойства «вещей» и в результате этого приспособить их под человека.

Разумеется, наличие двух типов управления не означает, что один из них «правильный» и достойный права на жизнь, а другой – ущербный и вследствие этого обреченный на культурную дискриминацию. Метафизический принцип «или – или» только запутывает дело. В полном соответствии с диалектическим принципом дополнительности выделенные противоположности *нуждаются друг в друге* для полноценной жизнедеятельности, наличие одного предполагает непременно существование другого. Проблемы, собственно, возникают тогда, когда один

тип подменяет другой, узурпируя несвойственные ему функции.

Тем не менее, разница между ними – принципиальная. Настолько, что, по существу, можно выделить *два типа культуры* в соответствии с преобладанием типа управления духовностью. Линия водораздела интуитивно нащупана давно. Названия культурам даются разные: рациональная – иррациональная, Запад – Восток и т.д. К сожалению, объяснение принципиального различия культур часто дается в духе «восточном», психологизированном, и не стремящимся к ясности (в соответствии с доминирующим типом управления). Типичный пример: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им не быть вместе» (Р. Киплинг). Взаимопроникновение «западных» и «восточных» элементов имеет место, однако в целом статус кво сохраняется.

Значительно реже в обозначенном контексте говорят о мужчинах и женщинах. А ведь вся специфика так называемой мужской и женской логики заключается именно в превалировании либо абстрактно-понятийного, мужского, начала (и, соответственно, в обнаружении «логики вещей»), либо – в субъективно-психологическом управлении, порождающем логику приспособления (женскую логику наизусть, антилогику).

Дело, конечно, не в том, что женщины из-за несовместимости менталитетов создали свою культуру в пику мужской. Дело в том, что женщины и мужчины в разной степени предрасположены к разным типам культуры.

А теперь давайте с этой точки зрения посмотрим на социально-духовную роль женщины в современном обществе. В начальной и средней школе преобладают женщины-педагоги. Какие основы культуры мышления закладываются теми, кто природой сформирован под психологическое управление?

В университетах преобладают женщины-ученые. Легко догадаться, каково состояние науки (особенно – гуманитарной, где безраздельно господствует слабый пол; эти науки по праву можно назвать женскими), которая «двигается» усилиями тех, кто не делает различия между «думать» и «знать», мыслить и хитрить, познавать и приспособливаться.

В СМИ преобладают женщины...

Несмотря на то, что высокую культуру создали мужчины, воспроизводство культуры становится все более уделом женщин. Эпоха демократии уравнила в правах всё, даже мужчину и женщину. Но уравнивать в правах психику и сознание демократия, продукт сознания, все же не может.

Если бы женщине можно было объяснить, она бы в конце концов поняла, что у нее свое, достойное место в культуре. Узурпация мужских функций не только искажает духовный климат в обществе, но и уродует женское естество.

Рожденный чувствовать – не может мыслить (читатель сам произведет корректировку в соответствии с принципом дополнительности). Думаю,

данная закономерность сказывается как на индивидууме (будь то мужчина или женщина), так и на целой нации. В жизни встречаются варианты (хоть и крайне редко) «обоюдной» эмоционально-психологической и интеллектуальной одаренности.

Думаю, главное, что происходит сейчас в гуманитарных науках, сосредоточено вокруг одного пункта: в осознании четкого и принципиального размежевания психики и сознания, которые, вместе с тем, остаются сообщающимися сферами. При всем сходстве сознаний, возникающих на базе преимущественно психики и собственно сознания (назовем их соответственно *моделирующим* и *рефлектирующим* типами мышления), разница между ними *принципиальна*. И это не просто нюанс в трактовке деятельности сознания, а кардинально иной взгляд на человека, его ценностно-духовный мир, на всю созданную им культуру. Настолько иной, что заставляет человека новыми глазами увидеть привычно, автоматически мистифицируемый мир.

Новая концепция проста (без скрытых намеков на гениальность, значение которой, кстати, несоразмерно преувеличено), но она способна объяснить главные фокусы творящего и аналитически-разрушающего сознания. Она способна объяснить самые необъяснимые, ставящие в тупик загадки культуры.

Материалистическая диалектика, грамотно, с чувством меры и такта и, я бы сказал, изящно распространенная на сферу взаимодействия психики и сознания, думается, способна дать результаты, которые могут определить главные тенденции в развитии науки в XXI столетии.

Гуманитарные науки можно разделить на «объясняющие» и «описывающие» (теоретические и исторические). Между теорией и историей (даже в рамках отдельной дисциплины) все еще нет органической взаимосвязи. Только первые являются науками в собственном смысле, ибо объяснение фактов и есть сверхзадача научного сознания. Объяснять – значит смотреть «сверху вниз», теоретически вторгаясь в стихию эмпирики с целью смыслового упорядочивания фактов. Идти «снизу вверх» – невозможно. Поэтому обилие информации, создающей впечатление, что факты, якобы, говорят сами за себя, – характерный признак младонауки.

Если уж быть совсем точным, то описание, подменяющее объяснение, – это, в сущности, рецидив мифологического сознания. Отождествление

описания с объяснением является безошибочной характеристикой уровня мышления, роднящей «мыслителя» с методологией первооткрывателей-мифотворцев.

Описательность и зачаточная концептуальность, невнимание к корням и первопричинам явлений – главный порок сегодняшней стадии развития гуманитарных «наук».

Науки естественные и технические подошли к таким рубежам, переходить за которые становится просто опасно. Опасно – для человека. Нравственный фактор становится преградой в исследовании процессов клонирования, предчувствие «ядерной зимы» заставляет пересмотреть отношение к «мирному» атому.

Мало кто понимает, что в науках гуманитарных также есть проблемы, по сравнению с которыми клонирование покажется забавой наивных и безобидных потрошителей. Проблема взаимодействия психики и сознания на высших своих «этажах» становится проблемой разделения личностей, наций, цивилизаций, культур, на основании *высших культурных ценностей*.

Есть нации – нравственные и интеллектуальные уроды. Вы готовы принять такое?

Всемирно признанные художественные гении часто оказываются в другом отношении всего лишь жалкими крестинами. Вы способны это переварить?

Человечество живет благодаря тому, что ежесекундно врет себе, обильно и изощренно. Жить – значит обманывать себя, значит издеваться над истиной. Вы и после этого готовы отказаться от иллюзий?

Это проблемы от века, этого века и на века. В философии есть рубежи, к которым категорически возбраняется подпускать – даже не дураков, а – неготовых к восприятию «зарубежных», запредельных проблем. Значит, надо учить трезво относиться к себе. Тогда клонирование с атомом станут просто техническими ребусами.

Познай себя, сумей трезво отнестись открывшемуся тебе, наберись мужества узнать всю правду о себе, чтобы и дальше познавать себя – вот путь достойный. Это не путь к счастью, успеху, благополучию. Это путь достойный.

Такова главная задача человечества, и мы ничего не делаем для того, чтобы осознать ее как главную, уже не говоря о том, чтобы решать ее. Вам и это кажется ерундой, не так ли?

Вопрос нашего выживания зависит не от успехов генной инженерии, а от того, насколько мы будем готовы принять добытое сознанием.

Казалось бы, в XX веке уже пора бы в массовом порядке склониться не к мифологическому, а к философско-аналитическому освоению мира. Ведь все предпосылки к этому налицо: опыт, учителя, методологии, СМИ.

Но все в жизни противоречиво.

Именно XX век как никакой другой обострил тягу людей к транквилизаторам до степени всеобщего бедствия. Сама динамика жизни, фатальная неразрешимость проблем, количество затрачиваемых усилий, необходимых для выживания, — все это заставляет людей постоянно «расслабляться», чтобы подготовиться к очередному жизненному рывку.

Психология людей деятельных требует режима периодического «переключения» или «отключения»: после изматывающей активности жизненно необходим восстанавливающий отдых. Вот почему серьезная мировоззренческая, духовная работа оказалась не в почете даже у тех, кто в принципе не против относиться к ней серьезно. В результате и в искусстве, и в искусстве мыслить, и во всей массовой культуре востребована та продукция (в основном образно-зрелищная), которая несет исключительно развлекательно-терапевтическую нагрузку.

Вот где истоки возврата к неомифологизму, к клипповому сознанию, к религиозно-мистическому (почти первобытному) приспособлению к реальности.

Главные праздники человечества — по-прежнему религиозные. Главные зрелища — спортивно-гладиаторские поединки.

Главное искусство — «живые картинки», отвлекающие от живой мысли.

Все это — транквилизаторы духа, делающие все, чтобы облегчить решение главной проблемы современного человека: не думать.

Западная цивилизация вся создана и держится «инстинктом функциональности», ставшим второй природой *homo pragmaticus*.

Славянская душа до сих пор культивирует «инстинкт субстанциональности», в любой ситуации делая главными вопросы: «ты меня уважаешь» и «как жить не по лжи».

Проблема, как всегда, не в том, что «лучше», что больше нравится, а в том, какие сущностные силы действительно актуализирует тот или иной тип жизнедеятельности. Нельзя не видеть, что западный вариант гармонии человека культурного со средой, с космосом, делает акцент на способности к преобразовательному началу, опирающемуся, по определению, на возможности сознания к адекватному отражению объекта, вырабатывая тип мышления и языка под задачу, под функцию, под информацию. Только так

можно эффективно манипулировать объектом, реально преобразовывая его под реальные потребности.

Но есть и другая, столь же объективная, возможность для относительно гармоничного существования со средой обитания: не преобразовывать ее под себя, а преимущественно приспособливаться к ней, акцентируя тем самым иные духовные резервы. Если субъект не замкнут на внешнем объекте, точкой приложения его сил становится он сам как главный объект. Созерцательная рефлексия, склонность к самопознанию и «самокопанию» (правда, без соответствующего мыслительного инструментария, который нарабатывался, в основном, западной цивилизацией; славяне мыслят лениво, т.е. мыслят не мысля, т.е. мыслят художественно) – вот характерная черта загадочной славянской души.

Думаю, что «корыстный» Запад, по самому большому счету, не менее нуждается в «бескорыстных» русских, чем последние в первом («корыстный» и «бескорыстный» в данном случае обозначают культурные векторы, проявляющиеся в высокой культуре, а не повседневную ориентацию обывателя). Надо, наконец, осознать, что Запад и Восток – это разные лики одного: природного феномена под названием человек. С точки зрения высокой культуры (а прикладная культура в разговоре о сущности и возможностях человека не может служить решающим аргументом), самый функциональный Запад начинен глупостью не меньше, чем земли русских, страны дураков и мошенников.

Призывы к этно-культурной идентификации надо оставить попам, ксендзам и пасторам (неважно, в каком обличье они выступают – политиков, ученых, художников, философов и т.д.); это тоже, к несчастью, необходимо. Разбираться же с человеком надо тем, кто умеет видеть Восток как недостающий компонент Запада, и наоборот; видеть целостность мира и человека. И наряду с моделью мира человека идеологического пора, наконец, завершить модель мира с позиций человека разумно-рационального, обладающего научно-философским сознанием. И в основу концепции регулирования мира следует положить, скорее всего, не идею силового противостояния, генетически связанную с реликтовым поведенческим архетипом (корнями уходящим в особенности «западного» или «восточного» менталитета), а идею регулирования от «человека вселенского», раздираемого между Востоком и Западом и понимающего, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, а человек есть человек.

Представления народов о себе и о других основаны на мифах. Миф, кормящий массу и всегда бывший ее единственной духовной пищей, сегодня демонстрирует все свои исключительно опасные свойства как инструмента познания (в качестве инструмента приспособления миф сослужил благую службу, поставив на крыло человека культурного). Если человек толпы понимает только язык мифа – разговаривайте с ним этим языком; но пусть ответственность за мир и за тех же мифотворцев и мифопотребителей несут

те, кто может и должен это делать. В конце концов, императив здравого смысла не такой уж пустяк.

Детство – юность – молодость – зрелость – старость: это фазы жизни и этапы жизни духа (как по отношению к отдельно взятой личности, так и по отношению к обществу).

Чем характеризуется в духовном плане этап первый – *детство*?

Прежде всего завроженностью миром явлений (а не сущностей), вещным миром, наглядностью, образностью (а не системами абстрактных понятий), интуитивно-приспособительным отношением (а не конструктивно-преобразовательным). Разумеется, по закону целостности в детстве проклевываются уже ростки старости (противоположности, обозначенной мною в скобках). Но по преимуществу детство именно таково: у него есть свое определенное лицо. И лицо это необычайно ярко отразилось в эпоху античности. Пластика вещного мира отчетливо запечатлена в «детском» творчестве Гомера, в скульптуре и архитектуре. Самые большие достижения в искусстве античности связаны с теми видами, где преобладали предметно-вещные формы. И даже гениальные философские предвидения и прозрения – это впервые, «по-детски» увиденные и сформулированные концепции.

Но точно так же, как невозможно постоянно быть немножко беременной, нельзя все время оставаться ребенком. Ребенок обречен вырасти, последовательно переходя от этапа к этапу. Причем у этого пути есть своя незыблемая логика.

Средние века сложно оценить как юность, поскольку особенности, свойственные данному этапу, раскрылись здесь неявно и неярко. Ясно, что это фрагмент незрелости – но такой, где простодушное и гениально-непосредственное детство кончилось, а романтически восторженная, экзальтированная юность, склонная ко всякого рода экстремизму, еще не началась. Это какой-то вариант изуродованного, неполноценного детства, запуганного страхами перед многочисленными демонами.

Юность берет свое с началом эпохи Ренессанса и длится, и расцветает, пока эпоха не изжила иллюзий, лежащих в основе мощного культурного рывка.

Молодость, как мне представляется, начинается вместе с эпохой капитализма. Нарастание трезвости (т.е. изживание иллюзий), стремления увидеть все таким, как оно есть – без прекраснодушных искажений – в сочетании с энтузиазмом, порожденным оптимизмом иных утопий, – вот период глупого счастья. Молодость – это период накопления и первоначальной обработки самой разной информации: противоречивой, разноплановой, необъятной по объему. Молодость неустойчива в своих

воззрениях, ей еще сложно справиться с целым спектром мировоззрений, выработать свою, всесторонне выверенную, «высшую» точку зрения на мир. Это период метаний, бросаний из крайности в крайность. Оно и понятно: кто в молодости не был «левым» (поклонником радикализма) – у того нет сердца; кто всю жизнь остается молодым – у того нет ума.

Пока человечество не дало основательных, серьезных поводов ставить вопрос о наступлении зрелости. Но это в свою очередь не повод для отчаяния. Чем более запутывается молодость, чем больше совершает она ошибок (главное – уберечься от роковых), тем более возрастают у нее шансы и возможности (поскольку накапливается информация к размышлению, аккумулируется опыт) правильно оценить ошибочные стратегии и избрать перспективный путь развития.

Трудная молодость – естественный путь к продуктивной зрелости.

Приверженцы теории локальных цивилизаций склонны объявлять каждую цивилизацию – самоценной. В более широком смысле каждый народ, нация, язык, культура – уникальны и самоценны. И – самое главное следствие – они равноценны.

Любой естественный язык, любой народ – равновелики изначально: просто потому, что они народ или язык. Культурный потенциал очаговых, точечных цивилизаций или просто отдельных народов сравнивать не то чтобы нельзя, скорее неприлично. Считается, что признание одной культуры великой, а другой – менее великой, а то и вовсе незначительной, оскорбительно и унижительно для невеликих. Ни о каком прогрессе, ни о каких объективных критериях при таком подходе говорить не приходится.

Однако у реальности есть свои права, и она не стесняется их предъявлять без всякой дипломатии – в виде фактов, потребностей, возможностей, результатов, перспектив, тенденций. Поборникам этно-культурной уравниловки есть над чем поломать голову.

Любая культура обречена на эволюцию по линии усовершенствования «действий» (применительно к любой области, в самом широком смысле). Чем больше усилий затрачено на усовершенствование действий, навыков, умений – тем более отлажены все культурные манипуляции. Уже простой здравый смысл предполагает неравнозначность культурных результатов. В итоге – есть великие культуры, языки и нации, а есть ничем особо не выдающиеся и не отличившиеся. И ничто так не унижает нацию и культуру, как самонадеянное стремление встать в ряд с великими. Дескать, чем мы хуже?

В данном случае «хуже» – из области претензий на человеческое достоинство. О каком достоинстве может идти речь, когда склонный к

самоуверенности «субъект» низводит всех гигантов до своего полупещерного уровня, когда само наличие гигантов рассматривается как покушение на «достоинство»? И что же нам теперь, подыгрывать «униженным и оскорбленным»?

Настоящее достоинство всегда состояло в том, чтобы уметь воздавать должное: по заслугам, а не по амбициям. Убедившись в превосходстве иной, более великой, культуры, надо не впадать в истерические амбиции, а учиться, если можешь, у тех, кто чего-то достиг. Стать культурным по высшим меркам – вот высшее достоинство. Сколько-нибудь культурно развитому субъекту должно быть очевидно, что надо благодарить гигантов и благоговеть перед ними, ибо именно они – и никто другой – дают тебе шанс стать человеком. Не принадлежность к нации делает тебя личностью и не родной язык; твой культурный портрет определяет способность ориентироваться в едином пространстве культуры. Только духовными убожествами с безнадежными комплексами неполноценности стремление охаять других может рассматриваться как способ самовозвеличивания.

Ясно, что теория линейной эволюции, теория, признающая *относительную ценность* каждой культуры и вместе с тем ставящая во главу угла идею прогресса – объективного, не зависящего от воли, желаний и амбиций нации – будет оцениваться уязвленными собственной бездарностью представителями малокультурных народов как стремление великих духовно колонизировать «малышей», сделать их навсегда «второсортными». Объективная логика, согласно которой возникли и формировались великие и невеликие, в расчет не берется.

Культурные достижения следует рассматривать не только как способ самоутверждения, но и как дружественную руку помощи всем «нечемпионам». Каждый, в принципе, должен иметь право быть культурным. И если это право противоречит праву быть «представителем нации» (т.е. праву не поступаться доморощенными принципами, какими бы варварскими они ни были) – надо выбирать, с кем ты: с истиной и культурой или с нацией.

Массовая культура эксплуатирует расхожие мифы и банальные, прописные истины. Познавательный потенциал масскультуры ограничивается молитвенным набором моральных клише. Поэтому безусловное большинство населения Земли окружено примитивной духовной средой. Духовный фон (а это именно фон, отъединенный от процесса жизни) удручающе беден.

Вся симптоматика налицо, и диагноз очевиден: скудное сознание приемлет только скудный духовный паек. В большем оно попросту не

нуждается.

Благородная задача – сделать всех духовно богатыми – и к сожалению, и к счастью недостижима. К сожалению – потому, что мы все в какой-то степени идеалисты, и нам жаль, что люди такие, какие они есть, а не такие, какими мы хотим их видеть. К счастью – потому, что доступное всем – уже недоступно никому. Интенсивная духовная жизнь – привилегия и наказание весьма немногих. Существует и развивается духовность только потому, что у немногих есть и возможности, и способности жить в соответствии с законами духа.

Все остальные живут по законам джунглей (при этом внешне они могут выглядеть вполне пристойно: фрак, бабочка, декольте, бриллианты). Закон джунглей гласит: все подчиняется силе; сильный подчиняет себе слабого и подчиняется сильнейшему. Жизнь природная была спроецирована на жизнь социальную и стала бесконечным источником аналогий, как только у человека обозначилась способность к первоначальным логическим операциям и простейшим классификациям. Многообразие видов животного мира – ближайший аналог и модель жизни людей.

Если воспользоваться древнейшим методом уподобления и оформить мысль в поэтике мифа, продленного в масскульте, то получится следующая мифосентенция. Все равны перед природой, но в духовном плане есть цари, пернатые, пресмыкающиеся и т.д. Как рожденный ползать летать не может, так и рожденный для джунглей – гибнет на Джомолунгме духа; рожденный чувствовать не может мыслить.

От мифа – через анекдот – к аналитической психологии: таков путь сознания. Массовое сознание всегда застревает на стадии анекдота, то есть моделирующее сознание так и не становится рефлектирующим. Темное сознание становится менее темным, светлым же (т.е. собственно сознанием) – никогда.

Пауза между мифом и анекдотом – стремительно сокращается. Мы стали свидетелями практически одновременного появления мифа и анекдота, главный персонаж которых – фигура «нового русского». Можно ли рассматривать нынешнее бестрепетное отношение к мифу как свидетельство рационализации массового сознания, как иммунитет к мифу?

Или это только непочтительное отношение именно к данной мифологической фигуре? Появится иная фигура, способная саккумулировать

психологическую энергию масс – и миф вновь будут казаться вечным и неприкасаемым?

Думаю, энергичное отторжение одного мифа есть всего лишь выражение потребности в «настоящем» герое, но не свидетельство осознания технологии мифа и его специфических функций (что можно было бы назвать уже рационализацией сознания). Сон разума еще крепок...

Или вечен?

Где и когда появилась религия, где и когда – на индивидуальном и общественном уровнях – фиксируются всплески религиозного иррационализма?

Там и тогда, когда социальные условия становятся близкими к невыносимым. Тогда слабые быстренько находят утешительный, пусть и иллюзорный, «выход».

Однако безграничное лицемерие человека таково, что он впоследствии объявляет веру слабых – истинной силой.

Первоначальные формы религии (вспомним политеизм древних греков) были несовершенны как религии, но совершенны как средство приспособления к себе нормальному. Постепенное усовершенствование религии означало искажение естества человека, что сказывалось в необходимости следования канонам, а не здравому смыслу; это вело, в свою очередь, к необходимости *возрождения* изначального, естественно-нормального отношения человека к себе.

Второе возвращение человека к себе естественному было уже обогащено опытом познания, свидетельствовавшего, что ничто так не угрожает человеку, как его собственное сознание. Дальше вся культура пошла именно по этому пути: разобраться с феноменом сознания, познать себя.

Было и третье возвращение к себе, и четвертое. Не исключено, что вскоре мы осознаем, что главное уже познано.

В сущности, такова философия истории, да и сама логика истории.

Как в свете тотальной диалектики представлять себе идею духовного прогресса?

С одной стороны, прогрессом как таковым можно считать позитивную (в смысле приближения к высшим культурным ценностям) эволюцию; с другой стороны, реально осуществленная эволюция не является гарантией последующего прогресса. Есть *возможность* поступательного духовного движения по восходящей, но не *фатальная предопределенность* его.

Проблема прогресса – это, опять же, проблема сознания, его трудновообразимых резервов, с легкостью «включающихся» при определенных условиях, и вполне реальных ограничителях, делающих невозможным прогресс (при других определенных условиях). Иначе говоря, прогресс и регресс могут быть результатом деятельности одного и того же субъекта. Надо уметь видеть в сознании те его свойства, которые позволили человеку создать высокую культуру. Но нечего удивляться поражающему воображение превращению вчерашнего мыслителя и творца в сегодняшнего узколобого агрессивного разрушителя. Никакого превращения как подмены субъекта не происходит; человек един, как едины червяк и роскошная бабочка, гадкий утенок и элегантный лебедь.

Состояние высокой духовности есть итоговое динамическое равновесие – момент, могущий мгновенно потерять свою положительную динамику без должных усилий. Никакое культурное достижение не есть гарантия того, что вот-де потомки, по логике вещей, способные на большее (ведь хочется верить, что нет предела совершенству), превзойдут или хотя бы просто сохранят его. По другой логике вещей человек завтрашний может уже и не понять себя вчерашнего.

Таким образом, прогрессирующая культура есть состояние, которое надо постоянно поддерживать большими усилиями, а не раз навсегда покоренная вершина. Любое культурное достижение является таковым только для способного на адекватные духовные усилия. Для всех прочих – это ничего не значащие цветочные пятна, звуки, линии, знаки, символы и т.п.

Что же делать?

Думаю, выход в том, что культура должна защищать себя всячески, вплоть до прямого задеирования антикультурных способов. Тогда будет сохраняться возможность прогресса – в том смысле, что не прервется духовная традиция. Что же касается понимания прогресса как все более массового приобщения людей к духовным ценностям и превращения в один прекрасный день духовной культуры в очевидную самооценку, в основной регулятор жизнедеятельности людей, – то для такого видения прогресса нет никаких оснований, кроме одного: благих намерений.

Что есть прогресс?

Прогресс как феномен структуры – это почти всегда не появление каких-

то новых компонентов, а разрушение *прежней целостности*, прежних отношений между компонентами и возникновение новой целостности – новых связей и отношений между старыми компонентами. Появление новой, обогащенной целостности – вот очередной виток прогресса.

Это – формальная, чисто технологическая сторона всякого движения вперед. В содержательном смысле всякая новая целостность представляет собой новую систему акцентов, в чем-то предпочтительнее старой, а в чем-то уступающую ей. И новая целостность будет жизнеспособна до тех пор, пока обострившиеся противоречия не разрушат качественно самотождественную целостность и не приведут тем самым к перестраиванию отношений.

В межах иной целостности создается оптимальный климат для развития иных качеств; когда они в свою очередь достигают расцвета, а бывшие фавориты угнетены и вынуждены отступить на второй план, наступает смерть прежней целостности (или, если угодно, рождение новой). В определенном смысле гибель одной целостности есть момент апогея другой; вместе с тем момент апогея можно рассматривать и как иную точку отсчета – как момент зарождения кризиса, который рано или поздно приведет к смене исчерпавшей себя целостности на новую «младоцелостность».

«Все течет, все изменяется» так же справедливо, как и «ничто не ново под луной».

Культура существует только в границах возможного. Я хочу сказать, что культура заполняет те ниши и лакуны, которые объективно возможны. Их нельзя выдумать, сочинить. Точно так же неслучайны все идеологии и философии. Каждая ветвь на древе познания – закономерна. Но из сказанного вовсе не следует, что все существующие и потенциально возможные интеллектуальные ветви – равны, что каждая хороша по-своему и так далее в том же роде. Каждая возможность требует осознания и оценки. Надо не отвергать культурную реальность, борясь тем самым с объективной реальностью, а осознать и тем самым преодолеть ее. Отменить же или заблокировать вероятные культурные зигзаги – дело бесперспективное, если не сказать вредное.

Вот три сферы, три кита культуры, взаимосвязанные, но не теряющие своей суверенности:

– *культура материальная*

- культура социально-политическая
- культура духовная.

Если общественно значимы преимущественно первые две сферы, то лично – последняя, духовная (для людей творчески-духовно одаренных). В культуре духовной – ниша и способ укрыться от людей.

Язык каждого народа – своеобразная саморазвивающаяся система, точнее – целостность. Язык призван обслуживать отношения. Каковы отношения – таков и язык.

Меняются отношения – меняется и язык. Но – как меняется?

Во-первых, постоянно, без срывов и революций, а во-вторых, эволюционные изменения прямо пропорциональны затраченным усилиям. Язык, конечно, создает культуру; однако культура (как сумма разноплановой и многоуровневой информации) тоже создает язык.

С одной стороны, нет предела языковому совершенству. А с другой стороны, язык может то, что может, и не более того. Язык сработан под информацию определенного типа, и в этом заключена его генетика, его естественные пределы к возможности.

Информация принципиально иного типа, культура более высокого уровня – требуют не просто новой лексики и понятий, но изменений в генетике языка. Всякий ли язык способен, предрасположен к подобным культурным скачкам?

Есть языки, которые просто исчерпали себя. В таком случае нация прибегает к параллельному, высокоразвитому языку. Происходит спецификация зон применения разных по культурным функциям языков. Местный, исконный язык не исчезает, но он обслуживает национальное самоощущение, несказанное, душевно-заповедное, которое органично живет и выражается только посредством этого языка. Он, как правило, в той или иной степени пригоден в качестве языка художественной словесности и соответствующей культуры. В сферах же науки и высокой рациональной, философской культуры такой язык не выдерживает конкуренции.

Возможно, **пока** не выдерживает. Но *пока* его притязания быть универсальным языком культуры, науки и бытового общения выглядят **комично**, поскольку не отражают реалий. Всякое насильственное изменение культурного статуса языка следует расценивать как варварство. Глупо требовать от языка больше, чем он может дать.

Способность не замечать очевидного и при этом верить в невероятное относится к самым ярким характеристикам человека.

Считается, что великие рационалисты-марксисты (Маркс, Энгельс, Ленин) своими сверхусилиями в деле построения справедливого общества продемонстрировали всю мощь человеческого интеллекта – и тем самым максимально скомпрометировали разум, показав, что мощь его, в сущности, ничтожна и идти на поводу у разума – значит мостить дорогу в ад. Однако мало кто задумывался: что же на самом деле двигало революционерами-рационалистами?

Прежде всего ими двигала *святая вера* (чистейшей воды христианский посыл) в возможность построения справедливого общества (эквивалента царства божия на земле). Ими, как и всеми фанатиками, двигала вера. И «учение» их, представляющее классический образец *вероучения*, возникло по типичной идеологической схеме: чувство веры заставляет интеллект, каким бы мощным он ни был, работать на обоснование априорного, самоочевидного ощущения. Рационально – обосновывать иррациональное. Разум, в данном случае, служит всего лишь продленным рычагом (плечом) психики. Выдающиеся рационалисты в своей исходной посылке (я имею в виду их социальную теорию) оказались завзятыми идеологами. Так что же они скомпрометировали?

Они показали неспособность психики быть «разумом». Но сам интеллект, сама стратегия рационализма здесь не при чем.

Социализм как общество, сконструированное разумом под «идею», под «концепцию», свою невыдуманную опору обрел, тем не менее, в фундаментальных пластах подсознания. Без этого вообще невозможны сколько-нибудь массовая идеология и вдохновенное социальное строительство. Страх – вот один из невидимых врагов (или союзников: это как посмотреть) социализма. Новый миропорядок спасал, защищал от страха, становился гарантом жизнеобеспечения, снимал многие социальные фобии. В этом смысле социализм можно рассматривать как гуманное общество, т.е. такое, которое учитывает природу человека и в чем-то соответствует ей. В подобном обществе дело богонизвержения оказалось относительно легким (сейчас это воспринимается как массовое помутнение рассудка) – в силу того, что психологическая потребность в божьей защите не только не устранялась, но даже актуализировалась; функции упраздненного мифического бога взяло на себя государство, олицетворением мощи и неподкупной справедливости которого выступали его вожди-герои.

В мягком варианте социализм культивировал систему дотаций, поощряя

всякого рода иждивенчество, в том числе и духовное, протекционистской политикой; в жестком – трансформировался в тоталитаризм, делая ставку на механизм идеологическо-психологических манипуляций.

Если относиться к социализму как к вражеским козням – то врага надо видеть в природе человека. Человек и сегодня, и всегда готов и к социализму, и к фашизму, и к «нормальному» обществу с его отнюдь не нормальной религиозной идеологией. Неустанное понукание разума – вот путь к свободе и ненасилию.

Переход от частной собственности к общественной создает и призывает на самый верх героев, способных хладнокровно принести в жертву Идею миллионы, вся вина которых заключается только в том, что они без энтузиазма встретили почин железной рукой установить царство справедливости на Земле.

Переход от общественной собственности к частной дает шанс гангстерам, нагло грабящим те же миллионы, возглавить процесс передела, а затем респектабельно отгородиться от «быдла» бронированными стеклами авто и крепостями церквей, где бодро предают анафеме противников частной собственности.

История доказывает, что можно менять собственника средств производства, общественный строй, идеологию, веру. Невозможно изменить только одно: природу человека, хищную и беспринципную, которая ярко и отвратительно проявляется именно в революционные эпохи.

Памятная дата – день Великой Октябрьской социалистической революции. Как к ней отнестись?

Разумеется, революцию творили фанатики, неопитски ослепленные новым догматом веры. Однако напомним себе: только идеологическая ослепленность и бывает социально и духовно эффективна. Революционеры были не более нравственные уроды, чем их предки и потомки. Было бы гораздо более разумным и достойным поразмышлять над уроками великого потрясения, чем бессмысленно анафемствовать, уподобляясь проклинаемым большевикам.

Идеологическое отрицание революции означает: революция продолжается.

Социализм – и в этом он схож со всеми религиями мира – «проектирует» идеальную модель человека (чтобы затем укорять ею неразумную паству), отталкиваясь от культурных нормативов и параметров; следовательно, изначально провозглашая победу культуры над натурой. Что ни говори, социалистический человек – это детище культуры, несмотря на то, что модель такого человека по генетике своей – явная утопия.

Социализм, как выяснилось, явно переоценил человека, предложив тому непомерно высокую моральную планку, а благие намерения в отрыве от реальности могли привести (и привели) только в ад. На сегодняшнем этапе развития общества хлебнувшие социализма, исходя, конечно же, из лучших побуждений, ориентируются на человека реального – природное существо, живущее по законам природы не менее, а даже более, нежели по законам культуры. Иначе говоря, «современная» модель человека, лишенная культуроцентристских иллюзий, регуляцию от культуры заменила на регуляцию от природы. Или еще проще: избавившись от культурных «заморочек», выпустили никогда и никуда не исчезавшего зверя наружу. Стоит ли после этого удивляться оскалу демократии – всплеску убийств, насилия, грабежей?

Сегодняшняя ситуация – прямое следствие политики, которая не учла, что одна из главных составляющих свободы есть *раскрепощение инстинктов*: именно в этом причина причин пугающей социодинамики.

Очевидно, только из-под палки может человек сохранять некоторые черты гуманного облика. Малейшее послабление, глоток свободы – и правила пещерного общежития мгновенно становятся нормой. Свободу выбора скоточеловек всегда понимает только как свободу от обязательств. Следовательно...

Следовательно, надо идти не от культуры и не от природы: надо идти от реальности, скрещивая, совмещая противоположные модели человека. На Западе, там, где успехи современной цивилизации налицо, идут именно этим путем, лицемерным, но эффективным. Сусальной ложью религии «исправляют» грешную натуру, с одной стороны; с другой – не брезгают и чисто силовой регуляцией.

Правда о человеке не украшает его, но вот украшенная правда делает человека значительно лучше.

В сущности, коммунизм возможен при одном непременном условии: труд должен стать первой жизненной необходимостью, как потребность в еде, продолжении рода и т. п.

Поскольку этого не будет никогда, надо навсегда распрощаться с мечтами

о равенстве, братстве, всеобщей солидарности трудящихся. Или все станут трудоголиками – или ни о каком равенстве не может быть и речи. Сама проблема неравенства коренится в том или программируется тем, что люди по-разному предрасположены (или не предрасположены) к труду. В этом все дело.

Личность человека как была, так и осталась «совокупностью общественных отношений»: бессмертный тезис высечен почти безупречно. Но: совокупность осложнена психофизиологической мотивацией, резко снижающей эффективность «общественной» регуляции. Иначе говоря, абсолютизация «общественной», культурной составляющей – это и есть не что иное, как идеализация человека, главный грех марксизма. Марксизм плох тем, что он слишком хорошо трактовал человека реального.

Итак, сущность человека есть совокупность общественных отношений, возможных на основе природных программ и совместимых с ними.

Почему общественную практику социализма (стадии коммунизма) постигла катастрофа?

Разумеется, не учли диалектики в сфере экономических и идеологических отношений. Однако самая большая ошибка – в истолковании феномена человека. Он не захотел продемонстрировать все преимущества строя, не захотел стать существом духовным, совершенным. Он в массе своей оказался стадом, как и следовало ожидать. Общество, сработанное под безупречную гуманистическую теорию – лопнуло. Теория – та; человек оказался не тем.

У тирана, потерявшего контакт с собственным народом и действующего в интересах власти, а не народа, всегда сохраняются две опоры: молодежь и инородцы. Молодые, а потому глупые и беспринципные, хищники будут преданы «пахану» за брошенный кусок; чужаки всегда поддержат за протекционистскую политику и защиту. Достаточно эффективно также в случае кризиса сравить молодежь с инородцами.

Власть ничего не выдумывает, она играет на архетипах. Способность вовремя проэксплуатировать глупость и национализм есть высшее проявление ума политика.

Есть нации, из поколения в поколение передающие уродливые стереотипы социального поведения и отношения. Подобная культурно-историческая «генетика», замешанная на психологии коллективного бессознательного, воспроизводит устойчивые типы борцов, агрессоров, идеологизированных зомби. На поток ставится масса «правоверных», рожденных с образом врага в душе! Подобный национальный менталитет, помноженный на невероятно низкую способность критического отношения, на катастрофическую неспособность развивать рациональную культуру, – настоящая беда для соседей и непрестанная головная боль для всего человечества. Жить с ними – означает вечный бой.

Запрет на насилия и убийства – это реализация права на жизнь.

А где запрет на антикультурный шабаш хама духовного?

Пора перестать делать вид, будто каждый взрослый может полностью отдавать себе отчет в своем поведении. Юридически – он может и должен нести ответственность за все свои действия и поступки. Но в духовном плане все сложнее. Далеко не каждый способен понимать себя, других и осознавать свои истинные потребности. Следовательно, надо помогать и направлять. Запрет, понимаемый как момент управления и регуляции, должен стать реализацией права на нормальную духовную жизнь.

Нравится нам или не нравится, но в мире как он сложился на сегодняшний день преобладают отношения силы. Не моральные, правовые, политические, разумные – а именно силовые отношения. Следовательно, каждый гражданин независимо от его мировоззренческо-идеологической ориентации, если он способен хоть отчасти руководствоваться здравым смыслом, не может не желать укрепления своей державы. Согласно этой же логике, чем более ослаблены твои соседи – тем более комфортно и уютно тебе. Ты не желаешь зла соседу (боже упаси!), ты желаешь добра себе.

Поскольку это так, надо быть сильным, надо приспособливаться к реальному миру, иначе односторонний отказ от принципа «будь не слабее других» приведет к противоположным ожидаемым результатам: к неизбежному силовому столкновению, результаты которого несложно

предсказать.

Добровольная односторонняя замена силовой регуляции на моральную есть не признак морального совершенства, а форма идиотизма.

Добиться успеха, признания в качестве профессионала можно только ценой предельной отмобилизированности и сконцентрированности на одном роде деятельности. Тогда – триумф.

Успех, иначе говоря, возможен за счет уродливой деформации личности, за счет целенаправленной эксплуатации приносящих дивиденды способностей. Если же личность максимально сосредоточена на себе, а не на точке приложения своих сил – такая личность рискует успеха не добиться.

Получается: обществу выгодна личность-функция, личность-производитель общественных ценностей, личность деятельная (*homo faber*). Словом, не личность. Общество поощряет, стимулирует (признанием, успехом) отречение от действительно духовно значимого в пользу общественно значимого.

Истинные интересы личности духовной – бескорыстная созерцательность, рефлексия по поводу себя и мира. «Познай себя», а не «добейся успеха» – вот подспудный девиз ее жизнедеятельности. Надо признать, что личность и общество в известном смысле антагонисты.

Поскольку это так, то экзистенциальный выбор всякой личности заключается в следующем: добиться успеха или быть самим собой. (Одна оговорка: этот выбор для тех, у кого есть из чего выбирать, то есть для тех, кто обладает талантом «специальным» и талантом духовным.) Однако ничто всерьез не угрожает обществу: действительно ярких личностей – крайне мало. Так было всегда. Так есть.

Стержневая этическая идея заключается в следующем. Нравственно здоровое отношение к миру формируется у человека тогда, когда он живет за счет собственного производительного труда. Человек своим трудом создает ценности – и это является источником его жизнеобеспечения: вот такая простая и абсолютно необходимая посылка лежит в фундаменте этики.

В этой посылке философски сочетается веер магистральных смыслов. Прежде всего учитывается генезис человека как существа, сумевшего «выделиться из природы», не порывая с ней. Сделать это удалось посредством труда.

Во-вторых, трудом создана культура, которая формирует человека,

обязывая его рано или поздно возвращать долги.

Наконец, принимается к сведению следующая аксиома, вытекающая из первых двух: трудясь регулярно и основательно, получаешь шанс пребывать в человеческом состоянии.

Труд, таким образом, всего менее напоминает разовую акцию по вытягиванию человека из трясины натуры; труд может быть уподоблен вечному нравственному двигателю, без которого человек неминуемо скатывается туда, откуда вытаскен был направленным к «духу» усилием. Воля к труду держится на долге, а долг есть в свою очередь результат трудового умственного напряжения. Следовательно, изыми ум – отпадет необходимость в труде и, далее, в нравственном, осмысленном переживании чувства долга.

Паразитарное существование, явное или скрытое, формирует иждивенческую психологию и, по цепочке, идеологию (Даешь «халяву»!) и, в итоге, эгоистическое, варварски деструктивное отношение к миру как к системе кормушек, где надо пристроиться так, чтобы всегда можно было поживиться за счет других. Расторопность и беспринципность становятся факторами успеха в трудном деле кромсания общественного пирога.

Потребление, превышающее объемы вложенного собственного труда, раскрученный культ потребления – вот причина причин нравственной деградации, формирования «бессовестного» отношения.

А ориентация на потребление в чистом виде – это почти инстинктивная, природная, «безумная» программа. Нравственный регулятор перестает работать, ибо сон разума не пробуждает и потребность в труде.

Модель социального дарвинизма – это мировоззренческая матрица опустившихся людей, ориентированных не на продуктивный, ценностно созидательный труд, а на труд, понимаемый как усилия, которые необходимо применить с целью оттеснения от кормушки менее шустрых и вырывания у ближнего своего лакомого куса.

Здоровое общество (и личность) – это здоровое отношение к труду. Нетрудовое в основе своей отношение программирует нравственный беспредел и общественный (и личностный) распад.

Всем известно значение творчества и труда в жизни человека. «Труд создал человека» – к вечной, казалось бы, истине ни убавить, ни прибавить. Так ли? Не урезали ли истину до идеологемы?

«Творю – следовательно, существую» – вполне благородный, невинно абсолютизирующий самооценку творчества постулат, на деле дезориентирует относительно высших ценностей человека, как, впрочем, и всякая ослепляющая идея. Не может быть?

Безусловно, без труда невозможна полноценная личность. Но есть труд и труд. Производительный труд (буквально: труд, в результате которого произведен новый, ранее не существовавший продукт, имеющий высококультурную маркировку и ценность) невозможен без начала творческого. Такой труд, конечно, создает личность; более того, личность, прекратившая трудиться, неизбежно деградирует.

Однако достаточно широко распространен труд, так сказать, непроектирующий, труд вторичный, труд по поводу производительного труда. Вот сейчас целая армия людей в России кормится за счет такого труда, за счет спекуляции на отсутствии в стране, где парализована производящая экономика, необходимых товаров. Эта армия (конечно, в силу необходимости) паразитирует на творческом труде иностранцев. Непроектирующий труд производит жуликов, вот почему в стране шустрых тружеников такой ужасающий моральный климат.

Следовательно, труд есть ценность не сам по себе (это – во вторую очередь), а как способ гуманизации личности. Труд создал человека, что не мешает ему человека уничтожать.

То же самое следует сказать и относительно творчества. Творчество ради творчества, где оригинальность установкой на самооценку затмевает духовную содержательность и является вследствие того деятельностью мало- или антидуховной – такое творчество также скорее разрушает личность. Творю – еще не значит создаю.

Человек духовно развитый, гармонично сосуществующий с бездуховной природой, осознающий свою сопричастность буквально всем моментам универсума – такой человек есть мера всех вещей, в том числе труда и творчества.

Труд, порождаемый низменными потребностями и служащий средством их удовлетворения, есть способ уничтожения человека или, по крайней мере, способ остановить развитие личности в гуманистическом направлении. Труд, культивирующий потребление ради потребления, – это просто беда, духовная чума, парализующая миллиарды людей (и слава богу, добавим истины ради, ибо такой труд пусть и не развивает личность, но в то же время и не дает ей деградировать ниже определенного уровня). Надо очень и очень потрудиться, чтобы понять, следует ли тебе трудиться вообще.

Интеллигент – это многоплоскостная, перекрестная характеристика типа личности. Можно выделить несколько обязательных компонентов, без которых понятие интеллигент будет принципиально не полным.

1. Принадлежность к сфере умственного труда, что открывает путь к образованности, учености. Профессиональная принадлежность не столь

важна, но просвещенность в области гуманитарной проблематики – непременно, хотя сама по себе просвещенность может сформировать разве что интеллектуала, но никогда – интеллигента.

2. Устремленность к нравственному совершенствованию как черта гуманистически ориентированного мировоззрения.

3. Демократический, персоноцентричный характер исповедуемого гуманизма.

4. Интеллигентность предполагает также комплекс качеств, наиболее близко обозначаемых словом джентльмен. Подразумевается соответствие культурным нормам и стереотипам (в одежде, внешности, поведении), вежливость, воспитанность. Это наиболее формальный или наименее сущностный признак, однако он является необходимым завершением культурного облика.

Таким образом, обрисована особая культурная модель человека, особая духовная порода. (Речь идет о сознательном культе интеллигентности в отличие от стихийно проявляемых отдельных чертах, свойственных в целом неинтеллигенту.) Значит ли это, что интеллигенцию надо считать лучшими представителями человечества, так сказать, солью земли?

В известном смысле интеллигенция является элитой, наиболее полно воплощающей качества, которые способны облагородить человека (прежде всего – в области духовно-нравственной). Однако сам феномен интеллигенции возможен в теснейшей спайке с неинтеллигенцией, с иными типами личности, иными моделями культурного человека. Интеллигенция возможна и жизнеспособна лишь как часть многокрасочного человеческого спектра, как один из аспектов реализации *homo sapiens*'а. Не более – но и не менее того. Интеллигенцию (если она есть; а я считаю, что в лучшем случае кое-где сохранена установка на интеллигентность как на совокупность свойств, все более и более утрачивающих связь с реальностью) не следует идеализировать и боготворить; но представить себе мир, лишенный этой духовной породы – невозможно, ибо это будет уже иная планета, с иным культурным климатом и ландшафтом.

Существует четыре разновидности этических отношений:

- к природе,
- к обществу,
- к людям,
- к себе.

Можно выделить около двадцати вариантов этих отношений (я имею в виду этические концепции, разработанные Сократом, Платоном, конфуцианством, буддизмом, протестантизмом, православием,

мусульманством, иудаизмом и т.п.), которые могут быть сведены к следующим типам нравственных отношений:

- эгоизм,
- альтруизм,
- активно-деятельностное отношение,
- пассивно-созерцательное отношение,
- «биофильская» ориентация,
- «некрофильская» ориентация,
- персоноцентризм,
- социоцентризм.

Эти отношения в личности и обществе взаимопересекаются, ибо реально в субъекте всегда присутствуют все типы отношений. Индивидуальный нравственный облик личности складывается из оригинальных комбинаций отношений, где преобладают и выделяются одни типы, и отодвигаются в тень все другие.

В указанных вариантах сосредоточена вся мировая этическая мысль.

Возможно, к сказанному следует добавить еще какие-то штрихи. Мне в данном случае хотелось бы указать на принцип: о самом сложном надо говорить просто, ибо сложность адекватно описывается только языком высокой простоты. Идти от простого к сложному означает не только «от менее сложного к более сложному», но и от «сверхсложного» (сведенного к простоте) – к сложному в рамках простоты.

Сложно говорят о сложном безнадежные путаники.

КУЛЬТУРА И ГЕОПОЛИТИКА

Силовые отношения тоже бывают разные. Одно дело руководствоваться принципом: кто силен, тот и прав, и совсем иное – кто прав, тот может позволить себе применить силу.

Вся сегодняшняя политика и особенно геополитика держатся исключительно на первом принципе, издавна известном как закон джунглей. Культ силы – это исходная и решающая посылка. Никакой культурный регламент не в состоянии сдержать того, кто ощущает свою реальную мощь, т.е. возможность безнаказанно или с минимальным риском для себя угрожать жизненным интересам противника. «Назначить» противником можно любого – если это выгодно тебе. Неприкрытый социальный дарвинизм на уровне цивилизаций – очевиден.

Почему бы от докультурной силовой регуляции не перейти к разумному моральному императиву – отдать силу правому?

Потому что никто не знает, что значит быть правым. В ситуации, когда ни

у кого нет морального права узурпировать истину, включается моральное право поступать «как все» (то есть аморально) – блюсти эгоистический интерес, иначе не выживешь.

Было бы наивной культурной утопией полагать, что люди возьмут на вооружение принцип «силу – от правоты», если бы еще более наивно не было предположение, что люди уцелеют, без меры размахивая кулаками. Придется взрослеть, придется начинать думать; в конце концов, в этом тоже есть своеобразная выгода (если уж без выгоды – шагу не ступить).

Надо не отказываться от попыток разобраться с тем, что значит быть правым. Это вполне возможно. А далее необходимо в обязательном порядке обучить искусству видеть правду всех, кто к этому способен. А кто не способен...

Ну, как мы разговариваем с детьми, которые виноваты только тем, что они дети?

Будут правые – найдутся и «виноватые». Хватит потакать тем, кто держится за свои цивилизации, за свой уникальный взгляд на мир как за абсолютную самоценность, не подлежащую развитию и трансформации, за свое нежелание думать. Хватит подыгрывать обожествлению своего «менталитета» как высшей культурной ценности, Хватит поощрять варварскую «самостийность»: стремление жить по своим законам, без оглядки на других, словно другие – инопланетяне. Консервация «детского» культурного этапа и менталитета сегодня превращается в наивысшее культурное зло (или, если выразиться иначе, в способ зомбировать массы, подготавливая их к закланию во имя закона джунглей).

Мир настолько же универсален, насколько и уникален. Это – вполне достаточное основание для того, чтобы стремиться к правоте. Нельзя же лелеять культуру, утверждать правоту высшей культуры – и при этом обреченно оставаться в заложниках у «неиспорченных цивилизацией детей». Табу на правоту, в конце концов, смешно.

К ПСИХОЛОГИИ ВЛАСТИ

Кто и зачем стремится к власти?

Если рассматривать власть не как способ, а как цель человека (что на практике разграничить часто почти невозможно), то прежде всего надо принять во внимание следующее.

1. Власть – означает власть кого-то над людьми, возможность конкретного индивидуума управлять себе подобными.

2. Цель и высший смысл такого управления для личности – самоутверждение.

3. Чем более личность озабочена самопознанием – тем менее склонна она стремиться быть субъектом или объектом власти.

Отсюда следует, что а) власть есть способ жизнедеятельности; б) мера властолюбия непосредственно связана с типом личности, с качеством духовности.

Таким образом, корни властолюбия – в душе человека, в особенностях его миропонимания (степень осознанности властных побуждений можно не брать в расчет, поскольку степень эта не отменяет сами побуждения).

К власти стремятся в первую очередь те, для кого колоссальный и утомительный труд подчинения других – в радость, для кого покорение, порабощение, подавление сопротивления – основная форма самоутверждения.

Явная и наглая претензия быть во главе всех других никак не компрометирует власть имущих в глазах этих других. Почему?

Вы можете представить себе человека, не стремящегося к самоутверждению? Риторический, конечно, вопрос. Такого не бывает. Мы с младенчества поощряем активное посягание на жизненное пространство, проявляющееся, разумеется, в форме лидерства. Нам любезна любая до поры до времени невинная, агрессия как безошибочный симптом жизнестойкости. А нет культа жизнестойкости – то и появляться на свет не стоит...

Жажда лидерства – в природе человека. Все дело только в том, в какой области человек рвется к первенству и как он это делает. Наиболее культурно ценная, разумная и гуманная форма самоутверждения – художественное или научное творчество (сотворение жизнеподобных моделей или бескорыстное познание – так или иначе идеально-духовное творчество), не ущемляющее других раскрытие уникальности своей личности. Форма наиболее типичная – близкородственное природному силовое социальное чемпионство: чем больше власти – тем больше уважения.

Проблема в том, что общество неравнозначно оценивает и стимулирует усилия и возможности человека быть человеком. Жизнь никогда не была шуткой или игрушкой, поэтому бескорыстное гуманистическое житнетворчество никогда не ценилось особенно высоко в неписаной табели о рангах духовно не особенно требовательного социума. Поощряется то, что дает большинству наилучшие шансы выжить, приспособиться к жизни, а не высшие самораскрытия духа человеческого. Тут есть своя логика, хотя мало по-человечески интересного. В духовном смысле – это «жлобская» логика, однако без нее не только невозможны гиганты духа, но и попросту гаснет сама жизнь.

Ясно, что люди предпочитают и замечают силовых чемпионов. Мы же истины ради отметим: чем более в распоряжении человека способов самоутверждения – тем гибче, богаче и самобытнее личность, тем терпимее она к другим, тем менее склонна к насилию и стремлению царствовать. И

наоборот: если власть оказывается основным или единственным каналом самоактуализации, то предрасположенность к тирании пожирает сначала властолюбца, превращаясь в автономный, во многом бессознательный, агрессивный комплекс, а затем и все окружающее социальное пространство.

При этом нравственно-идеологические мотивировки державников, патриотов, различных президентов и всякого рода службистов самые что ни на есть высокопробные: благо ближнего, концерна, страны и т.д. В каком-то смысле так оно и есть: лидеры объективно необходимы для исполнения важнейших социальных функций. Но функция есть функция; с точки зрения же личностной главным побудительным мотивом является именно жажда власти, т.е. стремление самоутвердиться. Причем замешана эта жажда не на идеологии, конечно, которая лишь дает видимость высокоморальности, конструирует продуманный имидж борца за светлые идеалы, а на самых примитивных инстинктах. Нигде так не проявляется социальный дарвинизм, как в сфере политики, большой и малой, любого уровня и ранга – политики как таковой, регулирующей отношения людей там, где есть социальная иерархия.

Власть как своего рода социальное творчество, в отличие от полноценного духовного творчества, не может существовать сама по себе, поскольку носит «прикладной» характер. Без ощущения «возвышенности», возникающего в результате «униженности» кого-то, власть просто теряет смысл, ибо рушится магистральная психологическая опора, исчезает решающий витальный импульс. Власть есть «культурная» демонстрация тех же шкур, клыков, пастей и мускулов, что мы наблюдаем в живой природе, счастливо обходящейся без культурного регламента. Закон джунглей: кто силен, тот и прав – вот психологическая основа основ власти. Все рассуждения о нравственной состоятельности героев, фанатиков или психопатов от власти не более уместны, чем высокопарные увещевания, адресованные парнокопытным и крупнорогатым.

Итак, властный человек должен быть прежде всего «своим человеком», человеком толпы, стаи, воплощающим представления таких же примитивных «силовики» о вожаке. Для электората избранник, вождь или выдвиженец – всегда немного супермен, от которого ждут понятных укрощающих действий. Сумел покорить вершину власти – имеешь право бить своих, чтобы чужие боялись. Вечно актуальные «железная рука», «порядок» являются типичным представлением об обывательском рае, где каждый умеющий подчинять, должен уметь подчиняться. Властность совместима, как правило, с духовно ничем не примечательной ментальностью. Вот почему творческие гении по определению будут вызывать раздражение духовно убогих – как напоминание о духовной слабости и несостоятельности силовиков. Само наличие творцов провоцирует комплекс неполноценности у власть предержащих. Отсюда и двойственное отношение к авторитетным деятелям культуры: с одной

стороны, подобострастное заигрывание, с другой – мстительная невнимательность, напоминающая о том, кто есть реальный хозяин жизни. Во всяком случае, до тех пор, пока «творцы» не продемонстрируют недвусмысленную позу подчинения перед силовиками, пока не выкажут полной лояльности сильным мира сего, рассчитывать на взаимопонимание наивно. Ты будешь «понят» тогда, когда будешь унижен.

Тогда таланты начинают служить власти, зачисляются в придворный штат, обласкиваются и угодничают соответствующих знаков внимания – как и все верно служащие подчиненные. Такая художественная и научная культура срастается с властью и утрачивает свою сущностную черту: свободное, подотчетное только себе самовыражение и самопознание.

Единственное, чего вам не простят ни власть, ни породившая ее толпа, – это творческой свободы и независимости. Такое самоутверждение не устраивает никого, да и не нужно никому, кроме рискнувшего стать самим собой. На пути к самому себе помимо трудностей духовных и собственно творческих есть и трудности тактические, вытекающие из необходимости общаться с властью: никто не должен знать, пока ты не стал тем, кем хочешь стать, как глубоко ты презираешь власть и всех служащих ей, т.е. такое количество людей, которое сопоставимо с понятием народ.

Что делать: цена свободы, о которой так любит говорить власть и о которой она понятия не имеет, действительно очень велика...

РАЗДЕЛ 7

АФОРИЗМЫ И СУЖДЕНИЯ (из книги «Эти коварные доводы разума»)

Раздел 1. О женщинах и о любви

1

Ничто не придаёт женщине столько обольстительного шарма, сколько отсутствие ума.

2

Умный мужчина смотрит на всё с точки зрения вечности; умная женщина – с точки зрения блага семьи.

3

Дурами я считаю только тех женщин, которые не понимают, что они дуры.

4

Женщины видят условие счастья в обладании мужчиной и ликвидации понятия свобода.

Мужчинам подавай женщин и свободу.

Вот почему чем крепче семья – тем несчастнее мужчина.

5

Порядочная женщина изменяет своему мужу исключительно во имя интересов семьи.

Непорядочная же то и дело путает благо семьи с собственным удовольствием.

6

Чем более женщина нравственна, тем менее она женщина.

7

Мужчина, достойный многих и многих лучших, самых лучших женщин, должен жить один, иначе он так и не узнает себе истинную цену.

8

Привлекательнейшая из женщин – любовница.

Женщина, к которой стал равнодушен, – подруга.

Постоянно находящаяся рядом с тобой женщина – жена.

9

Вначале семья – это способ порождения надежд; с течением времени она

становится способом истребления иллюзий.

10

Мне известен только один верный способ производить на женщину неотразимое впечатление: хладнокровное лицемерие.

В какой-то степени с ним могла бы соперничать влюблённость, если бы романтическая очарованность хоть время от времени сопутствовала постоянному желанию обладать всё новыми и новыми женщинами.

11

Чтобы принять женщин такими, какие они есть, надо либо перестать быть мужчиной, либо самым оскорбительным образом любить их, при этом мало замечая «предмет страсти».

Неуклюжая тяжеловесность мужского мышления беспощадным контрастом подчёркивается совершенством женской логики, позволяющим куда как более изящно уклониться от конфликта: чтобы принять мужчину таким, каков он есть, надо его переделать.

12

Постичь человека ещё не значит понять женщину.

13

С женщиной нельзя быть философом; но если ты философ – ты всегда с женщиной.

14

Женщину возвышают низкие инстинкты мужчины.

15

Психология – это первая и самая непроницаемая вуаль Евы, сделавшая её нагую обладательницу навсегда загадочной и привлекательной.

16

Потёмки души, брошенные на тело Евы, заставляют признаваться в глупости: Еву хочется раздеть.

17

Что скрывает и прячет женщина за улыбками, выражением глаз, паузами, движениями и одеждой?

Именно то, что ей нечего скрывать.

18

Самая большая тайна женщины, которую она скрывает прежде всего от самой себя, – это пустота.

19

Феминистки демонстрируют те качества, которые украшают мужчин, а потом обижаются, что мужчины не ценят в них женщин.

20

Ответ женщины предугадать несложно; сложно понять, что она имеет в виду под своим каменным «нет».

Раздел 2. Умное отношение к глупости

1

Иногда блеск ума скрывает отсутствие души; однако широта души служит плохим заменителем ума.

2

Чем более умён человек – тем сложнее ему не презирать людей. Идеализируют людей дураки; за это их величают мудрецами.

3

Разум дан, чтобы скрывать его, и нет большей глупости, чем отважиться обнаружить свой ум при жизни.

Пожалуй, глупее только унести его с собой в могилу.

4

Дурак живёт от случая к случаю, умный – от случая к случаю проявляющимся законом.

5

Для умного удача важна не меньше, чем для дурака.

Разница в том, что первый работает, делая вид, что не ждёт удачу, а второй делает вид, что работает, уповая только на счастливый случай.

6

Остроумие – самый симпатичный способ скрывать глупость.

7

Умный человек отличается от глупого только тем, что первый страдает от своего ума, тогда как дурак им гордится.

8

Безошибочным признаком ума является искусство дистанцироваться от страстей.

Решающим свидетельством ума выступает искусство «забывать» первое искусство.

9

Безмозглая хитрость есть эволюционный регулятив рода человеческого. Жизнь популяции не терпит вмешательства разума.

10

Успешно производить собственные мысли удаётся тому, чья голова не слишком перегружена мыслями чужими.

11

Чем больше совершенствую искусство мыслить, тем более возрастает искушение пожить не думая.

Я бы даже согласился стать одним из тех, кто рождён не думать, если бы не врождённое презрение к существованию без мысли.

12

Самые большие глупости творят люди почти умные.

13

Высшая истина, до которой способен додуматься умеющий мыслить, — это искусство просто жить; однако живущий без всяких мыслей — это просто дурак.

14

Ошибки мудреца всегда красивы, глубоки и содержательны, а потому ведут исключительно к катастрофическим последствиям.

15

Умными бывают только мёртвые, ибо жизнь не терпит свидетелей её абсурдности.

16

Признать человека умным — значит вежливо намекнуть ему, что он далёк от жизни.

17

Извилины ума оберегают от зигзагов жизни; первые, однако, приумножаются только за счёт вторых.

18

Несчастную голову — жалеют.
Повинную голову — милуют
Неразумную голову — презирают.
Умную голову — секут.

19

То, что вы понимаете, но не можете выразить словами, ясно даже дураку.

Мысли дурака отличаются от идей умного не тем, что первые неправильны, а вторые истинны, а тем, что умный думает головой, тогда как дурак размышляет сердцем, желудком или детородными органами.

Раздел 3. Слабость быть самим собой

1

Быть самим собой – моя слабость, поэтому я её тщательно скрываю.

2

Мы имеем слабость серьёзно относиться к слабостям человека – таким, как увлечение футболом, религией, коллекционирование бабочек или жажда власти.

3

Мы общаемся с другими только по одному поводу – по поводу утверждения себя.

4

Презирать свои слабости – значит, презирать людей.

5

Как же трудно быть человеком – а всё потому, что скотиной, что ни говори, быть приятно.

6

Задуши скота в себе – и ты получишь монстра.

7

Скучная лень в перерывах между работой называется отдыхом; искусство отдыхать так, чтобы не хотелось работать, называется ленью.

8

Изменять своим принципам – вещь, конечно, недопустимая, хотя всё зависит от того, с кем изменять.

9

Тот, кто глубоко прав, всегда чувствует себя виноватым, – уже хотя бы потому, что его правота недоступна оппоненту.

10

Кого мы причисляем к безнадёжным реалистам?
 Тех, кто умеет добиваться своего вопреки всем обстоятельствам.

11

Самая большая слабость – стремление выглядеть сильным.

12

Одно из самых неприятных проявлений диалектики – чувство омерзения от собственной персоны.

13

Начнёшь думать – останешься один, а не начнёшь – так и не будет друзей.

14

Первое, о чём надо бы забыть умному человеку, – о своём честолюбии, а первое, о чём нельзя забывать – о честолюбии других.

15

Если предсказанное себе же трагически сбывается, остаётся утешаться тем, что ты был прав; а если нет – нужно радоваться тому, что ты глуп.

16

Незнакомые люди с удовольствием повернутся к вам лучшей своей стороной, потому что гадости они делают близким и друзьям.

17

Если не можешь отличить плохое от хорошего – ты дурак или святой; если сегодня видишь в дурном хорошее, а завтра – наоборот, ты – женщина; а если поступаешь дурно и отдаешь себе в этом отчет – значит, ты хороший человек.

18

Последовательность и принципиальность – кратчайшая дорога в ад; беспринципность значительно удлиняет тот же путь и делает его гораздо менее триумфальным.

19

Противоречить противоречивости мира и значит быть занудой.

20

Благородныедохнут первыми, поддерживая иллюзию, будто выгодно быть скотом.

Раздел 4. О политике и обществе без дипломатии, о нации и патриотизме без пафоса

1

Великие нации рано или поздно рожают великих мыслителей, своё оправдание и гибель.

2

Объединять нации может только то, что им не принадлежит: разум.

3

Искусство политики состоит в том, чтобы простыми, понятными народу средствами, добиваться глобальных, труднодоступных для сознания большинства целей, которые, однако, достигаются в интересах народа.

4

Эффективная политика – это искусство с помощью возможного достигать невозможного.

5

Сила государства проявляется в том, что оно способно ослабить своё вмешательство в экономику и личную жизнь граждан.

6

Демократия возвышает толпу и тем самым принижает личность; личная власть возвышает человека до уровня толпы, которой отводит функции строительного материала.

7

Развитие демократии означает творческое освоение методов деспотии.

8

Скажем прямо: демократия наиболее эффективна там, где человек проявляет себя как разумное существо, но не осознает свои потребности в качестве существа разумного.

9

Демократическое чувство: ты презираешь плебс и, из уважения к себе, делаешь все для того, чтобы народ имел возможность тянуться к аристократии, презирающей плебс.

10

Демократия – власть глупости, противостоять которой может только диктатура культуры.

11

Тот, кто хочет получить корону из лап толпы, должен родиться лакеем или лицемером.

Толпу всегда надо немного развлекать, обслуживать, ни в коем случае не брезговать ею, так или иначе заискивать её расположения – короче, делать вид, что соискатель ниже чести, на которую претендует, и старается быть её достойным.

Кто дерзнёт быть выше толпы, с удовольствием будет унижен чернью, чем доставит ей изысканное развлечение.

Толпа коронует шутов.

12

Биографии великих должны льстить толпе.

13

Аристократы – десерт плебса; последний же подозрительно напоминает блевотину аристократов.

14

Самый почетный и быстрый способ стать великим – добиться власти над желудками и душами; а самый долгий и трудный – покорить умы.

15

Великие личности начинаются с умения говорить правду, а цивилизованное общество – с умения ее слушать.

16

Великий человек – вовсе не тот, кто умеет желаемое воплотить в реальность, а тот, кто умеет иногда отличить желаемое от действительного.

17

У героя есть бесценная привилегия: в свете его деяний неприлично говорить о его ничтожестве.

18

Единственный шанс сохранить самоуважение для тех, кто вознесся к вершинам власти через унижение, – заставить жрать еще большее дерьмо всех без исключения.

19

Великий человек – это жалкое умение ориентироваться на великое коллективное бессознательное.

20

Лучший способ уничтожения всех – учитывать мнение каждого.

Раздел 5. Свобода без иллюзий

1

Лучшие свои качества человек демонстрирует только в неволе.

Свобода плоха уж тем, что позволяет человеку не скрывать своё истинное лицо: омерзительный оскал хищника.

2

Если верность существенно ограничивает чью-то свободу, то такая деспотическая преданность – верный способ порабощения.

Истинная верность ценна тем, что её как бы нет.

3

Свобода личности может быть главной ценностью, если путь к ней не лежит через унижение и зависимость.

4

Свободный человек – это человек, который не боится.

5

Культурный человек рвется к свободе, а получает ответственность; хам любую возложенную на него ответственность понимает как дополнительный кусок свободы в рамках новых полномочий.

6

Природа дает волю к свободе; пониманию свободы учись у культуры.

7

Свобода воспитывается достатком, а достаток – это цена, в которую обходится несвобода.

8

Чтобы мысль была свободной, приходится брать под контроль чувства.

9

Степень свободы напрямую регулируется зависимостью от истины: больше истины – больше свободы.

Ощущение же полной свободы дают закрепощающие человека инстинкты. Истина чувств отбирает свободу.

10

Духовный космос свободного человека настолько обширен, что начинает давить на каждого, кто ищет в нем покоя и уюта.

11

Быть свободным в несвободном обществе – значит быть лицемером.

12

Единственное, что меня угнетает, – это беспредельность моей свободы.

13

Свобода стоит ровно столько, сколько ты готов за нее заплатить.

14

Свобода живет только в застенках истины.

15

Быть свободным – это не вопрос ощущений, а большой труд, ибо за свободу постоянно надо платить высокую цену.

Свобода как ничто другое закабляет человека.

16

Тот, кто понимает, что миром правят законы, уже не может выживать любым способом.

Это тоже своего рода закон.

17

Свобода порядка физического – это здоровье.

Свобода порядка психологического – вольная воля.

Свобода порядка духовного – зависимость от познанных законов.

Таким образом, разумный закон, отбирающий у человека свободу, предписывает заботиться о здоровье, чтобы не ушло волшебное ощущение свободы.

18

Человек, который молится на демократию, недостоин свободы.

19

Чем меньше человек свободен разумом, тем больше он выступает за свободу на уровне политическом.

Такова плата глупца за свободу выражать свою зависимость от брюха.

20

Если в результате свободного волеизъявления человек «осознанно» выбирает диктат бессознательного, следовательно, он является рабом натуры.

Раздел 6. Искусство постигать искусство

1

Ничто не делает человека так уродливо однобоким, как гениальность.

2

Нравственно порядочному искусству не остаётся ничего другого, как прикидываться самой жизнью (к вопросу о реализме).

3

Хорошая литература – это плохо выраженная, но замечательно усваиваемая мысль.

Хорошо выраженная мысль перестаёт быть литературой.

4

У кого туго с соображением – замечательно с воображением.

5

Чем больше сознания – тем меньше творчества; чем больше творчества – тем хуже творчество.

6

Подлинные поэты – всегда духовные уроды, умеющие переплавлять свою аномальность в нечто противоположное, в поэзию и красоту.

Красота – это ипостась говна или бегство от себя.

7

Художники – визитная карточка нации, мыслители – человечества; первыми гордятся как собственностью, вторые же – ничьи, то есть всеобщие.

8

Космополитическое искусство – такое же шарлатанство, как и национальное мышление с той лишь разницей, что в первом недостаёт бессознательного, тогда как во втором его избыток.

9

Искусство ради искусства, как и нации ради наций, интересны разве что в качестве курьёзов: как сиамские близнецы или телята с двумя головами.

10

Квинтэссенция поэзии: девки гуляют – и мне весело.

11

Поэзия не делает из человека личность, но позволяет ею оставаться.

12

Дар поэта – насквозь социален, и только дар философа – личностен.

13

Проще павиану сложить мадригал, нежели поэту освоить теорию Дарвина.

14

Поэт – это тот, в ком чужие мысли рождают свои чувства, выраженные своими словами.

15

Обидевший незащитного поэта – унизит себя; унижить мыслителя почти невозможно – и оттого особенно почётно.

16

Я отличаюсь от поэтов только тем, что у них из сора растут стихи, а у меня – лопухи и пустяки.

17

Великий поэт – это великий немой.

18

Поэт – это не система навыков и умений, а неподражаемое неумение мыслить.

19

Афоризмы удаются тому, кто понимает больше, чем можно выразить романом.

20

Великий афоризм – это несколько слов, которые меняют смысл всего текста культуры.

Раздел 7. Что есть счастье?

1

Счастливая жизнь – это искусство компенсировать тем, что есть, недостаток того, что тебе действительно необходимо.

2

Жить одним днём, возможно, и легкомысленно, однако у счастливых не получается иначе. Завтрашним днём живут обделённые судьбой, вчерашним – те, кому и в будущем надеяться не на что.

3

Мир прекрасен: в нём так много несчастных, что у тебя всегда немного шансов быть среди них первым.

4

Счастье – это волшебное состояние, когда ты рвешься на свободу из объятий любимых людей.

5

Единственно веским доказательством того, что счастье должно существовать, является реальность несчастья.

6

Тот, кто ищет счастье, обретает опыт, подсказывающий, что счастья нет, но искать его почему-то необходимо.

7

Счастье – обратная сторона либо пустой жизни, либо трагической.

8

Если человек начинает подводить итоги, то они всегда неутешительны. Вот почему счастье лежит в начале пути.

9

Для счастья необходимо то, что ни за какие деньги не купишь; но без денег необходимое для счастья быстро умирает или становится несчастьем.

10

Беда крадётся по следам счастья.

11

На свете счастья нет, но есть те, кто об этом не подозревают.

12

К истине ведет путь разочарований.

Дорога к счастью пролегает в обратном направлении.

Все было бы просто, если бы не одно обстоятельство: прикоснувшийся к истине тоже чувствует себя счастливым, а в самом глупом счастье есть своя сермяжная истина...

13

Счастье – это когда истина твой союзник; проблема только в том, что считать истиной.

14

Хорошему и тонкому человеку всегда будет не хватать для счастья в первую очередь денег, ибо для того, чтобы их зарабатывать, надо быть попроще – не таким тонким, не таким хорошим...

15

Наши достижения в жизни мы приписываем не удаче, а себе; в том, что мы не достигли желаемого, мы виним неудачу.

И это верно. Удача – это когда ты достиг желаемого, а не того, чего достиг.

16

В состав удачи входят две части: главная из них – чтобы тебе не мешали; оставшаяся – чтобы тебе помогли.

17

Иногда горьким утешением для неудавшейся жизни может служить то, что человек отравился вкусом счастья.

18

В жизни неотвратимо наступает такой этап, когда для того, чтобы быть счастливым дальше, необходимо понять, почему ты был счастлив до сих пор.

19

Если счастье включает в себя компонент духовный, следовательно, счастливы могут быть только умные и порядочные люди.

Дуракам – везет, а счастье – умным.

20

Несовершенство мира – несерьезный повод для того, чтобы быть несчастным.

Раздел 9. Философия достоинства

1

Все наши достоинства начинаются с признания того, что натура наша – исключительно подла и порочна.

2

Правды заслуживают только те, кто достоин уважения; всем остальным – комплименты.

3

Чтобы быть верным кому-то, надо научиться предавать себя.

4

Солидарность с теми, с кем жизнь обходится сурово, – азбука человечности.

5

Все мы – дети труда и потребления.

Однако на лице нашем и в душе чаще и легче различаются следы склонности ко второму, нежели усердия к первому.

6

Уважение к себе предполагает, увы, презрение к людям определённого типа.

7

Кто не побывал в шкуре мизантропа, тот не научится по-настоящему ценить людей.

8

Я уважаю Ваше право иметь собственное мнение; но я оставляю за собой право уважать или не уважать Ваше мнение.

9

Лучшие друзья получаются из эгоистов, не способных на подлость исключительно из чувства собственного достоинства.

10

Трудно упрекать человека за то, что он ничтожество и хам: это способ выживания; но восхищаться можно только теми, кто противостоит хаму.

11

Умному человеку терять нечего, но он обязательно найдёт то, что ему больно было бы потерять.

12

Что значит достойно жить?

Помнить о смерти.

Что значит недостойно жить?

Бояться смерти.

13

В любых конфликтах чувство вины острее переживает тот, кто умнее, хотя именно он чаще всего прав; дурак же никогда не бывает виноват.

14

Человек не может быть умнее самого себя, он может быть только умнее других.

15

Поисками счастья, красоты, добра следует заниматься людям хорошим, но недалёким, и они всегда найдут то, что ищут.

Умные люди находят не то, что ищут, а то, что находят.

16

Романтика красит зрелые годы так же, как декольте – старуху.

17

Духовный аристократ в трущобах – это настолько уродливо, что его хочется превратить в обитателя ночлежки уже из аристократического чувства стиля.

18

Просто будь честным: уже одно это сделает тебя умным человеком.

19

Кто работает, тот ест, кто мыслит – тот не работает. Следовательно, мыслит тот, у кого есть, что есть.

20

Свободное духовное творчество – божественно и безнравственно, ибо несовместимо с необходимостью добывать трудовую копейку.

Раздел 10. Если ты такой богатый, почему такой не умный?

1

Бедность, возможно, и не порок; но от этого она не становится ещё достоинством.

Богатство, возможно, и не добродетель, однако это ещё не основание считать его пороком.

Проблема не в бедности и богатстве как таковых, а в том, каким способом и какой ценой человек собирается выбраться из нищеты.

2

Там, где много совести или цинизма, – невозможен честный бизнес.

3

Цинизм в бизнесе – это когда вдруг вспоминают о совести.

Гуманность бизнеса – это когда выгодно говорить о совести.

Цинично о бизнесе: сколько стоит совесть?

4

Или ум – или деньги.

5

Чувство достоинства в чистом виде появляется тогда, когда кончаются деньги.

Кто имеет деньги – начинает презирать достоинство.

6

Гуманный бизнес – это гильотина с подушкой; но если альтернатива бизнесу – сопливое пассивное человеколюбие, то подушку хочется считать атрибутом гуманности.

7

Сказочное богатство рождается сказочной бедностью мысли.

8

Дураку деньги нужны для того, чтобы войти (или выйти) в люди, умному – чтобы от людей отгородиться.

9

Если у тебя нет денег – не думай, а думай о том, где их взять.

10

Культура стоит больших денег, деньги – большой крови. Стоит ли культура того, чего она стоит?

Вопрос риторический, то есть порождённый культурой, ибо без культуры кровь просто не имеет цены.

11

Высокая культура – не для хамов, а для внуков хамов.

12

Деньги, добытые философией, – это несправедливые деньги, ибо философия – не товар; товар – философ.

13

Чтобы стать великой и свободной личностью, надо иметь родителей, которые уже успели забыть, чем пахнет доставшееся им фамильное состояние.

14

К деньгам начинаешь относиться так, как они того заслуживают (то есть обращать на них минимум внимания) только тогда, когда их много.

Но ради этого всё своё внимание приходится тратить на добывание денег.

15

Деньги портят плохого человека.
Хорошего человека портит отсутствие денег.

16

Деньги приходят и уходят, а жажда их иметь — неизменна: с этого иррационального пунктика начинается всякий разумный бизнес.

17

Острую нужду в деньгах начинаешь испытывать именно тогда, когда имеешь то, что не купишь ни за какие деньги.

18

Если живешь в эпоху, когда все на продажу, за ум и совесть можно не беспокоиться: их как раз труднее всего продать.

19

Чем примитивнее человек, тем более могущественными кажутся ему деньги.

Но в полного идиота он превращается тогда, когда деньги становятся ему не нужны вовсе.

20

Принцип «уметь из всего извлекать выгоду» в конечном счете приносит так много вреда, что становится невыгодным.

Раздел 11. О вере без надежды

1

Вера — это способ психики уклониться от научного взгляда на мир.

2

Прийти к вере — самый почитаемый способ умственной и нравственной деградации.

3

Нет более кощунственного глумления над природой человека, чем святость.

4

Высоконравственные люди отличаются от святых тем, что первые мучительно переживают несовершенство слабого человека, тогда как вторые только злорадствуют по поводу мучений первых.

5

Только грех делает человека человеком, ибо несовершенство является инструментом духовного самосовершенствования.

6

Жестокость – орудие святых, при помощи которого они мстят миру за своё убожество.

7

Вера в бога – такое же интимное проявление слабости душевной, как, скажем, склонность к некоторым сексуальным отклонениям.

Афишировать последние люди не спешат, а вот о первой заявляют без тени смущения и стыда, ставя веру в химеру, без которой они не в состоянии прожить, себе в заслугу.

8

Наблюдая вечно актуальные религиозные состояния души, иногда проникаешься уважением к человеку, способному на относительно чистые движения сердца; реликтовое же религиозное мировоззрение не может вызвать ничего, кроме тяжёлого разочарования.

9

Бога нет, а религиозное сознание есть, и оно, в отличие от бога, стало настолько очевидной земной реальностью, что не замечать её могут позволить себе разве что те, чьё сознание устроено на манер верящих в несуществующего бога.

10

К богу как космической субстанции неприменима категория нравственности.

И лишь в отношениях между двумя хорошими людьми изредка просматривается призрак того, что хочется считать Богом.

11

Библия доказывает не наличие бога, а то, что человек не может обойтись без веры в несуществующего бога.

12

Простые объяснения могут привести к сотворению сложнейшего мифа; но самые запутанные мифы объясняются всегда очень просто.

13

Сверхчеловеком можно стать только одним способом: виртуальной, искусственно смоделированной реальностью протаранить реальность

невыдуманную.

Иначе говоря, сверхчеловек – это недочеловек, недоумок.

14

Миф – это способ существования оптимизма.

15

Что делать человеку, который развеял все иллюзии, относительно устройства этого мира?

Оставаться с иллюзией, что он ни во что не верит.

16

Самый большой крест достался в удел атеистам.

17

Крест несут только умные, всем остальным тяжело потому, что на них давит атмосфера.

18

Что такое чудеса?

Это когда на дубе познания по моему хотению произрастают маргаритки жизни.

19

Верующий рождается в тот момент, когда разум начинает понимать больше, чем может вынести душа.

20

Надежда – это жажда исключения из правил или стремление избежать всевластия закона.

Раздел 11. Философия философии и мышления

1

Философ – человек, осознающий, что он живёт среди дураков и не делающий попыток извлекать из этого выгоду, понимая, что иначе он превратится в одного из них.

2

Польза и философия – труднсовместимые понятия. Пожалуй, самая большая «польза» от философии состоит в том, что она помогает понять, что всё на свете бесполезно.

3

Когда приходится выбирать между возможностями быть богатым или быть философом – мудрец выбирает последнее.

Но если делать выбор между достатком и нищетой – мудрец выберет первое.

4

Что ни говори, а нищий философ вызывает жалость – чувство, несовместимое со смыслом того, что призван делать философ.

Иначе говоря, философия – плохой способ добывания хорошего куска пирога, и в обыденном смысле она стоит хорошего пирога.

Но вот богатый философ вызывает почему-то уважение.

Это уже целая философия...

5

Путь к собственной философии лежит не столько через философии чужие, сколько через преодоление своих несчастий.

6

Философия – это такой способ организации бытийных смыслов, который позволяет просто жить, ни о чем не думая.

7

Конечно, философия должна быть рождена жизнью; но она не должна зависеть от жизни.

8

Если ваша философия изменяется вместе с жизнью, значит вы зря тратите время на философию.

9

Настоящий философ постигает жизнь весело и бескорыстно, просто от избытка здорового любопытства, словно дельфин, резвящийся у носа корабля.

10

Философ до тех пор остаётся философом, пока не становится патриотом.

11

Мысли есть, а философии нет. Признак ума: мысли содержат философию.

12

Искусство философии – это жестокое искусство разоблачать иллюзии и получать при этом удовольствие.

13

Все философские афоризмы – об одном и том же.
Но вот о чём?..

14

Философия рождается на пике скрещения фундаментальных идеологий.

15

Остроумие на умную тему рождает философию, на тему неглубокую – улыбку.

16

Философия готова простить людям все, кроме того, что они люди.

17

Цена умного и талантливое человека измеряется не скромным его доходом, а той условной суммой, в которую обходится бессмертие.

18

Если красота и спасает мир, то ценой отказа от истины.
Вот почему иные спасённые не спешат благодарить...

19

Умный – тот, кто знает, где находится истина, но не спешит туда, предпочитая указывать дорогу дуракам.

20

Быть кратким, увы, – быть категоричным.

21

Чем сильнее развит интеллект, тем более сказывается в человеке отсутствие разума.

Раздел 12. Мужчина – это...

1

Уже только один факт того, что смыслом жизни мужчины может стать женщина, свидетельствует о естественном происхождении людей.

2

Критерий порядочности женщины: она не изменяет своему мужу.
Критерий порядочности мужчины: с ним может изменить даже

порядочная женщина.

3

Порядочность мужчины определяется не столько его отношением к жене, сколько отношениями с любовницами.

4

Стремись к истине – или оставь это мужчинам.

5

Не нюхавший порошу – не мужчина.
Не родившая ребёнка – не женщина.
Не совершавший глупостей – не мудрец.

6

Имеющий горячее сердце и холодную голову – мужчина.
Имеющая горячее сердце – женщина.
Умеющий играть на музыкальном инструменте – музыкант.

7

Из того, что мужчина умнее женщины, следует: женщина всегда будет чувствовать себя с мужчиной счастливее, чем мужчина с женщиной.

В тех случаях, когда неглупая женщина оказывается умнее мужчины, мы можем увидеть и счастливого супруга.

8

Все проблемы мужчины связаны с женщинами.

Но решать с помощью женщины свои проблемы – всё равно что тушить пожар керосином.

9

В мужчине сильнее говорят инстинкты, в женщине – инстинкты, завуалированные психологией, принявшие обличье, так сказать, волков в овечьей шкуре.

Какой из полов, сильный или прекрасный, ближе к природе и дальше от человека?

Все овечье-человечьи, то есть психологические проявления женщины – лисья маскировка натуры; прямо же, «по-волчьи» признаваемая зависимость от инстинктов неожиданно выдвигает мужчину в лидеры рода человеческого, ибо признание такое есть результат деятельности ума, главного элемента культуры, но не психики, которая суть продолжение природы.

10

В сущности, у ковбоев с лошадьми больше общего, чем с мужчинами.

11

Уступить волкодаву удовольствия – это так по-женски...
Для мужчины удовольствие начинается с победы над здравым смыслом.

12

Как только перестаёшь идеализировать женщин, тебе почему-то попадают одни стервы.

13

Цветы и шампанское – это наиболее романтический способ навязать себя в качестве сексуального партнера.

14

Крепкая семья, верные любовницы (чужие жены), а также профессия по призванию, не дающая умереть с голоду, – вот наиболее приятные следствия из парадоксально устроенного мира.

15

Проблема не в том, что женщины такие.
Проблема в том, что мы в них нуждаемся.

16

Что значит любить женщину?
Игнорировать культурный инстинкт, потакая природному.

17

Мужская юность приписывает женщине то, чего не находит в себе: культурное совершенство.

Мудрую зрелость восхищает то, что женщина бесконечно далека от культуры.

Поклонение сменяется анализом, стихи – прозой, кудри – лысиной, не меняется лишь наше отношение к женщине: мы их любим и обожаем, ибо они суть то, чего так не хватает нам.

18

От вида глупого мужчины корбит еще больше, чем от вида женщины, которая считает себя умной.

19

Сильный мужчина – всего лишь обратная сторона слабой женщины; умный мужчина – обратная сторона бога.

20

Разумному мужчине женщина подчиняется с удовольствием и без ущерба для достоинства сторон; неразумного она с удовольствием подчиняет, что унижает обоих.

Раздел 14. Пессимизм мудрости

1

Мудрость – такое же преступление против человечности, как и беспросветная глупость.

Последняя, правда, всегда имеет шанс эволюционировать в сторону своей противоположности; мудрость же не имеет никаких шансов и перспектив.

Вот почему глупость оптимистична, а мудрость – неотделима от пессимизма.

2

Бремя мудрости делает мудрецов горбатыми.

3

Шутовство иногда бывает обратной стороной мудрости; но трудно представить себе мудрость обратной стороной шутовства.

4

Мудрецы, понимающие, что жизнь бессмысленна, страдают, в сущности, от одного: от того, что им приходится по-идиотски корчиться от смеха, наблюдая за потугами тех достойных уважения людей, которые пытаются придать жизни смысл.

5

Самое смешное то, что никто не смеётся в мире последним...

6

Конечно: не плакать, не смеяться, а понимать; но понимание вызывает либо смех, либо смех сквозь слёзы.

7

Гуманисты – это люди, обнаруживающие источники иллюзий, необходимые для поддержания жизни.

8

Правда – это всего лишь месть мудрецов миру за то, что они мыкали горе от ума.

9

Сам факт того, что мудрость нельзя доказать, служит лучшим доказательством того факта, что мир сошёл с ума.

10

Мудрость всегда печальна, ибо она знает, что надо делать и понимает, что это невозможно.

11

Дурак видит улыбку, умный – череп за улыбающимся лицом, мудрый – улыбается в ответ.

12

Ошибки мудрых становятся очевидны через сто лет; а через двести становится понятно, почему их приняли за ошибки.

13

Мудрость и кабинет – это одна сторона вопроса, притом внешняя.
Другая: мудрость рождается не из книг, а из жизни, пропущенной сквозь книги.

14

Улыбку от усмешки отделяет всего одна морщина.

15

Мне в жизни крупно повезло: сначала я достиг своей цели и только потом понял, что она нереальна.

16

О смерти нельзя забыть даже тогда, когда ты о ней не помнишь.

17

В уродливом мире началом созидательным становится энергия разрушения.

18

В сущности, приятно в жизни только одно: поделиться с кем-нибудь ощущением паршивости жизни.

19

Мужество старости – признать, что ты уже состоялся; мужество молодости – признать, что тебе предстоит состояться.

20

Иногда роскошь человеческого общения – это одиночество.

21

В человеке удивительно только одно: как же невероятно сложно проявляется его простая сущность.

Раздел 13. Натура и культура – воспитатели и учителя

1

Современные гуманитарные науки – не способ познания человека, а средство приспособления к той реальности, что познать свой предмет они не в состоянии.

2

Университет – это не храм знаний, а место, где учат с помощью знаний развивать мышление.

3

Ничего нового о мире уже давно не говорится; но это не значит, что хорошо усвоено ранее сказанное.

4

Человек произошёл от обезьяны, но это не означает, конечно, будто в роже орангутанга светится лик апостола; это означает, что за ликом сквозит рожа.

5

Талант преподавателя: чем яснее видишь, как ускользает от тебя смысл, тем яростнее доказываешь обратное ученикам.

6

Сначала взгляды человека определяет семья, затем эпоха, культура, потом он сам и, наконец, объективный ход вещей.

7

В конце концов, книги – всего только один из способов познать человека, что означает, между прочим, следующее: человека можно познавать и без книг.

Для умного общение с книгами становится незаменимым средством познания себя, для дурака – способом не замечать того, ради чего написаны книги.

8

Если можешь прожить без иллюзий, значит, ты живешь иллюзией, что ты – сверхчеловек.

9

Человек, собственно, и не покидал пещеры, просто пещеры приняли форму дворцов.

10

Один из самых распространённых талантов – казаться талантливым.

11

Если на древе познания зацвели цветы жизни, значит вы перепутали ум с душой, а не осень с весной.

12

Странно: тот, кто умеет мыслить, более всего ценит способность не думать, быть волной, собакой или женщиной.

13

Когда из человека прет воспитанность и эрудиция – он хам и дурак.

14

Самое сложное в культуре – не перестать быть естественным человеком.

15

Даже в нежелании бить рекорды есть свои чемпионы.

16

Природа человека толкает его к лидерству.

Вот почему мы охотно прощаем любое варварство первому, а добродетели последнего интересны нам только как причины аутсайдерства.

17

Вторая половина жизни дается для того, чтобы понять, зачем нужна была половина первая.

18

Ничто так не сплачивает, как ненависть к врагам, зависть к талантам и любовь к себе.

19

Хорошими часто становятся не от хорошей жизни, поэтому обделенным хочется считать, что хорошая жизнь портит.

20

Приходится считаться с тем, что низкое качество людей определяет высшие ценности жизни.

21

Если вам не чуждо ничто человеческое – вы человек; а если чуждо – тем более.